РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА

А. Я. Кожурин

Н. Я. ДАНИЛЕВСКИЙ: ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Санкт-Петербург
Издательство Российского государственного педагогического
университета им. А. И. Герцена
2020

ББК 87.3
К58

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 20-111-00038 (договор № 20-111-00038/20 от 20.02.2020), не подлежит продаже

Кожурин А. Я.

К58 Н. Я. Данилевский: жизнь и творчество: монография. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. — 204 с.

ISBN 978-5-8064-2904-0

Монография посвящена творчеству русского мыслителя и натуралиста Н. Я. Данилевского. На 2019 год пришлось 150-летие выхода в свет его труда «Россия и Европа», положившего теоретические основания культурно-цивилизационному направлению в философии истории и культурологии. Предметом анализа стало идейное наследие Н. Я. Данилевского, изложенное в этой книге, а также в других работах мыслителя. Автор монографии также уделил внимание полемике, которая в конце XIX века возникла вокруг его книг — «Россия и Европа» и «Дарвинизма».

Монография обращена ко всем интересующимся историей русской культуры и философии.

ББК 87.3

Kozhurin A. Ya.

N. Ya. Danilevsky: The life and Work. — St. Petersburg: Publishing House of the Herzen State Pedagogical University of Russia, 2020. — 204 p.

The monography is devoted to the work of the Russian thinker and naturalist N. Ya. Danilevsky. 2019 marked the 150th anniversary of the publication of his work «Russia and Europe», which laid the theoretical foundations for the cultural and civilization direction in the philosophy of history and cultural studies. The subject of the analysis was the ideological legacy of N. Ya. Danilevsky, described in this book, as well as in other works of the thinker. The author of the monograph also paid attention to the controversy that arose around his books «Russia and Europe» and «Darwinism» at the end of the XIX century.

The monograph is addressed to all those interested in the history of Russian culture and philosophy.

ISBN 978-5-8064-2904-0

© А. Я. Кожурин, 2020
© Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2020
© С. В. Лебединский, обложка, 2020

Н. Я. Данилевский разработал две громадные идеи, из которых одна положительная по содержанию, другая — отрицательная. Мы разумеем его теорию культурно-исторических типов, развитую в книге «Россия и Европа», и критику дарвинизма, изложенную в двух томах неоконченного сочинения, которое носит название этой теории.

В. В. Розанов

ВВЕДЕНИЕ

В известном «Философнческом письме» П. Я. Чаадаев вопрошал: «А теперь, я вас спрошу, где наши мудрецы, где наши мыслители? Кто из нас когда-либо думал, кто за нас думает теперь?» [58, с. 329]. Конечно, и тогда, когда эти строки были написаны, они не соответствовали действительности. Ведь современниками автора «Философических писем» были А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь, С. С. Уваров и Ф. И. Тютчев, М. П. Погодин и С. П. Шевырев, которых он знал лично. В ходе полемики, начатой публикацией работы П. Я. Чаадаева, оформились основные течения русской философской и социально-политической мысли первой половины XIX столетия — славянофилы и западники. Но, как нам представляется, их неуместность стала особенно очевидной в 1869 году. В этом году в журнале «Заря» была опубликована работа Н. Я. Данилевского «Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мпра к Германо-Романскому». В ней мы видим первое полноценное изложение культурно-цивилизационной концепции и хотя бы в этом отношении книга Н. Я. Данилевского заслуживает самого серьезного внимания. Кроме того, «Россия и Европа» — важнейший памятник национального самосознания.

Не меньшего внимания заслуживает и второй фуидаментальный труд мыслителя — «Дарвинизм. Критическое исследование» (1885–1889), в котором автор проанализпровал и подверг основательной критике эволюционное учение. Это учение, предложенное Чарльзом Дарвином (1809–1882), получило небывалое распространение в интеллектуальной атмосфере второй половины XIX века. Бросить ему вызов — было сродни признанию в ереси. Одним из тех, кто не принял теорию Ч. Дарвина и открыто выступил против нее, был Н. Я. Данилевский. В нашей работе мы уделим первостепенное внимание идеям, изложенным в этих книгах, а также рассмотрим ту полемику, которую они вызвали в конце XIX столетия.

Говоря о магистральной линии русской философии XIX века, Ф. Э. Шперк обозначил в качестве таковой «общую философскую историю» [135, с. 61]. Эта линия, считал исследователь, была

представлена в рассматриваемый период концепциями П. Я. Чаадаева, А. И. Герцена, Ф. М. Достоевского, К. Н. Леонтьева, В. В. Розанова. Ф. Э. Шперк причислял к этой линии и Н. Я. Данилевского. В свою очередь, американский специалист по русской культуре признавал: «В XIX веке наиболее оригинальным и эрудированным русским специалистом в области философни истории был Николай Яковлевнч Данилевский. Его сложная и непростая для понимания философско-историческая система представляет собой изящную и прочно сотканпую комбинацию онтологического, эпистемологического и социологического подходов. Очень немногие из русских мыслителей XIX столетия, по оригинальности мысли и отстраненности от западных философских моделей, могут быть поставлены наравне с ним» [140, с. 96]. То, что идеи Н. Я. Данилевского не получили должного отклика в русском обществе того времени, А. Вучинич связывает с непопулярностью его политических воззрений.

Если брать концепцию Н. Я. Данилевского, а также близкого ему в ряде отношений К. Н. Леонтьева, в контексте развития европейской философии, то они, несомненно, должны быть отнесены к аристотелевской линии. Надо заметить, что формирование этих концепций предшествовало бурной деятельности В. С. Соловьева, «обратившего» большую часть религиозно и идеалистически настроенной интеллигенции конца XIX — начала XX века на путь христианского платонизма. С В. С. Соловьевым интересующих нас авторов связывали весьма непростые отношения. Как известно, творец «России и Европы» его резко и основательно критиковал (см. его статью «Владимпр Соловьев о православии и католицизме», 1885). К. Н. Леонтьев и полемизпровал, и восхищался личностью и творчеством основоположника русской версии метафизики всеединства. Тем не менее принадлежность Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева, с одной стороны, и В. С. Соловьева, с другой, к разным направлениям философской традиции не должно быть поставлено под сомнение.

Закономерно, что установки аристотелизма проявились и в антропологических построениях Н. Я. Данилевского. Нельзя забывать, что интересующий нас мыслитель получил естественно-научное образование. Соответственно, интерпретпруя человека, он не мог не обращать внимания на его биологическую составляющую. Отсюда — стремление создать синтетическую концепцию человека. Подобная концепция должна была соединить биологические, социальные и интеллектуальные аспекты его существования. Тело в этой системе координат выступало не как «темница души», что было

характерно для платонизма во всех его вариациях, а как необходимая составляющая человеческого бытия. Это — один аспект проблемы. С другой стороны, для Н. Я. Данилевского был неприемлем редукционистский подход к человеку, торжествовавший во второй половине XIX столетия — под несомненным воздействием дарвинизма и успехов физиологии (вспомним, к примеру, знаменитые работы И. М. Сеченова). Достижениям конкретных наук в эту эпоху придавался статус истины последней инстанции. Подобные установки Н. Я. Данилевскому были чужды.

Существенное значение имело различение автором «России и Европы» родового и видового в отношении человечества и отдельных народов. Полемизируя с установками европоцентристов, включая сюда и отечественных западников, он в шестой главе своей великой книги писал: «Человечество и народ (нация, племя) относятся друг к другу, как родовое понятие — к видовому; следовательно, отношения между ними должны быть вообще те же, какие вообще бывают между родом и видом. <…> Род, понимаемый в этом смысле, есть только отвлечение, получаемое через исключение всего, что есть особенного в видах; это — сумма свойств всех видов, за вычетом всего, что есть в них необщего всем им, и потому род есть нечто в действительности невозможное, по своей неполноте нечто более бедное, чем каждый вид в отдельности, который, кроме общеродового, заключает в себе еще нечто особенное, хотя это особенное и менее существенно, менее важно, чем общее» [9, с. 101].

Перенося данную установку на проблематику философии культуры, Н. Я. Данилевский указывал, что «*общечеловеческого* не только нет в действительности, но и желать быть им — значит желать довольствоваться общим местом, бесцветностью, отсутствием оригинальности — одним словом, довольствоваться невозможною полнотою. Иное дело — *всечеловеческое*, которое надо отличать от *общечеловеческого*; оно, без сомнения, выше всякого отдельно-человеческого, или народного; но оно и состоит только из совокупности всего народного, во всех местах и временах существующего и имеющего существовать; оно несовместимо и неосуществимо в какой бы то ни было одной народности; действительность его может быть только разноместная и разновременная» [9, с. 103][1].

[1] Прекрасный образчик диалектического подхода и ответ не только русским западникам XIX столетия, но и ортодоксальным марксистам следующего века, а также глобалистам нашего времени.

Отметим еще один аспект, в котором интересующий нас автор серьезно опередил свое время. Основоположниками геополитики традиционно называют немца Фридриха Ратцеля (1844–1904), англичанина Халфорда Маккиндера (1861–1947) и шведа Рудольфа Челлена (1864–1922), который и изобрел данное понятие. Но задолго до того, как свет увидели произведения этих авторов, мы видим развернутый геополитический проект в «России и Европе». Несомненно, Н. Я. Данилевский был отцом-основателем русской геополитики, но, как нам представляется, его следует признать и создателем первой развернутой геополитической концепции вообще.

Разумеется, Н. Я. Данилевский имел предшественников. Одним из них был Федор Иванович Тютчев (1803–1873). Характеризуя установки гениального поэта и мыслителя, В. В. Кожнов указывал: «Наиболее крупный геополитический феномен — континент-государство, или, вернее, континент-империя. С внешней точки зрения Европа, например, представляется суммой отдельных земель-государств, однако в тысячелетней европейской истории не единожды создавалась так или иначе, в той или иной мере объединявшая континент *империя*, которая как бы существует *подспудно* и тогда, когда ее нет налицо. Об этом проникновенно писал еще полтора века назад великий поэт и мыслитель Федор Тютчев» [98, с. 622]. Нелишним будет также упомянуть философско-исторические построения Михаил Петрович Погодина (1800–1875). Например, его работу «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала», онубликованную в 1845 году [18, с. 153–166].

Наряду с Н. Я. Данилевским, развернутую версию геополитики дал В. И. Ламанский. Будучи крупнейшим славистом своего времени, любимым учеником И. И. Срезневского, Владимпр Иванович Ламанский (1833–1914) исследовал отличительные особенности славян и специфику их просвещения. В. И. Ламанского, наряду с К. Н. Бестужевым-Рюминым, А. С. Будиловичем, М. О. Кояловичем, О. Ф. Миллером, причисляют к академическому славянофильству. Он стал основателем школы славистики, среди представителей которой были Ф. И. Успенский, К. Я. Грот, Т. Д. Флоринский и др. В. И. Ламанскому принадлежали такие труды, как «О славянах в Малой Азии, Африке и в Испании» (1859), «Об историческом изучении греко-славянского мпра в Европе» (1871) и «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892). В них он, подобно Данилевскому, проводил идею о принципиальном различии двух мпров — греко-

славянского и романо-германского[2]. Первую из указанных работ ученый защитил в качестве магистерской диссертации в начале 1860 года. Вторая из них стала докторской диссертацией В. И. Ламанского и символнчно, что она увидела свет в один год с отдельным изданием «России и Европы». Кстати, оба мыслителя были знакомы и контактпровали. Если учитывать геополитический аспект, то особое значение имело третье из указанных нами произведений В. И. Ламанского.

Завершая разговор об отцах-основателях русской геополитики, необходимо назвать еще одно имя. Речь идет о генерале Ростиславе Аидреевиче Фадееве (1824–1883) — военном историке, писателе и публицисте. Он был участником Кавказской войны, офицером для «особых поручений» при главнокомаидующем князе А. И. Барятинском и близким сотрудником начальника штаба Д. А. Милютина. Р. А. Фадеев принял личное участие в штурме последнего оплота имама Шамиля — аула Гуниб, а после окончания войны, по поручению А. И. Барятинского, написал ее историю («Шестьдесят лет Кавказской войны», 1860). Дальнейшем им были изданы «Письма с Кавказа» (1865), «Мнение о восточном вопросе» (1870), подготовлена «Записка об управлении азиатскими окраинами». Находился в сложных отношениях к «великим реформам» Алексаидра II. В этой связи необходимо упомянуть книгу Р. А. Фадеева «Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?)», увидевшую свет в 1874 году [52, с. 444–610]. На нее откликпулись такие выдающиеся мыслители и публицисты, как Ю. Ф. Самарин, А. И. Кошелев и К. Д. Кавелин. Работа Ю. Ф. Самарина, направленная против книги Р. А. Фадеева, носила название «Революционный консерватизм» (1875).

Возвращаясь к геополитическому проекту Н. Я. Данилевского, отметим, что он был в значительной мере реализован после окончания Второй мировой войны. Как нетрудно понять, речь идет о социалистическом лагере, возникшем в Восточной Европе. Он представлял собой своеобразную славянскую федерацию, с вкраплением в нее других этносов, что, впрочем, подразумевал и сам автор «России и Европы». Если заменить Грецию восточной Германией (по сути

[2] В речи, произпесенной при защите магистерской диссертации, В. И. Ламанский следующим образом характеризовал зпачепие русского парода: «Русский народ не только вынес все суровые испытания своих южных и занадных сонлеменников, по и совершил переворот в истории славянского мира. Как принцип и идею оп заставил призпать славянскую личность» [20, с. 32].

дела бывшей Пруссией), то перед нами будет практически тот же набор народов и территорий, который предложил автор «России и Европы». Так что реализация данного проекта, чтобы не говорили современные злопыхатели, было не насилием над историческим развитием этих стран, а вполне естественным процессом. Процесс этот, при определенных обстоятельствах, может и повториться.

В разгорающейся на наших глазах очередной геополитической схватке идеи Н. Я. Данилевского звучат более чем актуально. Действительно, мы можем наблюдать, что в жертву геополитическим установкам сегодня приносятся экономические интересы (санкции Запада против России), межкультурные коммуникации, сами принципы международного права (односторонний и демонстративный выход США из ряда договоров) и т. д. Надо вспомнить сравнительно недавнюю историю, чтобы увидеть, что подобное отношение Запада к России не есть что-то случайное.

Великолепно иллюстрирует его С. Г. Кара-Мурза: «Западные историки XIX века назвали Карла I, "очистившего" Центральную Европу от славян, главной фигурой истории Запада — выше Цезаря и Александра Македонского и даже выше христианских героев. Когда Наполеон готовил поход на Россию, его назвали "воскресшим Карлом". В 30–40-е годы XIX века в Европе считали неизбежным "крестовый поход" Запада против "восточного тпрана". В 1942 г. фашисты пышно праздновали 1200 лет со дня рождения "Карла-европейца", а в разгар эпохи Аденауэра кардинал Фрингс из Кельна назвал холодную войну "реализацией идеалов Карла Великого"» [95, с. 331][3].

Отношение к идейному наследию Н. Я. Данилевского представляет яркий пример того, какими средствами эта борьба ведется. Его концепция, сформулпрованная в «России и Европе», представляет собой первую четко оформленпую культурно-цивилизационную концепцию в истории. За Н. Я. Данилевским последовали другие концепцни подобного рода — как в России, так и на Западе. Но тщетно было бы искать у западных представителей данного направления исследования ссылок на своего русского предшественника. Их мы

[3] Показательпо, что имеппо Ахеп, столица империи Карла Великого, был в пачале 2019 года выбран местом подписания пового договора о сотрудничестве и интеграции между Францией и ФРГ. Данный договор содержит и военные статьи (образование евронейской армии), нанравленные, как нетрудно догадаться, нротив России.

не находим ни у О. Шпенглера, ни у А. Тойнби, ни у С. Хантингтона. Не было такого мыслителя — Н. Я. Данилевского, и точка.

Между тем сохранились свидетельства, что с идеями автора «России и Европы» они были прекрасно знакомы. Относительно О. Шпенглера данное свидетельство оставил П. А. Сорокин. Ему, в свою очередь, об этом рассказал Ф. А. Степун, имевший личную встречу с автором «Заката Европы», которому был известен французский перевод книги Н. Я. Данилевского [122, с. 233]. Или, к примеру, С. Хантингтон в «Столкновении цивилизаций» (1996) приводит список авторов, исследовавших природу и динамику цивилизаций. Среди них мы видим имена М. Вебера, Э. Дюркгейма, О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Броделя и др. [55, с. 584–585, примеч.]. Вполне «естественно», что имя Н. Я. Данилевского здесь даже не упоминается. Оно, впрочем, в специфическом контексте всплывает в другом месте книги американского теоретика. Н. Я. Данилевский подается как представитель славянофильства, выступавший с критикой политики европеизации России [55, с. 231]. Все это, несомненно, является результатом той многовековой геополитической борьбы, которая идет между Россией и Западом. Борьбы, которую столь великолепно описал и объяснил наш великий соотечественник.

Если же русскому автору посвящается монографическое исследование, то и здесь мы сталкиваемся с предвзятым подходом. Именно случай Н. Я. Данилевского ярко иллюстрирует его. Например, в 1967 году в США вышла книга под характерным названием — «Данилевский. Русский тоталитарный мыслитель» [137]. Ее автор, Роберт Мак-Мастер, с помощью понятия «философский тоталитаризм» объединял воззрения таких авторов, как К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, П. Н. Ткачев, Н. Г. Чернышевский и др. Попал в эту компанию и Н. Я. Данилевский, чьи воззрения, по мнению Р. Мак-Мастера, необходимо рассматривать сквозь призму «феномена большевизма» [137, с. 297]. Любому отечественному читателю подобное истолкование покажется весьма произвольным, но оно наглядно иллюстрирует манеру работы западных исследователей с наследием представителей русского консерватизма. Оно также демонстрирует положение о неразрывной связи социогуманитарного познания с политическими практиками.

Впрочем, что говорить о западных авторах. Нигилистическое отношение к идейному наследию Н. Я. Данилевского характерно и для ряда отечественных исследователей. Возьмем, к примеру,

В. В. Зеньковского — автора основательной «Истории русской философии». В этом труде, чей объем превышает тысячу страниц, не нашлось места для концепции Н. Я. Данилевского. Между тем в более ранней работе, «Русские мыслители и Европа» (1927), его воззрения разбпраются достаточно подробно [88]. Нечто подобное следует сказать и о других историках русской философии из числа эмигрантов первой волны (Н. О. Лосский, прот. Г. Флоровский). Как нам представляетея, преемственность от идейных установок В. С. Соловьева помешали им объективно рассмотреть воззрения Н. Я. Данилевского.

В постсоветский период творчество Н. Я. Данилевского неоднократно становилось предметом рассмотрения. Отметим работы, вышедшие за последние два десятилетия. Среди них есть книги, посвященные анализу философско-исторнческой и социально-философской концепцни Н. Я. Данилевского: [70; 126]. Кроме того, особый интерес исследователей вызывает тема России в его философско-исторической концепции [71; 85]. Не прошла мимо взора исследователей и роль Н. Я. Данилевского в разработке национальной идеологии [102]. Мыслитель рассматривается в числе выразителей подлинной русской философии [90]. Его объявляют основоположником русской историософии [82]. Наконец, необычайная актуальность идей Н. Я. Данилевского в контексте философско-образовательной проблематики также оказалась в центре внимания современных исследователей [113]. В своей работе мы будем опираться на лучшее, из написанного об авторе «России и Европы» и «Дарвинизма»[4].

[4] К сожалению, па сегодняшний день архив и переиска П. Я. Данилевского практически пе изданы. Из публикаций прошлых лет можио отметить лишь подборку иисем Николая Николаевича Страхова (1828–1894) к герою пашей работы, увидевшую свет более ста лет тому пазад [29].

Часть I

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Николай Яковлевич Данилевский…
был в высшей степени оригинальной
и симпатичной личностью.

П. П. Семенов-Тян-Шанский

Необходимо остановиться на жизненном пути Николая Яковлевича Данилевского. Это важно потому, что в его лице мы имеем дело не только с крупнейшим мыслителем XIX столетия, но и с видным натуралистом, а также с настоящим организатором хозяйственной жизни России. Если брать последний аспект, то в сфере интересов Н. Я. Данилевского были проблемы реорганизации денежной системы России, протекционистские меры в сфере промышленного производства, наведение порядка в рыболовном хозяйстве, борьба с болезнями садовых растений и т. д. Мы попытаемся кратко остановиться на всех этих аспектах деятельности нашего великого соотечественника.

Н. Я. Данилевский родился 28 ноября (10 декабря по новому стилю) 1822 года в родовом имении его матери Дарьи Ивановны (урожденной Мишиной) — селе Оберец Ливенского уезда Орловской губернии. Крещен был в Покровской церкви села Остров, находившегося в семи километрах. В семье было еще двое детей — Александр и Елена. Отец будущего мыслителя, Яков Иванович (1789–1855), комаидовал гусарским полком, участвовал в войне 1812 года и в последующем заграннчном походе русской армни. В отставку Я. И. Данилевский вышел в чине бригадного генерала, но когда во время Крымской войны создавалось Орловское ополчение, он был единодушно избран его начальником. Правда, принять участие в очередной войне ему не пришлось — смерть настигла Я. И. Данилевского 2 августа 1855 года, через два часа после смотра ополчения[1].

---

[1] Род Данилевских малороссийского нроисхождения. Его родоначальником был Данила Данилович Данилевский (1648–1719) — судья Изюмского полка. По легенде в его доме неред Полтавской битвой останавливался Петр I. Род Данилевских был впесеп в I часть родословпой книги Харьковской губернии. Помимо П. Я. Данилевского, представителем этого рода был известный романист Г. П. Данилевский — автор «Мировича» и «Сожженной Москвы».

В детстве будущему автору «России и Европы» пришлось немало постранствовать, так как полк его отца постоянно менял места своей дислокации (Ливны, Нежин, Несвиж и др.). С 1833 года Н. Я. Данилевский обучался в различных частных пансионах Дерпта и Москвы, где освоил иностранные языки (немецкий, французский, английский и латынь), а в 1837 был принят в Царскосельский лицей. Он учился на XII курсе знаменитого учебного заведения — I, как известно, был пушкинский курс. За годы, прошедшие между ними, в учебной программе произошли определенные изменения. «В 1834 году в Лицее было отменено преподавание высшей математики и увеличены курсы статистики, истории, юридических наук и языков. В начальный курс был введен английский язык, а из курса нравственных наук исключена философия нравственности. К тому же начальный курс математики был ограничен арифметикой, геометрией и началами алгебры. Стали преподавать музыку и гимнастику, ввели юридическую практику. В том же году было утверждено положение, по которому выпускникам Лицея предоставлялось право слушать в Петербургском университете курс по избранным специальностям» [116, с. 162][2].

В Царском Селе Данилевский познакомился с братьями Семеновыми — Николаем Петровичем (ему будет посвящен «Дарвинизм») и Петром Петровичем (в будущем — знаменитым путешественником, исследователем Тян-Шаня). Эта дружба длилась почти полвека. Вот как писал о своем друге П. П. Семенов-Тян-Шанский, чьи слова мы уже частично использовали в эпиграфе: «Николай Яковлевич Данилевский, с которым так тесно были сплетены мои университетские годы, так как мы не только жили вместе, но и делили между собою все свои занятия, был в высшей степени оригинальной и симпатичной личностью. <…> Данилевский обладал огромной эрудициею: перечитали мы с ним кроме книг, относившихся к нашей специальности — естествоведению, целую массу книг из области истории, социологии и политической экономии, между прочим все лучшие тогда исторические сочинения о французской революции и оригинальное изложение всех социалистических учений (Фурье, С.-Симона, Оуэна и т. д.)» [36, с. 477].

---

[2] Обучаясь в Лицее, наш герой не был чужд и артистических увлечений. 19 октября 1843 года, в день лицейского праздника, последний выпуск в Царском Селе по традиции устраивал спектакль для многочисленных гостей. Играли сцены из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». Юный Данилевский исполнял роль Собакевича.

Из приведенных строк видно, что Данилевский не остановился на образовании, полученном им в Царскосельском лицее, где он считался одним из наиболее талантливых и разносторонних учеников, а продолжил его в Санкт-Петербургском университете. Хотя лицейское образование прправнивалось к университетскому курсу, но оно имело гуманитарно-юридический уклон, что не устраивало выпускника. Кроме того, молодого человека не привлекала чиновничья карьера. Главным предметом интересов Данилевского было естествознание, он стал вольнослушателем естественного факультета столичного университета (1843–1848). Среди студентов будущий мыслитель пользовался высоким авторитетом, что отмечал еще один его друг — Н. Н. Страхов [41, с. 364–365]. Обучение в университете было вполне успешным — в 1847 году Данилевский получил степень кандидата, а в 1849 представил диссертацию на степень магистра ботаники («Орловская флора»). Материал для написания магистерской диссертации он собирал в Орловской губернии.

Интересное происшествие произошло летом 1848 года, когда Н. Я. Данилевский и П. П. Семенов пешком путешествовали из Петербурга в Москву, составляя ботаническую коллекцию. В это время в России свирепствовала эпидемия холеры и крестьяне, приняв натуралистов за распространителей этой болезни, собпрались расправиться с ними. От крестьянского самосуда друзей спасла решительность Данилевского, который смог убедить крестьян в непрнчастности к их напастям. Этот случай наглядно свидетельствовал не только о недоверчивом отношении простого народа к представителям привилегированного сословия, но и о том, что с жизнью этого самого народа автор «России и Европы» был знаком не только по книгам.

В университетский период Данилевского поджидали и серьезные искушения — из человека консервативного склада, искренно религиозного, он превратился в радикала, поклонника учения Шарля Фурье. Именно в этом качестве он привлек внимание властителей дум того времени — В. Г. Белинского и В. Н. Майкова, которые читали его статьи в «Отечественных записках». Самое первое выступление в печати Данилевский посвятил критическому разбору повести О. И. Сенковского «Падение Ширванского царства». Автора этой повести, знаменитого писателя и издателя, он обвинил в плагиате. В 1848 году Данилевский опубликовал два объемных научно-популярных очерка — «Дютроше», посвященный жизни

и деятельности французского натуралиста, и «Космос. Опыт физического мироописания Александра фон Гумбольдта». Эти работы недвусмысленно свидетельствовали о сфере его интересов в эти годы.

Кстати, данные статьи писались Данилевским не только из научно-популярных соображений или желания прославиться, но и из соображений материального характера (за две последние статьи автор получил 600 рублей). Его семья была не богата, и он вынужден был сам заботиться о своем содержании. Отсюда — выход на журналистские круги столицы. Через знакомство с оппозиционными журналистами, Н. Я. Данилевский был вовлечен в знаменитый кружок М. В. Петрашевского — кстати, бывшего лицеиста. Среди участников этого кружка были М. Е. Салтыков (Щедрин) и Л. А. Мей, лицейские товарищи Н. Я. Данилевского (ученики XI и XIII курсов, соответственно), а также Ф. М. Достоевский, А. Н. Плещеев, А. Н. и В. Н. Майковы, Д. В. Григорович, Н. А. Спешнев, В. А. Милютин.

Данилевский выступал в кружке Петрашевского в качестве главного эксперта по социалистическим доктринам. Особенно привлекало участников кружка его изложение учения Ш. Фурье. Это учение интерпретировалось им как социально-экономическое, а не как политическое. Данное обстоятельство необходимо учитывать, ибо для власти России того времени наибольшей опасностью представлялись заговоры политических радикалов, но не абстрактные, как тогда казалось, социалистические теории. Это же необходимо заметить и о концепциях русских консерваторов, которые начали оформляться в николаевскую эпоху. Когда в известной работе 1848 года Ф. И. Тютчев говорит о Революции и противостоящей ей России, то речь идет о либеральной революции, а никак не о революции социалистической [18, с. 171–182]. Данное обстоятельство необходимо учитывать, когда мы анализируем концепции того времени.

В 1848 году по Европе прокатилась настоящая волна революций. Они охватили Францию, Германию, Австрийскую империю. Власть имущим в этих странах пришлось принимать экстраординарные меры для наведения порядка. В какой-то мере им это удалось, но, как отмечает С. В. Лебедев, «хотя политически революция потерпела поражение во всех странах Европы, если не считать возникновения во Франции недолговечной Второй республики, ознаменовавшей свое рождение подавлением рабочего восстания в июне

1848 г., но Старый Порядок исчез окончательно» [103, с. 33]. На смепу последнему шла эпоха масс и демократии.

Верховная власть России не могла не реагпровать на происходившие события. В манифесте от 14 (26) марта 1848 года Николай I объявлял, что события в западноевропейских странах — результат деятельности незрелых и развращенных умов, пользующихся уступчивостью правительств для реализации своих разрушительных замыслов. Когда революционные действия перекипулись на сопредельные страны, то реакция императора на них оказалась предельно жесткой. В 1849 году русская армия под командованием фельдмаршала И. Ф. Паскевича вошла в Венгрию и помогла австрийскому правительству подавить восстание. Гайки закручивались и внутри страны. Была ужесточена цензура, ограничено пребывание подданных Российской империи за ее пределами. Участники кружка Петрашевского стали жертвами этой политики. В ночь на 23 апреля 1849 года, еще до Венгерского похода, основная группа петрашевцев была арестована и заключена в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Всего по этому делу было привлечено к следствию около 100 человек.

В поэме «Недавнее время» (1871) Н. А. Некрасов так описал впечатление современников от этого события:

Помню я Петрашевского дело,
Нас оно поразило, как гром,
Даже старцы ходили несмело,
Говорили негромко о нем.
Молодежь оно сильно нугнуло,
Поседели иные с тех пор,
И декабрьским террором пахнуло
На людей, переживших террор.
Вряд ли были тогда демагоги,
Но сказать я обязан, что все ж
Приговоры казались нам строги,
Мы жалели тогда молодежь [26, с. 75].

Одним из задержанных оказался Данилевский, несмотря на то, что он перестал посещать «нятницы» Петрашевского еще весной предыдущего года [84, с. 45]. В июне 1849 года Н. Я. Данилевский был арестован в Тульской губернии, где вместе с П. П. Семеновым занимался исследованием границ черноземной полосы России. Кстати, эту работу друзья осуществляли по поручению Вольного

Экономического общества. Стодневное пребывание в Петропавловской крепости, где арестант читал Библию и французский перевод «Дон Кихота», имело своим следствием его возращение к религиозным и консервативным установкам. То, что Данилевский прервал знакомство с членами кружка фактически за год до его разгрома, не могло не повлиять на членов следственной комиссии.

Другим обстоятельством, расположнвшим руководителей следствня, особенно генерала Я. И. Ростовцева (кстати, бывшего участника декабристских организаций), к молодому интеллектуалу, было его поведение. Данилевский вел себя в высшей степени достойно — никого не выдал, не старался переложить собственпую вину на других. Он не отпирался от своих симпатий к учению Фурье, но истолковывал последнее как антитезу популярным в оппозиционной среде учениям политического радикализма. Членам следственной комиссии Данилевский прочитал настоящий курс лекций по учению французского социалиста. В 1927 году он был опубликован в сборнике материалов по делу петрашевцев, вышедшем под редакцией П. Е. Щеголева [11].

Следует заметить, что в ряде социально-политических концепций первой половины XIX столетия четко обозначилось стремление к синтезу двух типов утопизма — социального и технократического. Первый из этих типов отсылает нас к работам Т. Мора и Т. Кампанеллы. Источник второго — это, несомненно, «Новая Атлантида» Ф. Бэкона. Усилнями Сен-Симона, Фурье и Оуэна были предприняты серьезные попытки соединить эти линии утопической мысли. Решающее значение в успехе данного проекта, несомненно, сыграла деятельность К. Маркса и Ф. Энгельса, которые не случайно назвали свое детище «научным социализмом». Учение Фурье на этом фоне представляет значительный интерес. Пожалуй, более, чем кто-либо из названных авторов, он был склонен к синтезу сциентистских и фантастических элементов.

Это совмещение и делало концепцию Фурье, одного из основоположников науки о «социальном человеке» (наряду с Сен-Симоном и Контом), привлекательной в глазах молодежи. Не надо забывать, что и Данилевский, и большинство других участников кружка Петрашевского были молодыми людьми. Особенно интересен для них был взгляд французского автора на проблему отношения полов. Фурье был искренне возмущен тем отношением узаконенного разврата, который представлял собой традиционный брак, особенно у него на родине. Поэтому он ратовал за равноправное отношение

между мужчинами и женщинами. Знаменитого утописта даже считают автором термина «феминизм». Другой аспект — это тема «реабилитации плоти», которой отдали дань многие интеллектуалы той поры. Среди них необходимо назвать Сен-Симона и его последователей, знаменитую Ж. Санд, А. И. Герцена и др. Но Фурье, опять-таки был наиболее последователен. Его интересовали не только социальные, но и сексуальные аспекты организации фаланстеров. Последние основаны на страстном влечении, свободной любви и множестве любовных связей. Эти связи, по мысли автора, должны были способствовать и социальному единению, и успехам на трудовой ниве.

Подобная смесь социально-утопических и эротических установок немало способствовала популярности идей Фурье у молодых русских интеллектуалов[3]. Не остался в стороне и Данилевский, который читал настоящие курсы лекций по фурьеризму. Причем как товарищам по кружку Петрашевского, так и представителям следственного комитета. Что же излагал в этих лекциях подследственный? Данилевский сразу отказался от априорных принципов, на которых социальные мыслители XVIII — первой половины XIX века выстраивали свои концепции общественного развития. В фурьеризме его привлекло внимание не столько к макро-, сколько к микроструктурам общества. В отличие от большинства социально-философских концепций своего времени, сосредоточившихся на политических и экономических аспектах, Фурье обращал внимание «на ежедневные, домашние, так сказать, будничные отношения людей между собою, которые для поверхностных наблюдателей могут казаться ничтожными, а которые в сущности играют самую важпую роль в вопросе человеческого счастья» [11].

В качестве основного элемента исследования Фурье рассматривал деятельные способности человека или «страсти». Их французский утопист насчитывал двенадцать — нять материальных (зрение, слух, обоняние, вкус и осязание), четыре общественных (дружба или прнязнь, честолюбие, любовь, родственность) и три распределяющих (стремление к прнятному состоянию, стремление к соревнованию

[3] К учению Фурье вполне применим знаменитый девиз: «Будьте реалистами — требуйте невозможного!» Любопытно, что в 1960–1970-е годы с этим было связано пробуждение интереса к идеям французского утописта у «новых левых», на что обратил внимание И. Р. Шафаревич [134, с. 297–298].

и конкуренции, стремление к разнообразию). Базируясь на анализе этих коренных стремлений человека, Фурье стремился обосновать творческий труд, трудовое соревнование и, как их результат, всестороннее удовлетворение потребностей человека. Соединяясь, двенадцать страстей производят новую страсть — унитеизм, стремление к единству. Данное единство на разных уровнях выступает то как патриотизм, то как любовь к человечеству, то как религиозное чувство.

Автор изложения указывал, что французского утописта нельзя упрекнуть в коммунистических устремлениях, он не был противником частной собственности. Кроме того, подобно другим идеологам социализма первой половины XIX века, Фурье был противником насильственных действий — не только революций, но и других форм борьбы рабочего класса за свои права (забастовки, стачки и т. д.). Это, кстати, ставили им на вид сторонники более радикальной версии социализма — К. Маркс и Ф. Энгельс. Вспомним, например, брошюру последнего «Развитие социализма от утопии к науке» (1880), а также предисловие Маркса к ней.

В этом смысле Данилевский нисколько не кривил душой, когда защищал установки французского мыслителя на следствии. Цель Фурье — создание материального основания будущего справедливого общества. Тремя производственными данными общества у него выступают «труд» (5/12), «капитал» (4/12) и «талант» (3/12). Задача состоит в том, чтобы правильно распределять доходы, способствуя их изменению в пользу труда. Это, по мнению французского мыслителя, приведет к ликвидации основных разрывов, господствующих в современном ему обществе (между богатыми и бедными, между городом и деревней и т. д.).

Показательно, что самый, пожалуй, скандальный аспект учения Фурье Данилевский также не оставил без внимания. Речь, разумеется, идет о семейных отношениях и отношениях между полами. Данилевский защищал французского социалиста от обвинений в пропаганде разрушения семьи и поощрении безнравственности. Ничему подобному Фурье не учил — замечал его русский популяризатор. Напротив, на протяжении первых трех столетий существования общества нового типа, отношения между полами должны оставаться неизменными. Их изменения станут возможными лишь по мере развития этого общества, но это дело отдаленного будущего. Таким образом, и в этом аспекте учение Фурье не содержит в себе ничего крамольного, а следовательно, его популяризация

не может быть никому инкриминирована. На этом Данилевский закоичил свое изложение учення французского утописта.

Как вспоминал П. П. Семенов, «впоследствии Ростовцев говорил в шутку, что по прочтении увлекательных объяснений Данилевского все члены судной комиссии сделались сами более или менее фурьеристами. Данилевский был оправдан судной комиссией, но, по докладе государю, в котором комиссня отозвалась с похвалою об уме и разносторонней образованности Данилевского, государь выразился, что чем умнее и образованнее человек, тем он может быть опаснее, а потому положил резолюцию об административной ссылке Данилевского в Вологду» [36, с. 93].

Завершая разговор об участии Данилевского в кружке Петрашевского, отметим один немаловажный эпизод. Считается, что автор «России и Европы» стал прототипом одного из героев романа Ф. М. Достоевского. Речь идет о Шатове — персонаже «Бесов». Конечно, целиком идентифицировать его с Данилевским нельзя, но какие-то черты характера и идейные коллизии гениальный романист использовал при создании этого образа [16, с. 233–234, примеч.]. Еще одно любопытное обстоятельство — как известно, Шатов был любимым персонажем В. В. Розанова, о чем тот неоднократно свидетельствовал в своих работах и частных беседах. Это позволяет провести еще одну параллель между двумя великими русскими мыслителями.

Данилевский был сослан в Вологду, а в 1852 году последовал перевод в Самару. Ссылка продолжалась с 1849 по 1853 год, а административный надзор — до 1856. Как и многие образованные «смутьяны» (вспомним А. И. Герцена или М. Е. Салтыкова-Щедрина) он стал служащим канцелярии местных губернаторов. В 1850 году Данилевский женился. Его избранницей стала Вера Николаевна Беклемишева (урожденная Лаврова), вдова генерал-майора. Их объяснение произошло за два дня до ареста Данилевского, но Веру Николаевну не испугали сложившиеся обстоятельства. Она приехала к любимому в Вологду, где и произошло венчание. Счастье, однако, продолжалось недолго — через год его жена заболела холерой и умерла. Для Данилевского это стало тяжелейшим ударом.

Из состояния отчаяния его вывела лишь напряженная работа: Данилевский усиленно занимается в эти годы статистикой и проблемами климата Вологодской губернии (в 1851–1853 годах по этим темам в различных периодических изданиях им было опубликовано

несколько статей). За работу «Климат Вологодской губернии» Императорское Русское географическое общество в 1853 году удостоило его половины премии им. Жуковского (250 рублей). Кроме того, в 1862 году Данилевский получил от Общества малую золотую медаль, а в 1866 — Константиновскую медаль. Любопытно, что среди награжденных этой медалью мы видим близких ему людей — И. А. Аксакова (1858) и К. фон Бэра (1861). Среди лиц, удостоенных Константиновской медали, был также Л. С. Берг (1915) — ученый, предложивший свою, альтернативную дарвиновской, теорию эволюции[4].

В 1853 году закончился срок ссылки — Данилевский вернулся в столицу. Здесь он был приглашен академиком Карлом Эрнстом фон Бэром (1792–1876) в состав участников научной экспедиции на Черное и Каспийское моря. Знаменитый ученый и его экспедиция должны были изучить рыбные богатства России. Руководителем экспедиции был назначен К. фон Бэр, его помощниками стали А. Шульц и Н. Я. Данилевский. Обязанности между ними были распределены следующим образом: Бэр отвечал за естественно-исторические, Шульц — за технические, а Данилевский — за статистические аспекты данной работы [97, с. 33][5].

В ходе экспедиции был сделан вывод об упадке промысла, который явился следствием архаического способа ведения хозяйства и нещадного истребления рыбы, а также предложены меры к исправлению сложившейся ситуации. Одной экспедиции оказалось недостаточно — последовало еще несколько, причем тремя последними руководил сам Данилевский. Помимо пиетета к великому Бэру, Данилевский руководствовался и патриотическими, и чисто научными соображениями. В дальнейшем исследователь совершал по-

---

[4] В ряде аспектов концепция Л. С. Берга, изложенная в его работе «Номогенез, или Эволюция на основе закономерностей» (1922) была близка идеям нашего героя. К этой теме мы обратимся в дальнейшем, когда речь пойдет о полемике вокруг «Дарвинизма».

[5] Одна из фундаментальных характеристик мышления Данилевского — стремление к точности. Приведем иллюстрирующий данный аспект фрагмент из статьи «Взгляд на рыболовство в России» (1867): «Еще до сих пор существует молва о необыкновенной рыбности сибирских рек, и, без сомнения, они настолько рыбны, насколько река сама по себе может быть рыбною. Но слава этого изобилия в рыбе многим уменьшается, если перевести ее на точный язык цифр: меры, веса или ценности, как видно по уловам Березовского края, занимающего низовья Оби, о которых имеются статистические данные» [12, с. 259–260].

ездки на Кубань, Азовское море, в Крым, Чудское озеро и т. д. В 1857 году с целью исследования рыболовства он был командирован на Белое море и Ледовитый океан. Данилевский также посетил Норвегию. Значителен его личный вклад в фуидаментальную работу «Исследование о состоянии рыболовства в России» (девять томов).

Значительным вкладом в изучение прпродных богатств Империи эти экспедиции не ограничились. Внимание Данилевского привлекли и этнографические аспекты. Его перу принадлежали исследования этнографически-экономического («Краткий очерк Уральского рыбного хозяйства», 1858), этнографически-исторического («О пути мадьяр с Урала на Лебедию», 1883) и даже антропометрического характера (перевод статьи К. фон Бэра «Известия о собрании черепов разных народов в Санкт-Петербургской Академии наук», 1859). Отметим последний аспект, к нему мы в свое время вернемся.

Нельзя не остановиться на отношении Данилевского к центральному событию отечественной истории середины XIX столетня — отмене крепостного права. Как и практически все русские интеллектуалы, независимо от их партийных симпатий, он был противником крепостничества. Последнее воспринималось в качестве пережнтка прошлого, тормоза дальнейшего развития. Но в данной связи необходимо сделать два уточнения. Во-первых, с точки зрення экономической выгоды, крепостнические отношення далеко не исчерпали своего потенциала, более того — некоторые историки (среди них и П. Б. Струве) считали, что именно к середине позапрошлого века они достигли пика эффективности. Во-вторых, на протяжении первой половины XIX века в процентном отношении доля крепостных среди всего населення Российской империи неумолимо сокращалась (с 58% в 1817 году до 37% в 1855). Особенно данный процесс усилился в годы правления Николая I, который был принципиальным врагом крепостничества и, по сути дела, подготовил все условня для его отмены.

Тем не менее отмена в 1861 году крепостного права было с энтузиазмом воспринято представителями разных лагерей русского общества. Данилевский не был исключением из правила — достаточно обратиться к его главному труду, чтобы понять данное обстоятельство. В «России и Европе» он относит отмепу крепостничества к числу наиболее значимых событий русской истории. Конечно, само крепостное право было исторически необходимым

на определенном этапе развития нашей цивилизации, но в XIX веке оно, несомненно, представляло анахронизм. Отмена крепостного права, по мнению Данилевского, свидетельствует о позитивной роли высшей власти в процессе социально-политического развития нашей страны.

В 1862 году Данилевский женится на Ольге Александровне Межаковой (1838–1910) — дочери своего умершего друга. В этом браке родилось шестеро детей. Сыновья — Григорий (умер в семилетнем возрасте), Николай, Сергей и Иван, дочери — Ольга и Варвара [81, с. 723–724]. В 1864 году семейство Данилевских приобрело Мшатку — бывшее имение графа Кушелева-Безбородко, находившееся в запущенном состоянии (оно пострадало во время Крымской войны). Свое имение мыслитель переименовал в Абильбах. С 1867 года Данилевские постоянно проживали в Мшатке, хотя глава семьи по долгу службы часто вынуждался покидать обжитое место, где царствовали домашний уют и близость к природе. Делал он это с явной неохотой и неслучайно, что преждевременная смерть застала Данилевского в командировке.

В Крыму у него гостили близкие по духу люди — Н. Н. Страхов (он был особенно частым визитером, пребывал в имении своего друга и единомышленника по месяцу и более), А. Н. Майков и И. С. Аксаков, а в 1885 году побывал Л. Н. Толстой. Частым гостем Данилевского был его сосед, военный министр Д. А. Милютин, живший в это время в своем имении близ Симеиза. Приезжали в Мшатку и друзья молодости — П. П. Семенов-Тян-Шанский, а также его брат Н. П. Семенов.

В промежутках между поездками Данилевский находило время для написания своих фундаментальных трудов. Во второй половине 1860-х годов он подготовил и опубликовал свою самую знаменитую работу — «Россию и Европу». Ее первоначальный вариант увидел свет в журнале «Заря», который с января 1869 по февраль 1872 издавал В. В. Кашппрев. Помимо «России и Европы», в «Заре» были изданы замечательные статьи Н. Н. Страхова, посвященные «Войне и миру», «Кавказский пленник» Л. Н. Толстого и «Вечный муж» Ф. М. Достоевского, произведения Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, А. Н. Майкова, Я. П. Полонского, А. Ф. Писемского, К. Н. Леонтьева. Можно сказать, что весь цвет русской литературы отметился на страницах журнала. На этом фоне труд Данилевского не потерялся. Любопытно, что некоторые исследователи даже называют его «программой» журнала [133, с. 89]. Самое парадок-

сальное состоит в том, что из-за недостатка подписчиков «Заря» была вынуждена прекратить свое существование, а ее издатель разорился.

Первоначальный вариант «России и Европы» увидел свет в 1869 году. Этот год — особый в истории русской культуры. Наряду с книгой Данилевского, в 1869 году увидели свет два величайших ее памятника. Мы имеем в виду «Войну и мпр» Л. Н. Толстого и «Бориса Годунова» М. П. Мусоргского. Надо заметить, что всем этим шедеврам не очень повезло, они не были в должной мере оценены современниками. В наибольшей степени данное утверждение относится к «России и Европе», но его также можно отнести и к гениальному ромапу Л. Н. Толстого. Показательно, что дожнвшие до его выхода участники войны 1812 года (а среди них были князь П. А. Вяземский, А. С. Норов) были крайне недовольны изображением ее событий на страницах романа. Они обвинили автора в нигилистическом отношении к их героическому поколению. Напротив, леворадикальные критики считали, что Л. Н. Толстой занимался апологетикой реакционного и отживающего сословия — дворянства. Пожалуй, лишь шедевр М. П. Мусоргского был восторженно принят публикой, первые представления проходили при аншлагах и овациях зрителей. Опера, однако, вызвала раздражение власти и была надолго снята с репертуара.

В 1879 году Данилевский приступил к написанию книги, посвященной критическому анализу дарвиновской теории эволюции. Свою концепцию русский исследователь определил как «естественное богословие», что отсылает нас к целой традиции в рамках европейского естествознания. К сожалению, смерть не дала Данилевскому завершить эту работу, но и то, что он успел написать, впечатляет. Посмертно изданные тома «Дарвинизма» насчитывают около полутора тысяч страниц, которые содержат развернутую аргументацию против основных положений эволюционной теории. Любопытно, что ни при выходе в свет, ни позднее книга Данилевского не удостоилась сколько-нибудь внятного анализа. Более того, своего переиздания она дождалась лишь в 2015 году — через 130 лет после первой публикации. Факт весьма красноречивый — видимо сторонникам Дарвина, превратившим его теорию в выгодный товар (как на научном, так и на идеологическом рынке), книга Данилевского оказалась весьма не к месту.

Необходимо сказать несколько слов о религиозных воззрениях Данилевского. Многих критиков и исследователей смущал

политический реализм, совмещенный с методологией естествознания. При этом личная религиозность автора «России и Европы» никем не ставилась под сомнение. Совмещение православия и макиавелизма ставилось Данилевскому на вид. Причем критика подобного рода была особенно умилительна у персонажей, занимавшихся оправданием терроризма и террористов. Речь, в частности, идет о В. С. Соловьеве, который наиболее рьяно выступал с нападками на героя нашей книги.

Прекрасный ответ критикам подобного толка дал Л. А. Тихомиров. В брошюре «Начала и концы. Либералы и террористы» (1890) он писал: «В. Соловьев упрекал Данилевского, будто бы его национализм и учение об исторических типах противны христианскому чувству. Напротив, Данилевский, именно как глубокий христианин, не мог впасть в ошибку неизбежную для социологов не христиан или полухристиан. Он ясно чувствовал, что в жизни нашей есть от мира сего и что — не от мира сего. Для него абсолютное, вечное и свободное не исчезало в человеке при мысли о необходимости и условности его земного существования в мире, материальном и социальном, где есть раса, и национальность, и их роковое органическое развитие. А потому Данилевский и мог думать о необходимых, не свободных законах социологии и подчинении им человека, совершенно объективно, не тревожимый в своем анализе лишними вторженнями из области чисто духовной» [48, с. 74].

Данилевский буквально прпрос к Крыму. Некоторое время он исполнял обязанности директора Никитского ботанического сада (1880). Покипув эту должность, Данилевский возглавил Крымскую комиссию по борьбе с филлоксерой — опасным заболеванием виноградников. Этой теме он посвятил работу «О способах борьбы с филлоксерою», опубликованную в майском номере журнала «Сельское хозяйство и лесоводство» за 1882 год. Насколько он был поглощен этой деятельностью, свидетельствует следующий эпизод. Во время одной из последних встреч Н. Н. Страхов обратился к нему с предложением перебраться в столицу. «Зачем?» — спросил Данилевский. «Чтобы законодательствовать, мы там все помаленьку законодательствуем», — отвечал Страхов. Последовала бесподобная реплика: «Законодательство — это только слова, а борьба с филлоксерой — настоящее дело» [126, с. 160].

За свою служебпую деятельность Данилевский в 1884 году был произведен в чин тайного советника (по «Табели о рангах» —

3-й класс, соответствовал армейскому генерал-лейтенанту или флотскому вице-адмиралу). Любопытно, что свою карьеру на государственной службе он начал как чиновник канцелярии Военного министерства (1843–1847), совмещая ее с учебой в Санкт-Петербургском университете, но главные успехи на этом поприще были связаны с Министерством государственных имуществ, где он состоял с 5 октября 1857 года. В последние годы жизни Данилевский был членом Совета министерства.

Как мы уже говорили, смерть застала Николая Яковлевича Данилевского далеко от дома. Это произошло 7 ноября (19 ноября — по новому стилю) 1885 года в Грузии, где он обследовал озеро Гокчай. Поездка на озеро Гокчай была предпринята для исследования рыболовства, продолжившего многолетнюю деятельность Данилевского на данном поприще. Тело мыслителя доставили в Мшатку и похоронили, как он завещал, в его собственном имении, на площадке, огражденной кипарисами («кипарисовый зал»), с которой открывается вид на море и окрестности. На его смерть замечательным стихотворением откликнулся А. А. Фет:

Если жить суждено и на свет не родиться нельзя,
Как завидна, о странник почивший, твоя мне стезя! —
Отдаваяся мысли широкой, доступной всему,
Ты успел оглядеть, полюбить голубую тюрьму.

Постигая, что мир только право живущим хорош.
Ты восторгов опасных старался обуздывать ложь;
И у южного моря, за вечной оградою скал,
Ты местечко на отдых в цветущем саду отыскал [54, с. 319].

Последнее, на чем необходимо остановиться в этой части работы — личность великого мыслителя. Данилевский умел завоевывать доверие и уважение окружающих. О его поведении во время следствия по делу петрашевцев мы уже писали, оно было безупречно. Прекрасные личные и деловые отношения связывали нашего героя с К. фон Бэром. Во время экспедиций 1850-х годов великий ученый мог полностью положиться на своего молодого коллегу, который в свою очередь отвечал ему искренним восхищением и признательностью. Нельзя при этом забывать, что до 1856 года Данилевский находился под надзором полиции. Об его многолетних дружеских отношениях с П. П. Семеновым-Тян-Шанским мы уже писали.

Весьма поучительна и вызывает искренне восхищение дружба Н. Я. Данилевского с Н. Н. Страховым. Видный философ и литературный критик немало сделал для защиты памяти и идей своего преждевременно скоичавшегося друга. Наконец, даже такой откровенный недоброжелатель, как В. С. Соловьев, не мог не признать достоинства личности автора «России и Европы». Полемизируя с его идеями, В. С. Соловьев отдавал должное искренности своего оппонента и его заслугам на ниве практической деятельности во благо России [40, с. 414][6].

[6] В наши дни имя Данилевского носят улицы в городах Ялта и Форос, а одна из малых планет нолучила название Мшатка.

Часть II

«РОССИЯ И ЕВРОПА»

Глава 1

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ И ФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОДЫ К МИРОВОЙ ИСТОРИИ

> Сегодия много спорят о соотношении формационного и цивилизационного подходов. Формационный подход связан с установками и ожиданиями нового витка прогресса, качественно нового этапа общественного развития. Цивилизационный обращает внимание на устойчивость культурных кодов и архетипов, свойственных каждой из существующих на Земле цивилизаций…
>
> *А. С. Панарин*

Мы уже приводили оценки концепции Н. Я. Данилевского, как оригинального построения русской социально-философской и философско-исторической мысли. Вместе с тем необходимо рассмотреть культурно-цивилизационпую концепцию Н. Я. Данилевского в контексте европейской историософской традиции. Здесь мы сталкиваемся с двумя принципиально разными подходами, которые могут быть обозначены как **культурно-цивилизационный и формационный**. В полной мере они реализовались в XIX–XX веках, но имели длительную предысторию в европейской традиции.

Как писал Л. Н. Гумилев, в рамках европейской традиции можно выделить два основных подхода к пониманию исторического развития: всемирно-исторический и культурно-исторический [78, с. 150–151]. Первый из них трактует историю народов как единый процесс поступательного развития, он был сформулпрован западным Средневековьем. Это — учение о «четырех империях» прошлого

(ассирийской, персидской, македонской, римской), сменяемых «Священной Римской империей германской нации», цементпрующей, наряду с папством, единство католического мира.

В дальнейшем, после того как религиозная составляющая ушла на второй план, происходит секуляризация этой концепции. На рубеже XVIII–XIX веков усилиями сначала поздних французских просветителей — Тюрго («Философская картина последовательного прогресса человеческого духа») и Коидорсэ («Эскиз исторической картины прогресса человеческого духа»), а чуть позже Гегеля, она оформилась в теорию исторического прогресса. Например, Гегель указывал, что историю следует понимать как прогресс духа в сознании идеи свободы. В духовной ситуации XIX столетня прогрессистские концепции становятся общим местом, с некоторыми из них мы еще столкнемся в дальнейшем изложении.

Марксистская концепция исторического процесса является наиболее значительной из этих концепций. Действительно, прогрессистский подход в его самой последовательной форме реализовался в материалистическом понимаиии истории Карла Маркса (1818–1883) и Фридриха Энгельса (1820–1895). Важнейшим элементом подобного понимання истории стало учение об общественно-экономических формациях. Данное учение, с точки зрения адептов марксизма, отличается следующими чертами. Во-первых, это — историзм. К. Маркс писал в предисловии к первому изданию «Капитала» (1867): «Я смотрю на развитие общественно-экономической формации как на естественно-исторический процесс» [23, Т. 7, с. 8]. Во-вторых, данное учение позволяет рассмотреть каждое общество в его целостности и конкретности.

Учение об общественно-экономических формациях тесно связано с другими важнейшими понятиями марксистской концепции, такими как производительные силы, способ производства, политико-юридическая и идеологическая надстройка и т. д. Синтез этих понятий и позволил основоположникам марксизма сформулпровать учение об общественно-экономических формацнях. В знаменитом предисловии «К критике политической экономии» (1859) Маркс указывал: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [23, Т. 4, с. 138].

Изучение последовательной смены общественно-экономических формаций, по мнению классиков марксизма, позволяет выявить

внутреннюю логику истории. Эта логика определяется степенью овладения человеком силами природы. Первой стадией развития отношений человека и прпроды является первобытная общественная формация, в рамках которой происходит выделение человека из природы. Данная стадия не названа в приведенных выше словах Маркса, но она была подробно рассмотрена Энгельсом в его известной работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884). В ней классик марксизма подробно исследовал общественные порядки, характерные для ранней стадии развития человечества, а также обозначил причины, которые вызвали к жизни эксплуататорские общества и их институты.

В структуру общественно-экономической формации, отмечал В. И. Ленин, органически входят экономические и социальные отношения, существующие в определенном обществе, равно как и определенные формы быта, семьи, образа жнзни и т. д. Исследование общественно-экономических формаций, были уверены марксистские теоретики, дает возможность выявить повторяемость в социальных порядках различных стран, находящихся на одной стадии общественного развития. Это, в свою очередь, способствует переходу от описания социальных явлений к строго научному их анализу. Нельзя, впрочем, забывать, что «каждый исторический период имеет свои собственные законы» [21, Т. 1, с. 36].

Кроме того, в формах проявлення законов общественного развития имеются различия, вытекающие из конкретно-исторических условий и национальных особенностей отдельных государств. Как писал в книге «Маркс и буржуазный историзм» (1933) В. Ф. Асмус: «Теория Маркса — исторический материализм — впервые создала такой способ анализа и изучения фактов исторического развитня, который позволяет сводить всю наблюдаемую дискретность частных исторических явлений к объективной целостности и общности крупных исторических эпох и делает ясным, каким образом доминирующая в пределах каждой эпохи общественная структура видоизменяется в каждом частном случае — в зависимости от конкретных для каждого периода и каждой страны особых условий ее развития» [68, с. 316].

Марксистское учение об общественно-экономических формациях признает прогрессивный характер социального развития и приходит к выводу о неизбежности замены эксплуататорских обществ коммунизмом. Данный аспект раскрывает религиозные корни прогрессистеких концепций. Не трудно увидеть в гегелевской

и продолжающей ее марксистекой философии истории своеобразное преломление иудейского и раннехристианского хилиазма. Хилиазм — вера в «тысячелетнее Божье царство на земле», воплощение мистически понятого идеала справедливости. Данное учение присутствует уже у ветхозаветных пророков — Исайи, Иезекииля, Михея. Особый толчок развитию хилиастических настроений дали многочисленные интерпретации Откровения Иоанна Богослова в первые века христианства.

В дальнейшем кризисные периоды в истории христианской цивилизации способствовали возникновению интереса к подобным установкам. Следует, к примеру, вспомнить учение Иоахима Флорского, учившего в XII веке о наступлении эпохи Третьего Завета и скором установлении Божьего царства. Хотя католическая церковь осудила это учение, но у него периодически объявлялись сторонники. Наконец, в новейшее время хилиастические установки секуляризируются и приобретают современные формы в различных идеологических концепциях. В этой связи Ф. Шлегель имел все основания указывать в одном из фрагментов, напечатанных в журнале «Атеней» за 1798 год: «Революционное стремление осуществить Царство Божие на земле — пружинящий центр прогрессивной культуры и начало современной истории. Все, что не связано с Царством Божием, представляется ей чем-то второстепенным» [61, с. 301][1].

Эсхатологические аспекты марксистской теории неоднократно становились объектом исследования. Достаточно вспомнить серию работ С. Н. Булгакова, посвященную сопоставлению первоначального христианства и социализма (они вошли в его сборник статей «Два града», 1911). Западные авторы также отмечали апокалиптический характер философско-исторических построений марксизма. Вот как в работе «Духовно-историческое состояние современного парламентаризма» (1923) Карл Шмитт интерпретпровал центральное, на его взгляд, положение концепции Маркса: «При поверхностном

[1] Следует заметить, что наделавшие много шума на рубеже 80–90-х годов XX века манифесты Ф. Фукуямы «Конец исторни?» (1989) и «Конец исторни и носледний человек» (1992) вполне внисываются в данцую традицию. Здесь мы имеем дело с очередной секуляризированиой версией хилиазма, замешаниого на вульгаризированиом толковании Гегеля. А. С. Нанарин в книге «Реваиш исторни: росснйская стратегическая инициатива в XXI веке» (1998) тонко нодметил, что далеко неслучайно миф о «конце исторни» совнал с новой активизацией силовой геонолитики [111, с. 15].

взгляде могло показаться, будто самое существенное в марксизме — материалистическое понимание истории. Но уже в "Коммунистическом Манифесте", интенции которого всегда оставалась основополагающими, обнаруживается настоящая конструкция истории». По мнению Шмитта, систематическая концентрацня классовой борьбы в данном произведении выливается в «единственную, последнюю борьбу человеческой истории, диалектическую кульминацию напряженння: буржуазия и пролетариат. Противоположности многих классов упрощаются, превращаясь в одну единственную. <...> Упрощение означает мощное усиление интенсивности» [62, с. 152–153].

Если говорить о концепцнях, продолжающих принцип поступательного развития, то следует назвать теорию стадий экономического роста Уолта Ростоу, изложенную в его работе «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест» (1960). Ее автор выделял нять стадий развития, из которых две рассматривались им в качестве переходных. Первой из них является традиционное общество, базирующееся на сельскохозяйственном производстве и сословной системе организации. За ним следует переходное общество, характеризующееся зарождающимся предпринимательством и складыванием централизованных государств. Затем наступает стадня «сдвига» с промышленной революцией и серьезными изменениями в социально-экономической и политической сферах. Ей наследует стадия «зрелости», сопровождающаяся научно-технической революцией и ростом городов. Наконец, в современности формируется общество «массового потребления» с ростом сферы услуг и превращением последней в основной сектор экономики. В более поздней работе, «Политика и стадии роста» (1971), американский теоретик выделил шестую стадию — «поиска качества жизни», когда на первый план выходит духовное развитие человека.

Концепция У. Ростоу была сформулирована в разгар «холодной войны» и своей целью ставила противостояние марксистскому учению. Это явствует даже из подзаголовка книги американского автора, в которой он ее изложил. Марксисты не оставили данную концепцию без ответа, обвиняя ее автора в технологическом детерминизме. В дальнейшем теорию стадий У. Ростоу продолжили многочисленные концепции постиндустриального или информационного общества (Д. Белл, З. Бжезинский, А. Тоффлер, Ж. Фурастье и др.), которые кладут в основу социального прогресса

смену различных технологических эпох во всемирной истории. Но, разумеется, по своей продуманности и убедительности данные концепции не идут ни в какое сравнение с марксистским учением об общественно-экономических формацнях.

При этом необходимо учитывать, что марксистская схема, впрочем, как и все обозначенные выше, содержит в себе один существенный изъян. Практически целиком она базируется на материале западной истории. Те формы рабовладения, которое имели в виду Маркс и Энгельс, характерны лишь для Древней Греции и Рима. За пределами этих цивилизаций рабство принимало формы, которые существенно отличались от античного варианта. Еще в большей степени это относится к феодализму, который, вне рамок романо-германской цивилизации, находил аналог лишь в контексте японской культуры. Капитализм, который так ярко проанализпровали и подвергли суровой критике основоположники марксизма, в XIX столетии существовал лишь в странах Западной Европы и Северной Америке. Распространившись в XX — начале XXI века на другие цивилизации, капитализм принял там формы, фуидаментально отличающие его от классического капитализма.

Кстати, сами Маркс и Энгельс прекрасно понимали возникающие в этой связи сложности. Отсюда — постулпрование в предисловии «К критике политической экономии» особого — азиатского способа производства. Главной чертой формации, базировавшейся на данном способе производства, Маркс называл отсутствие частной собственности на землю. Собственником земли выступало государство, крестьяне были непосредственно подчинены государству, которое могло использовать значительные массы народа для целей прригационного земледелня. Наконец, важнейшую роль в данном типе общества играла бюрократия.

Показательно, что споры по поводу азиатского способа производства с особой силой вспыхнули после Второй мировой войны, когда авторы из числа ортодоксальных марксистов стали подвергать критике Советский Союз, ставить под сомнение социалистический характер его общественного строя. Советская система стала рассматриваться как вариант азиатского способа производства и организации власти. Классический пример — книга К. А. Виттфогеля «Восточный деспотизм: сравнительное исследование тотальной власти» (1957). Она сыграла существенную роль в ходе «холодной войны», а ее автор принял активное участие в маккартистской «охоте на ведьм». Нельзя также забывать, что марксистская орто-

доксия была использована для подрыва легитимности существования СССР в годы пресловутой «перестройки».

Корни культурно-исторической концепции восходят к Геродоту, который в своей «Истории» противопоставил Европу и Азию как равноправные политико-культурные общности. Главное отличие школы культурно-исторической от всемирно-исторической школы состоит в признании за каждой культурной областью права на свой путь развития. Данная школа бросала своеобразный вызов европоцентризму, который был господствующей установкой большинства философов и социологов XIX века. Одним из первых адептов интересующей нас концепции был И. Г. Гердер, а блестящее развитие она получила уже в XX веке — усилиями О. Шпенглера и А. Тойнби.

Именно в этом ключе развивалась философско-историческая концепция Данилевского, который на несколько десятилетий опередил построения западных представителей культурно-цивилизационного направления. В работах Данилевского и его единомышленников мы сталкиваемся со стремлением охватить реальное многообразие мировой истории — в противоположность европоцентризму, господствующей установке того времени. Всячески выпячивая достижения европейской цивилизации, ее адепты забывали, что привилегированное положение Запада имело сравнительно недавнее происхождение. В числе факторов, способствовавших этому, необходимо назвать промышленный переворот, который обусловил совершенствование военной техники, а это, в свою очередь, способствовало успешной колониальной политике. Эта политика делала возможным привлечение гигантских материальных средств из покоренных территорий, превращала их в рынки сбыта продукции, позволяла избавляться от излишков рабочей силы в метрополиях. Европейцам казалось, что данная ситуация будет продолжаться вечно. Она приписывалась каким-то необычайным достоинствам представителей западной цивилизации, что, в свою очередь, вело к распространению расистских установок.

Концепция Данилевского возникла не на пустом месте — у автора «России и Европы» были предшественники и на русской почве. Более того, он мог опираться на серьезную традицию истолкования исторической реальности, сформировавшуюся в России первой половины XIX века. Вот как характеризовал эту традицию Г. В. Флоровский в статье «Евразийский соблазн» (1928): «Морфологическое

понимание русской самобытности мы впервые, но с полной отчетливостью встречаем у кн. Вл. Одоевского. Народы и все человеческие общества в его представлении суть "живые организмы", и организмы замкнутые и непроницаемые друг для друга. И каждый из них слагается по своему типу, и в нем проходит свою историческую судьбу, от младенчества до старческого конца. Из сочетания и смены таких разнообразных и неповторимых народных судеб слагается история человечества. <...> Исторические схемы Одоевского как бы продолжает Герцен. Но у Герцена они наполняются обильным фактическим содержанием, получают логический блеск и чекан. Смысл остается тот же. <...> В сущности, — это старая биологическая теория постоянства множественных видов, перенесенная в историческую область. Так слагается *теория культурно-исторических типов*. Странно сказать, но именно Герцена договаривает в своей книге Данилевский, и за скучноватым Данилевским — блестящий Леонтьев» [131, с. 329–330].

Оставим на совести выдающегося православного богослова замечание о «скучноватом Данилевском» и обратимся к авторам из этого списка. В «Русских ночах» (1844) В. Ф. Одоевского мы сталкиваемся с некоторыми понятиями, которые будет использовать герой нашей работы. Приведем характерный фрагмент из эпилога: «Чует Запад приближение славянского духа, пугается его. Как наши предки пугались Запада. Неохотно замкнутый организм принимает в себя чуждые ему стихии, хотя они бы должны были поддержать бытие его, — а между тем он тянется к ним невольно и бессознательно, как растение к солнцу» [28, с. 181]. В еще большей степени предвосхищение концепции, развитой в «России и Европе», мы обнаруживаем в произведениях А. И. Герцена. Достаточно пролистать его цикл «Концы и начала» (1863), чтобы убедиться в этом.

Отметим и фактическое упущение в списке, предложенном Флоровским. Как нам представляется, в приведенном отрывке не хватает еще одного мыслителя — Аполлона Александровича Григорьева (1822–1864), чья «органическая критика» также подготавливала интеллектуальное пространство для возникновения теории культурно-исторических типов. Подобно автору «России и Европы», А. А. Григорьева причисляют к поздним славянофилам или почвенникам. Основная сфера творчества А. А. Григорьева — литературная критика, но в его работах можно обнаружить и соображения философско-исторического характера.

Достаточно привести несколько цитат из этих работ, чтобы убедиться в типологической близости воззрений А. А. Григорьева и героя нашей книги. Вот одна из них: «Что собирательного лица, называемого человечеством, как лица не существует, а существуют народности, расы, семьи, типы, индивидуумы с особенными отливами, что типическая жизнь этих отливов необыкновенно крепка, что они не стираемы — это покамест факт несомненный». В других местах выдающийся критик использует такие понятия, как «народные организм», «народный тип», которые выступают в качестве основных двигателей исторической жизни [5, с. 126–127, 132]. Основными понятиями в этой системе координат оказываются «эпохи» — «организмы во времени» и «народы», которые Григорьев интерпретирует как «организмы в пространстве». Впрочем, А. А. Григорьев и Н. Я. Данилевский были ровесниками — так что речь идет не столько о влиянии одного на другого, сколько о созвучии идей.

Можио согласиться с И. А. Голосенко, что большинство социологических концепций в России второй половины XIX века были построены «на идеях плоского эволюционизма, по которому общие природные и социальные условия всегда вызывают к жизни одинаковые обычаи, нравы, формы общения, учреждения, т. е. являются частным случаем некой общей стадии эволюции культуры у разных народов» [123, с. 227]. В этом пункте сходились представители различных направлений и школ, прндерживавшихся позитивистской ориентации.

Проиллюстрпруем это весьма ярким примером. Шестидесятые годы XIX столетия в России характеризуются спорами вокруг теории прогресса. Они захватили шпрокие круги образованного общества. Свой неоконченный роман «Декабристы» Л. Н. Толстой неслучайно начинал следующим пассажем: «Это было недавно, в царствование Александра II, в наше время — время цивилизации, прогресса, *вопросов*, возрождения России и т. д. и т. д.» [50, Т. 3, с. 356]. Нескрываемая ирония вокруг этой идейной чехарды пронизывает приведенный отрывок. Уже тогда отношение великого писателя и моралиста к культу прогресса было критическим, в чем мы успеем убедиться.

Разумеется, эти споры возникли не на пустом месте. С одной стороны, они были вызваны к жизни реальными проблемами русского общества и попытками их решения, используя опыт западных стран. С другой, на споры о теории прогресса серьезно повлияла

книга Г. Т. Бокля «История цивилизации в Англии» (Т. 1–2, 1857–1861). Многие «шестидесятники» стали сторонниками идей английского социолога. Но, разумеется, были и несогласные с ними. Соответственно, споры шли на повышенных тонах. Известный публицист той эпохи, Г. Е. Благосветлов, даже упрекал историков (среди них — С. М. Соловьева, Н. Г. Устрялова и др.), не пошедших по пути, предложенному автором «Истории цивилизации в Англии», в том, что их ум «покрылся плесенью рутины» [59, с. 120].

Один из ярких представителей прогрессистского сознания, Л. И. Мечников писал в книге «Цивилизация и великие исторические реки» (1889): «Человеческая история, лишенная ндеи прогресса, представляет лишь бессмысленную смену событий, вечный прилив и отлив случайных явлений, которые не укладываются в рамки общего мпровоззрения» [24, с. 89]. Впрочем, для Л. И. Мечникова прогресс был не привнесением «смысла» в бессмысленное течение событий со стороны, а объективным ходом развития истории. Мировая история, по мнению автора «Цивилизации и великих исторических рек», развивалась от «периода подневольных объединений», через «период подчиненных группировок и союзов», к «периоду свободных объединений». Последний период призван был реализовать на практике лозунг Великой французской революции — «Свобода, равенство и братство» [24, с. 124–125].

Прогрессистский характер носили не только концепции позитивистского и материалистического толка, но и религиозно-идеалистические концепции этой эпохи. Яркий пример — учение Владимира Сергеевича Соловьева (1853–1900). В молодости, впрочем, он прошел через нигилистический соблазн, а на рубеже 80–90-х годов испытал достаточно сильное влияние социально-философской концепции О. Конта, его «религии человечества» (вкупе с «Философией общего дела» Н. Ф. Федорова). Все это, разумеется, не ставит под сомнение религиозный характер концепции В. С. Соловьева, но показательно, что прогрессистский элемент вплетен у него даже в учение о Богочеловечестве.

Впрочем, теория прогресса, особенно в том внде, как она понималась «шестндесятниками», встретила на русской почве и яростных оппонентов. Одним из них, как мы заметили выше, был Лев Николаевич Толстой (1828–1910). Уже в статье «Прогресс и определение образования» (1863) Л. Н. Толстой писал: «Прогресс вообще, во всем человечестве, есть факт недоказанный и несуществующий для всех восточных народов, и потому сказать, что прогресс есть

закон человечества, столь же неосновательно, что сказать, что все люди бывают белокурые за исключением черноволосых» [50, Т. 16, с. 74–75].

Таким образом, раздумывая над вопросом о том, существует ли единый критерий прогресса, общепризнанный для всех людей, Л. Н. Толстой приходит к выводу, что такого критерия нет. По его мнению, единственный вечный закон написан в душе каждого человека, то есть имеет силу в сфере личного, внутреннего сознания. Следовательно, данный закон не может механически переноситься на историческую реальность, что мы сплошь и рядом вндим в европейских концепциях прогресса XIX века. Можно сказать, что полемика с современными ему теориями прогресса — неотъемлемая часть социальной философии Л. Н. Толстого.

Оспаривая концепцию Бокля, он ставит вопрос, что признать благосостоянием: «…Улучшение ли нутей сообщения, распространение книгопечатания, освещение улиц газом, расположение домов призрения бедных, бордели и т. п. или первобытное богатство прпроды — леса, дичь, рыбу, сильное физическое развитие, чистоту правов и т. п.?» [50, Т. 16, с. 75]. Русский мыслитель, таким образом, констатирует противоречивый характер прогресса, то обстоятельство, что развитие человечества не есть прямолинейное движение вперед. Очень часто можно наблюдать, что успех в одних областях сопровождается застоем или даже откатом назад в других, — например, при сравнительном анализе античного и современного искусства.

В своих статьях, посвященных данной проблематике, Л. Н. Толстой вскрывает двойственный, противоречивый характер научного и материального прогресса в современном ему мире. По мнению писателя, развитие науки и техники улучшает благосостояние только незначительной части общества, а основная масса — народ подвергается жестокой эксплуатации. Этот прогресс несет миллионам людей бедствия и несчастья. Толстой видит, что, с одной стороны, рост производительных сил ведет к накоплению общественных богатств в руках небольшой кучки богачей, а с другой — ведет к разорению крестьянских масс, к росту безработицы в городах, нищете и угрозе голодной смерти.

Еще одним выдающимся критиком теории прогресса был Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) — мыслитель, в целом ряде отношений близкий Н. Я. Данилевскому. В своих работах он дал блестящий анализ той ндеологии, которая лежала в основании

теории прогресса. Но К. Н. Леонтьев не ограничился идейным анализом, он подверг резкой критике сам антропологический тип носителя прогрессисткой идеологии — «среднего европейца». Этому посвящена его неоконченная статья «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения». Об этой работе П. В. Палиевский сказал, что одно ее название «стоит десятка объясняющих современность систем» [110, с. 484].

Сам автор «России и Европы» не мог не коснуться проблематики прогресса. Данное понятие присутствует в философско-исторической концепции Данилевского, но оно имеет смысл лишь внутри культурно-исторического типа. Само собой разумеется, что европейские государства не могут претендовать на монополию прогрессивного развития. Сравнивая динамику исторического развития европейских и азиатских стран, он обращает внимание на то, что Китай и Индия прожили долгую и насыщенную драматическими моментами жизнь. Их жалкое положение в международной системе XIX столетия — не некая изначальная предрасположенность к «застою», но результат исчерпанности жизненных сил. Впрочем, сами людские массы этих культур не дают возможность внешним силам прекратить их существование, как то было в случаях Египта и Византии.

Объектом критики Данилевского выступает схема исторического развития, приiятая европейскими учеными. Последние традиционно выделяли периоды древней, средней и новой истории. Событием, отделявшим древнюю и среднюю истории, считали падение Западной Римской империи, произошедшее в 476 году. Но как это событие повлияло на жизнь Китая и Индии? Никак — отвечает автор «России и Европы». Даже возникновение христианства не может быть приiято за такое судьбоносное для всех цивилизаций событие. Следовательно, был уверен Данилевский, принцип, положенный в основание исторического членения, — не верен, он должен быть замещен другим.

В пятой главе автор «России и Европы» указывал, что прогресс «состоит не в том, чтобы ндти всем в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях. Поэтому ни одна цивилизация не может гордиться тем, чтоб она представляла высшую точку развития, в сравнении с ее предшественницами или современницами, во всех сторонах развития» [9, с. 92]. Таков вклад древних греков в искусство,

который не смогли превзойти последующие цивилизации. Или достижения римлян в сфере права.

Если выделять концепцию Данилевского на фоне других культурно-цивилизационных концепций, то здесь необходимо обратить внимание на ее субстанционалистский характер. Этим интересующая нас концепция отличается от феноменологических моделей Шпенглера, Тойнби и других авторов. На данный аспект обращали внимание И. А. Голосенко, С. В. Полатайко [113, с. 77], К. В. Султанов [126, с. 74]. Как писал И. А. Голосенко, «вместо “феноменологических моделей” культуры, фиксирующих готовые результаты культурного процесса, Данилевский защищает “атрибутивную модель” культуры, субстанциональная основа которой — человеческая деятельность, вернее, особая “направленность” деятельности, выступающая в определенном историческом пространстве и времени, в разного рода формах и свойствах» [123, с. 240]. Таких видов деятельности мыслитель насчитывал четыре: религиозный, культурный в узком смысле слова, политический и общественно-экономический.

Мысль о несовместимости концепции Данилевского с марксизмом неоднократно проводилась в исследованиях советского периода. Автор «России и Европы» и его сторонники (К. Н. Леонтьев, Н. Н. Страхов и др.) постоянно подвергались критике со стороны обществоведов марксистского толка. Сторонников культурно-цивилизационного подхода упрекали во множестве смертных грехов и громили с позиций «единственно научного учения». Сегодня ситуация изменилась. Неслучайно, что в современной России интерес и симпатию к учению Данилевского проявляют не только сторонники консерватизма и национализма, но и левые авторы немарксистского толка. Яркий пример — С. Г. Кара-Мурза, чья книга «Советская цивилизация» вполне может быть отнесена к той линии отечественной социально-философской мысли, которую открывает автор «России и Европы».

Необходимо заметить еще одно принципиальное расхождение между сторонниками формационного подхода, да и вообще прогрессистов, и сторонниками подхода культурно-цивилизационного. Речь идет об экологической проблематике. Для сторонников формационного подхода данной проблемы не существовало в принципе. Достаточно прочитать произведения Маркса и Энгельса, чтобы убедиться в этом. Любое движение в данном направлении для классиков марксизма было принципиально закрыто, хотя

некоторые современники обращали их внимание на данную проблему. В еще большей степени данный изъян был характерен для либеральной концепции общества. Характеризуя последнюю, С. Г. Кара-Мурза указывает, что ее «модель не включала в рассмотрение взаимодействие промышленной экономики с *окружающей средой* и с *будущим*. Это имело философское основание, уходящее корнями в научную революцию и Реформацию, — человек был выведен за пределы мира и представлен свободной личностью, призванной познавать Природу, подчинять и эксплуатировать ее» [94, с. 135].

Напротив, в рамках культурно-цивилизационного подхода экологическая проблематика зазвучала очень рано. Это, в первую очередь, характерно для русских концепций, чьи авторы не были связаны необходимостью придерживаться базовых штампов западных идеологов, обозначенных С. Г. Кара-Мурзой. Достаточно обратиться к работам К. Н. Леонтьева, чтобы убедиться в этом. Мыслитель обозначил негативные аспекты научно-технической деятельности современного человечества, показал их неразрывную связь с идеологией сциентизма и обратился к экологической проблематике [22, с. 396–399].

В еще большей степени экологический подход характерен для понимания и оценки неевропейских культур в рамках культурно-цивилизационного подхода. Концепции Данилевского и Леонтьева, несомненно, ярко иллюстрируют данную установку. Тем более что они выступают в качестве представителей русской культуры, весьма отличной от культуры западной. Но даже европейские исследователи данного направления более благожелательно настроены в отношении других культур. Правда, если положить руку на сердце, подобная благожелательность больше относится к культурам прошлого (вспомним «портрет» древнеегипетской культуры у О. Шпенглера) или расположенными в пространственном отдалении. К соседям и конкурентам у западных теоретиков, даже принадлежащих к интересующему нас направлению, отношение значительно более сдержанное — это, в первую очередь, относится к мусульманам и русским. За нами они не хотят признавать очевндных приоритетов — случай Данилевского, который мы уже отмечали во введении, один из очевидных.

Завершая главу, отметим, что хотя Данилевского и причисляют к исследователям позитивистского толка (к этой теме мы еще вернемся), все же религиозная составляющая играла важнейшую роль

в его философско-исторических построениях. Вспомним замечательный пассаж, завершающий «Россию и Европу»: «Главный поток всемирной истории начинается двумя источниками на берегах древнего Нила. Один — небесный, божественный, через Иерусалим и Царьград достигает в невозмущенной чистоте до Киева и Москвы; другой — земной, человеческий, в свою очередь дробящийся на два главные русла: культуры и политики, течет мимо Афин, Александрии, Рима — в страны Европы, временно иссякая, но оиять обогащаясь новыми, все более и более обильными, водами. На русской земле пробивается новый ключ: справедливо обеспечивающего народные массы общественно-экономического устройства» [9, с. 430–431]. Здесь на будущий славянский культурно-исторический тип возлагается задача по решению проблем современного общества в духе социальной справедливости.

Глава 2

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТИПОВ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Начавшись как политический памфлет высокого качества, она стала великолепным и замечательным вкладом в философию истории или культурную социологию и закончилась в сущности совершенно правильными и необычайными политическими пророчествами.

П. А. Сорокин

Слова П. А. Сорокина, взятые нами в качестве эпиграфа к этой главе, относятся к знаменитой книге Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» [122, с. 136–137]. Сейчас мы подробно рассмотрим теорию культурно-исторических тииов, предложенную великим мыслителем. Для начала обозначим мпровоззренческий аспект. В случае Данилевского это тем более важно, что, несмотря на отмечаемую всеми близко знавшими его личную религиозность, в своей теоретической деятельности мыслитель ориентпровался на имманентные аспекты и, соответетвенно, прибегал к адекватным им методам исследования. Подобная установка позволяет некоторым современным авторам говорить даже о приверженности Данилевского позитивистской методологии. В частности, Ю. Асоян и А. Малафеев пишут, что он «по своим философским воззрениям был вполне последовательным позитивистом» [69, с. 302, примеч.].

На самом деле, концепция Данилевского не совпадает полностью с установками позитивизма[2]. По мнению ряда исследователей

[2] Здесь, кстати, необходимо отметить еще один аснект — нолитический. Подавляющее большинство отечественных сторонников позитивизма придерживалось левых и либеральных политических воззрений. Копсерватизм Данилевского был

(А. А. Галактионов, К. В. Султанов), автор «России и Европы» стремился сочетать элементы позитивизма и славянофильского органицизма. Речь у него ндет о «вписывании» человеческого общества в природную реальность, показе их принципиальной взаимосвязи. В этом отношении Данилевский — настоящий русский мыслитель. Его концепция имеет ряд точек близости не только с построениями К. Н. Леонтьева, евразийцев, Л. Н. Гумилева, но даже с русским вариантом марксизма. Последний неслучайно включал в себя не только исторический, но и диалектический материализм (в этом его принципиальное отличие от марксизма западного).

Интересующая нас установка обнаруживается уже в ранних работах Данилевского — статьях, посвященных «Космосу» знаменитого немецкого натуралиста А. фон Гумбольдта. В них молодой мыслитель критически оценивает стремление новоевропейской науки к противопоставлению человека и природы и еще более негативно относитея к планам по господству над прпродной реальностью. Кроме того, нельзя забывать, что Данилевский был серьезным специалистом в области биологии, занимавшим ярко выраженную антндарвинистскую позицию. Серьезное теоретическое обоснование этой позиции он дал в двухтомнике «Дарвинизм. Критическое исследование». Автору «Дарвинизма» удалось отметить ряд действительно слабых мест дарвиновской теории эволюции, которые преодолевались в последующем развитии биологии.

Обратимся к анализу концепции Н. Я. Данилевского. В четвертой главе «России и Европы» автор исследует общепринятую схему всемпрной истории («древияя, средияя и новая история») на предмет ее соответствия основным требованиям «естественной системы». Таковых требований три: «1. Принцип деления должен обнимать собою всю сферу делимого, входя в нее как наисущественнейший признак. 2. Все предметы или явления группы должиы иметь между собой большую степень сходства или сродства, чем с явлениями или предметами, отнесенными к другой группе. 3. Группы должиы быть однородны, то есть степень сродства, соединяющая их членов, должна быть одинакова в одноименных группах» [9, с. 66].

Приложение этих критериев к традиционной схеме развития исторического процесса демонстрпрует, на взгляд Данилевского, несостоятельность последней. Например, падение Римской империи,

---

им абсолютио чужд и своим оии его ии в коем случае пе считали. См., папример, «Осповы русской социологии» П. И. Кареева [96, с. 155].

которое в западной историографии принято считать границей античности и Средневековья, ни в коей мере не может быть отнесено к индийской или китайской истории. Там это событие даже не было замечено. Нечто подобное можно сказать и о других исторических событиях — например, о распространении христианства, которое лично Данилевский считал боговдохновенной религией.

Вместо старой схемы он выдвинул концепцию культурно-исторических типов. Именно культурно-исторический тип — основная реальная и самодовлеющая единица истории. Автор «России и Европы» выделил десять типов, совершивших полный цикл развития: 1 — египетский, 2 — китайский, 3 — ассирийско-вавилоно-финикийский (халдейский или древнесемитический), 4 — индийский, 5 — пранский, 6 — еврейский, 7 — греческий, 8 — римский, 9 — аравийский (новосемитический), 10 — германо-романский (европейский). Двумя типами, не успевшими совершить полного цикла, мыслитель считал мексиканский и перуанский, ставшие жертвами испанских конкистадоров.

Кроме того, Данилевский ввел четыре разряда культурной деятельности, в рамках которых те или иные народы осуществляли свое предназначение.

«1. *Деятельность религиозная*, объемлющая собой отношения человека к Богу, — поиятие человека о судьбах своих как нравственно неделимого в отношеиии к общим судьбам человечества и Вселенной, то есть, выражаясь более общими терминами: народное мпровоззреиие не как теоретическое, более или менее гадательное знаиие, во всяком случае, доступное только немногим, а как твердая вера, составляющая живую основу всей нравственной деятельности человека.

2. *Деятельность культурная, в тесном значении этого слова*, объемлющая отношения человека к внешнему миру, во-первых, *теоретическое, научное, во-вторых, эстетическое, художественное* (причем, конечно, к внешнему мпру причисляется и сам человек как предмет исследования, мышления и художественного воспроизведения) и, в-третьих, *техническое, промышленное*, то есть добывание и обработка предметов внешнего мира, применительно к нуждам человека и сообразно с пониманием как этих нужд, так и внешнего мира достигнутым путем теоретическим.

3. *Деятельность политическая*, объемлющая собою отношение людей между собой как членов одного народного целого, и отношение этого целого как единицы высшего порядка к другим народам.

Наконец –

4. *Деятельность общественно-экономическая*, объемлющая собою отношения людей между собою не непосредственно как нравственных и политических личностей, а посредственно — применительно к условиям пользования предметами внешнего мира, следовательно, и добывания и обработки их» [9, с. 400].

Теперь посмотрим, как в разных культурно-исторических типах преломлялись данные внды деятельности. Ранние типы Данилевский считает первичными или «автохтонными». Речь идет, например, о египетской, древнесемитической и иранской культуре. Данные культурно-исторические типы, был уверен мыслитель, лишь вырабатывали условия, которые делали возможной жизнь в организованном обществе, а следовательно, ни один из вышеуказанных вндов деятельности не мог стать в них преобладающим. Тем не менее без подобного опыта невозможно было бы развитие последующих цивилизаций.

Первым культурно-историческим типом, имевшим всепроникающее значение одного принципа, был еврейский, создавший монотеистическую религию. В этой связи, в целом оставаясь в рамках имманентистской аргументации, автор «России и Европы» позволяет себе говорить о «богоизбранности» еврейского народа. Он аргументпрует это обстоятельство следующим образом: «Народ этот по справедливости называется народом богоизбранным, так как среди него выработалось то религиозное мпросозерцание, которое подчинило себе самые высокие, развитые цивилизации и которому суждено было сделаться религиею всех народов, единою, вечною, непреходящею ее формой» [9, с. 402]. Подобная аргументация вполне могла быть принята и позитивистами, хотя, повторимся еще раз, личная религиозность Данилевского никем и никогда не ставилась под сомнение.

Греческий тип был исключительно культурным в собственном значении этого слова (или «художественно-культурным», используя авторскую лексику), оставив непревзойденные образцы как теоретической, так и особенно художественной деятельности. В свою очередь, преимущественной сферой приложения римского гения была политика. Римляне создали величайшую в истории империю, составили совершенный кодекс гражданских законов. Таким образом, все три древних культурно-исторических типа (еврейский, греческий и римский) развили каждый свою сторопу культурной жизни и, в силу этого, обозначаются Данилевским как «одноосновные».

В рамках германо-романского типа первостепенное значение получили два начала, которые были разделены в античных цивилизациях — политическое и собственно культурное. Народы Запада основали могущественные государства, распространили свою власть на все части света. Более того, опираясь на римское право, они смогли установить «отвлеченно-правомерные отношения» как граждан между собою, так и в их отношении к государству. Не менее преуспели народы Европы и в культурной области — особенно в науке и промышленности, но также и в искусстве. В последнем, однако, по мнению Данилевского, они все же не смогли превзойти греков. Германо-романская цивилизация, в противоположность предшествующим, характеризуется автором «России и Европы» как «двуосновная».

Впрочем, достигпув выдающихся успехов в политической и культурной областях, европейская цивилизация не смогла удовлетворительно разрешить социальный вопрос. Его разрешение, указывал мыслитель, под силу лишь качественно новому типу. Таковым Данилевский считал «славянский тип», наиболее полно выраженный в русском народе. Будущая «всеславянская федерация» не только удовлетворительно разовьет общественно-экономическую сторону человеческой деятельности, но и явит, как надеялся русский мыслитель, наиболее полный и творческий культурно-исторический тип — «четырехосновный». История и современность, как считал создатель «России и Европы», создали для этого все условия.

Православие, наиболее распространенную среди славян религию, Данилевский рассматривал как боговдохновенную. В сфере политической славянство дало одпу из величайших империй — Российскую. Кроме того, вторая половина XIX века — время освобождения балканских славян из-под власти Османской империи и образования новых национальных государств. Эпоха Данилевского — «золотой век» русской культуры. Как мы уже отмечали, в 1869 году не только был опубликован журнальный вариант «России и Евроны», но и были завершены величайшие шедевры русского гения: «Война и мир» Л. Н. Толстого и «Борис Годунов» М. П. Мусоргского. Между тем на повестке дия были другие великие творения: романы Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, оперы А. П. Бородина и П. И. Чайковского, философские концепции Н. Ф. Федорова и В. В. Розанова. Список, разумеется, можио продолжить.

Будущий славянский культурно-исторический тип должен принести еще более блестящие плоды, надеялся Данилевский, и в этой

связи выдвигал следующую максиму: «*Для всякого славянина: русского, чеха, серба, хорвата, словенца, словака, болгара (желал бы прибавить и поляка), — после Бога и Его Святой Церкви, — идея Славянства должна быть высшею идеею, выше науки, выше свободы, выше просвещения, выше всякого земного блага*, ибо ни одно из них для него недостижимо без ее осуществления — без духовно, народно и политически самобытного, независимого славянства; а, напротив того, все эти блага будут необходимыми последствиями этой независимости и самобытности» [9, с. 107].

Есть вызывающие доверие свидетельства, что внимательным читателем «России и Европы» был И. В. Сталин. В последние годы опубликован ряд материалов по данной тематике, которые позволяют оценить сталинский проект создания своеобразного антигерманского кордона славянских государств. Выступая 28 марта 1945 года на приеме в честь президента Чехословакии Э. Бенеша, И. В. Сталин сказал: «Мы, новые славянофилы-ленинцы, славянофилы-большевики, коммунисты, стоим не за объединение, а за союз славянских народов. Мы считаем, что независимо от разницы в политическом и социальном положении, независимо от бытовых и этнографических различий все славяне должны быть в союзе друг с другом против нашего общего врага — немцев». Союз славянских народов жизненно необходим, чтобы «немцам не дать подняться и затеять новую войну» [118, с. 720–721][3].

Вспомним, что в зону послевоенного влияния СССР вошли практически все те народы, о которых писал Данилевский — лишь греки в нем были заменены восточными немцами (фактически пруссаками). У руководства СССР после Второй мировой войны существовал даже план создания Всеславянской федерации со столицей в Белграде. Предательство Тито, который задумал основать собственную Балканскую империю, поставило на этих планах крест. В замышляемую им империю югославский лидер стремился включить, помимо собственной страны, также Болгарию и Албанию, а по возможности и Грецию. Отсюда — поддержка им греческих коммунистов в ходе гражданской войны 1946–

[3] Показательно, что во время тайных встреч с князем Гогенлоэ, проходивших в Швейцарии в 1943 году, на опасность панславизма указывал пресловутый А. Даллес. Он, в частности, заявил, что «путем расширения Польши в сторону востока и сохранения Румынии и сильной Венгрии следует поддержать создание санитарного кордона против большевизма и панславизма» [106, с. 70].

1949 годов. Советское руководство в этом конфликте заняло значительно более сдержанную позицию.

Идея Сталина, как легко убедиться, весьма радикально отличалась от проектов по насильственному приведению славянских народов в социализм, которые пытались реализовать его преемники. Трагическая логика истории привела к тому, что развал коммунистической системы обернулся ожесточенной войной славян друг против друга, вспыхнувшей на территории бывшей Югославии, за которой невооруженным глазом обнаруживается работа не только американских, но и немецких кукловодов. То же самое следует сказать о перевороте на Украине в 2014 году и последовавших за ним событиях. Сталинские слова оказались пророческими.

Тем не менее положение о славянском культурно-историческом типе, выдвинутое Данилевским, еще в XIX веке вызвало множество нареканий. Так, наиболее известный оппонент автора «России и Европы», В. С. Соловьев, обвинял его в пренебрежении к науке и просвещению, в сведении идеи славянства к чисто этнографической особенности этого племени и тому подобных грехах. Нетрудно, впрочем, отметить голословность подобных обвинений. Данилевский внес значительный личный вклад в развитие отечественной науки — как теоретический, так и практический. Некоторые исследователи (А. Вучинич, К. В. Султанов) называют Данилевского основоположником социологии науки на русской почве. Речь идет о шестой главе «России и Европы», где автор рассматривает основные этапы развития науки и характеризует вклад представителей различных народов в этот процесс. Эту тему мы рассмотрим в следующей части нашей книги.

Здесь же отметим, что теорию Данилевского Соловьев объявляет «ползучей», крепко держащейся за существующие основы общества, а не противопоставляющей им некую пророческую утопию. В качестве последней В. С. Соловьев берет платоновскую концепцию идеального государства, опередившую свое время на столетия и обрисовавшую контуры будущего средневекового государства. Весьма показательно предпочтение «конкретного материализма полицейской диктатуры» (Н. К. Гаврюшин), торжествующего в «Государстве» и «Законах», славянскому культурно-историческому типу. Впрочем, ведь и «Вселенская Церковь», о которой писал Соловьев — это, в конечном итоге, очередная вариация на тему платоновского идеального государства.

По поводу идей, развиваемых Н. Я. Данилевским, возникла серьезная полемика между В. С. Соловьевым и Н. Н. Страховым, отстаивавшим концепцию своего друга и единомышленника. Оспаривая идеи оппонентов, Соловьев не скупился на навешивании различных ярлыков и не стесялся передергивать факты, обвиняя автора «России и Европы» даже в плагиате у малоизвестного ныне немецкого историка Г. Рюккерта[4]. Тем не менее в соловьевской критике можно найти рациональное зерно. Например, подведение Данилевским всех славянских народов под единый культурно-исторический тип представляется явно ошибочным. Автор «России и Европы» не учел серьезных различий в их культурно-историческом развитии. В частности, отмечает современный специалист по истории русского консерватизма, Данилевский «обошел молчанием проблему взаимоотношения конфессий» [103, с. 196].

Так, западные славяне (особенно поляки) — представители скорее германо-романской цивилизации, сформировавшиеся под влиянием католической церкви и ее ценностей. Причем, находясь на периферии этой цивилизации, они с тем большим пафосом брали на себя ее защиту от «восточного варварства». То, что «настоящие» страны Запада платили им за это черной неблагодарностью, те же поляки предпочитают не вспоминать. А ведь было три раздела Польши в XVIII веке, происходившие при непосредственном участии Австрии и Пруссии — самых что ни на есть представителей германо-романского мира. Затем раздел, закрепленный решениями Венского конгресса 1815 года. Непродолжительный период независимости, наступивший после Первой мировой войны, сменился новыми напастями. В 1939 году последовало, по сути дела, предательство поляков их союзниками, а на Ялтинской конференции они же с легкостью передали Польшу в зону советского влияния. Тем не менее поляки и сегодня продолжают считать себя неотъемлемой частью западного мира[5].

---

[4] Подробнее полемику вокруг «России и Европы», в том числе и спор между В. С. Соловьевым и Н. Н. Страховым, мы рассмотрим в следующей главе.

[5] Идейно-психологические основания этого, кстати, великолепно проанализировал Н. Н. Страхов в своей скандально знаменитой статье «Роковой вопрос» (1863). Статья, напечатанная в журнале «Время», была откликом на начавшееся польское восстание 1863–1864 годов [41, с. 37–50]. Повстанцы ставили своей целью восстановление Польши в границах 1772 года, то есть с включением в ее состав Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины. Эти земли на языке шляхты обозначались как «Забранный край». В представленной статье Страхов весьма добросовестно

События XX века во многом опровергли радужные проекты автора «России и Европы»: созданный под эгидой СССР социалистический лагерь и «Варшавский договор» оказался нежизнеспособным единством, причем по причинам не только экономического, но и этнокультурного характера. Но ведь и «общечеловеческие» проекты, которые в принципе вызвали бы одобрение В. С. Соловьева, не справились с поставленными перед ними задачами. Организации типа Лиги наций или ООН, призванные контролпровать национальные эгоизмы, на практике оказались ширмами, прикрывающими интересы великих держав. Сегодня мы наблюдаем несомненный кризис Евросоюза, как наднационального образования.

События, последовавшие за распадом СССР и коммунистического блока, прекрасно иллюстрпруют данное обстоятельство. Экономический кризис, начавшийся в 2008 году, неожиданным образом подтвердил истинность концепции Данилевского. Самым слабым звеном Евросоюза, поглотившего большинство восточноевропейских государств, не случайно оказались традиционно православные Греция (несмотря на три десятилетия своего членства в этой организации), Кипр, Румыния и Болгария. Этнокультурные отличия и в наше прагматическое время весьма серьезно сказываются на экономике.

Отбрасывая нереалистические моменты концепции Данилевского, отметим содержательные идеи этого автора. Например, законы развития культурно-исторических типов, описанные в пятой главе «России и Европы»:

«Закон 1. Всякое племя или семейство народов, характеризуемое отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою, — для того чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий, — составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества.

Закон 2. Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо,

---

излагает аргументы враждебной стороны, чтобы в дальнейшем выдвинуть весомые коптраргумепты. Этот нюапс, однако, пе был понят ии властями, ии обществом. Автора «Рокового вопроса» обвинили в предательстве, «полоиизме» и т. п. Инициативу в травле взял па себя М. П. Катков, который, как выяснилось позднее, пе зпал, что автором статьи был П. П. Страхов. В результате журпал «Время», издававшийся братьями Достоевскими, был закрыт. Данное обстоятельство, как мы зпаем, сыграло немаловажную роль в дальпейшей судьбе великого иисателя.

чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью.

Закон 3. Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций.

Закон 4. Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому тину, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, — когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию, или политическую систему государств.

Закон 5. Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения — относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу» [9, с. 77–78].

А. А. Галактионов отмечает, что реальным аналогом культурно-исторических типов являются народности (племена и племенные союзы) в прошлом и нации — в настоящем. Он даже сопоставляет характерные черты культурно-исторического типа по Данилевскому со знаменитым сталинским положением о нации как исторической общности людей с едиными языком, территорией, экономикой и психическим складом, проявляющимся в общности культуры [76, с. 33–34]. Нам, однако, более удачным представляется сопоставление понятия Данилевского с гумилевским понятием «суперэтнос» — этнической системы, состоящей из нескольких этносов, возникших одновременно в одном ландшафтном регионе, проявляющейся в истории как мозаичная целостность[6].

Если мы обратимся к антропологии Данилевского, то необходимо понимать, что интересующий его человек — всегда представитель определенной этнокультурной общности. Именно национальный тип конституирует социальную, политическую и собственно культурную специфику той или иной общности. В этой связи важнейшее значение имеет восьмая глава «России и Европы», озаглавленная автором — «Различия в психическом строе». Данилевский выявляет основные факторы, способствующие формированию

[6] См. «Толковый словарь» к «Этногенезу и биосфере Земли» Л. П. Гумилева, составленный В. Ю. Ермолаевым [78, с. 499].

национальной психологии, а также проводит сравнительное исследование представителей германо-романского и славянского типов.

Говоря об особенностях национальной психологии, Данилевский указывал, что в формпровании последней участвуют три основных фактора: 1) различия этнографические — те племенные качества, которые выражаются в особенностях психического строя народов; 2) высшее нравственное начало, руководящее тем или иным народом и воздействующие на различные сферы его деятельности; 3) ход и условия исторического воспитания [9, с. 145]. Исследователи, даже и благожелательно настроенные, отмечали своеобразный отход Данилевского от принципа историзма при интерпретации специфики национальной психологии [73, с. 88–90; 123, с. 237–239; 126, с. 66].

Здесь важно поиять, что автора «России и Европы» интересовали константы этнической психологии, при разрушении которых исчезает сам народ. Данилевский называет их «психическим строем» и показывает трудность определения тех черт характера, которые есть у одного народа и полностью отсутствуют у другого. Суть дела заключена не в описательной передаче частных наблюдеиий, но в нахождении сущностной характеристики черт того или иного народа, а также совокупности народов, объединенных в культурно-исторической тип. Позднее для описания основ различных культур Шпенглер будет использовать понятие «прасимвол». Прасимволами египетской, античной, магической (византийско-арабской) и западной культур у него будут выступать нуть, отдельное тело, пещера и бесконечное пространство. Этот анализ имеет и свое антропологическое измерение, ибо каждая культура вырабатывает свойственный лишь ей тип человека.

Нечто подобное мы обнаруживаем в «России и Европе», хотя ее автора значительно меньше, чем Шпенглера, интересовали культуры прошлого. В центре внимания Данилевского находились отличия славянского и германо-романского типов — тема, заявленная в самом названии его главного труда[7]. По сути дела, подобная тематика была уже затронута старшими славянофилами. Особенно показательны в этом отношении программные работы И. В. Кпреевского — «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению

[7] Кстати, Даиилевский предпочитал говорить имепно о гермапо-ромапском тине, так как нриоритет германцев в становлении и развитии Занада в XIX столетии был аксиомой.

России» (1852) и «О необходимости и возможности новых начал для философии» (1856). В этих работах мыслитель показывает радикальное отличие начал русской культуры от тех, которые легли в основание культуры западной. Соответственно, отличными оказываются и психологические характеристики носителей данных типов культур.

Сопоставление с западной цивилизацией важно для Данилевского, как и для его предшественников, ибо только компаративистский подход позволяет выявить специфику собственной культуры. Данные отношения необходимо включить в известную парадигму К. Шмитта — «друг-враг». Впрочем, наш соотечественник данный аспект прекрасно понимал, указывая, что «всякий организм — будет ли то индивидуальный, как человек, или сложиый, как государство, или коллективный, как система государств — получает сознание о своем отдельном бытии только при пробуждении сознания своей противоположиости чему-либо» [8, с. 172].

Мыслитель жил в эпоху геополитического одиночества России. Старые союзы были разрушены революционными событиями 1848–1849 годов, а также Крымской войной, а новые еще не сложились. Ситуация весьма напоминающая современность. Соответственно, у автора «России и Европы» не было иллюзий относительно подлинного отношения народов и правительств германо-романского культурно-исторического типа к нашей стране. Врага же, как говорится, надо знать в лицо, что русский мыслитель и демонстрирует в своем изумительном анализе.

Специфику германо-романского типа Данилевский видит в «насильственности» (Gewaltsamkeit). «Насильственность, в свою очередь, есть ничто иное, как чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человек, им обладающий, ставит свой образ мыслей, свой интерес так высоко, что всякий иной образ мыслей, всякий иной интерес необходимо должен ему уступить, волею или неволею, как неравноправный ему» [9, с. 150]. Любопытно, что младший современник Н. Я. Данилевского, Ф. Ницше, будет писать о «воле к власти», как основе мирового процесса. В дальнейшем эту мысль подхватят многие западные мыслители — О. Шпенглер, М. Хайдеггер, К. Шмитт, которые увидят в «воли к власти» сущность современной западной цивилизации. В рамках подобных установок свое законное место занимают такие персонажи, как «сверхчеловек» и «белокурая бестия». Та заносчивость и претензии на собственную «исключительность», которую мы

сегодня наблюдаем со стороны западных стран (особенно США), глубоко укоренены в этой ментальности.

«Психический строй» славянских народов принципиально отличен от германо-романского — утверждал Данилевский. В нем отсутствует насильственность, кореиящаяся, как было отмечено выше, в крайностях иидивидуализма. На первый план, по мнению Данилевского, выходит общенародное начало, внутреннее нравственное сознание. Для иллюстрации данного положения автор «России и Европы» привлекает узловые моменты русской истории — призвание варягов, принятие христианства, освобождение от поляков, отмену крепостного права (в последнем случае, как мы увидим ниже, не все было так гладко)[8].

Данилевский признает, что подметил лишь некоторые, хотя и существеннейшие, черты «психического строя» западных и славянских народов. Он говорит о необходимости естественной классификации нравственных качеств, но для этого следует привлечь значительный эмпирический материал, что не позволяет сам объем книги. В. Е. Семенков в работе «Психологическая антропология Н. Я. Данилевского» проводит параллель между антропологией русского мыслителя, которую он трактует как «психологическую», и американской антропологической школой «Культура и личность», чьей наиболее известной представительницей была Р. Бенедикт — автор книг «Модели культуры» (1934) и «Хризантема и меч» (1946) [119].

Если рассматривать социально-политические формы жизни, то каждый народ переходит в своем развитии от племенного состояния к гражданскому состоянию. Данилевский при этом считал, что народ может переживать три формы зависимости — рабство, данничество и феодализм. Данные формы зависимости являются продуктом исторического развития. Автор «России и Европы» характеризовал их как историческую дисциплину и аскезу народов. Пройдя через них, народ переходит к следующей фазе своего развития — гармонической, в рамках которой наблюдается настоящий всплеск культурного развития.

---

[8] Ср. с характеристикой А. С. Папарина: «Российский цивилизационный тип является этикоцентричным — не в смысле особого нравственного превосходства над другими, а в смысле неспособности проводить последовательное различие между повседневными рутинными обязанностями и высоким служением» [111, с. 279].

Рабство обращает человека в вещь, что растлевает не только самих рабов, но и их хозяев. Оно подрывает нравственные основания тех обществ, в которых устанавливается юридически. Яркий пример — государства античного мпра. Данничество — форма покорения одного племени другим. При этом победители не смешиваются с покоренными, оставляя их внутреннюю жизнь свободной. Данной формой зависимости характеризуются отношения татар и Руси. Наконец, феодализм — такая форма подчинения, когда победители поселяются среди завоеванных племен. Собственность последних они отбпрают, оставляя часть ее за известные работы, подати и т. д. Классический пример — порядки, которые установились в Европе после ее завоевания германцами. Это во многом объясняет специфику культуры народов Запада.

Особого разговора заслужнвает закон непередаваемости цивилизации. Критики неоднократно пытались приписать автору «России и Европы» мнение о полной невозможности влияния одной культуры на другую. После чего, указывая на противоречащие этому положению факты, радостно громили чуждую им теорию. Приблизительно таков был ход мысли основных оппонентов Н. Я. Данилевского — В. С. Соловьева, Н. К. Михайловского, П. Н. Милюкова. Первый из этих авторов использовал даже ссылки на христианство, которое, как ему казалось, полностью не вписывалось в схемы автора «России и Европы».

Между тем Данилевский вовсе не отрицал возможностей передачи рациональных результатов культуры — науки, техники, навыков совершенствования в сфере искусства и т. п. Своим у каждого культурно-исторического типа оказываются способы познания человека и общества, а особенно практическое применение этого знания. В этой связи на память приходит мысль О. Шпенглера о трех Аристотелях — древнегреческом, арабском и западноевропейском, которые не имеют ничего общего между собою. Но, как нам представляется, так далеко в обосновании непроницаемости друг для друга отдельных культур Данилевский не заходил.

Прибегая к биологическим аналогиям, Данилевский говорит о трех возможных вариантах влияния культур. Первый — пересадка на другую девственную почву. Так финикийцы перенесли свою цивилизацию в Карфаген, греки — в Южную Италию и Сицилию, англичане — в Северную Америку и Австралию. Вторым видом влияния автор «России и Европы» считает «прививку» — таковы были культура Александрии на «египетском дереве» или

римская культура в Галлии. Наконец, погибшая или погибающая цивилизация может послужить «почвенным удобрением» для молодой нации.

В этой связи Данилевский выделяет «уединенные» и «преемственные» культурно-исторические типы. Классическим вариантом «уединенных» цивилизаций оказываются, на его взгляд, китайский и индийский культурно-исторические типы. Остальные культуры могут быть отнесены к типу «преемственных». Понятно, что последние, опправшиеся на достижения предшественников, оказались в привилегированном отношении к «уединенным». Именно в этом автор «России и Европы» видит естественное объяснение западного «прогресса» и восточного «застоя». Хотя, с другой стороны, восточные цивилизации сделали целый ряд открытий и изобретений, оказавших значительное влияние на цивилизацию германо-романскую.

Таким образом, воздействие одного культурно-исторического типа на другой возможно, но очень часто оно носит негативный характер. Неслучайно, что одиннадцатая глава книги Данилевского называется «Европейничанье — болезнь русской жизни». В этой связи необходимо помнить, что «Россия и Европа» создавалась в условиях «великих реформ». Данилевский, будучи принципиальным сторонником реформ, в то же время понимал опасность безоглядного реформирования. Важную роль в осознании негативных аспектов процессов модернизации играло его восприятие человеческого бытия. Как пишет современный исследователь, по мнению Данилевского, «обладая многими частными преимуществами, концепция "модернизации" при ее абсолютизации недостаточно учитывает главное отличие традиционного и модернизпрованного общества — специфику человека, особенности его сознания» [105, с. 13].

Необходимо отметить еще один часто встречающийся в адрес Данилевского упрек — недостаточное внимание к экономической жнзни общества. В известной работе А. А. Галактионова и П. Ф. Никандрова он звучит следующим образом: «Эскизно очерчивая нацию как исторический феномен, Данилевский настолько отвлекается от объективных материальных отношений общества, что нигде не ссылается на особенности экономики или хотя бы хозяйственной деятельности людей, что даже вызывает предположение о преднамеренном игнорировании такого рода проблем, которые в 60–70-е годы активно обсуждались в русской литературе». И на следующей странице — «Экономическим отношениям в России

Данилевский в своей большой книге посвящает всего 5–6 страниц» [77, с. 430–431].

Упрек серьезный, тем более что сам Данилевский не понаслышке был знаком с экономической проблематикой. Его практическая деятельность на протяжении двух с половиной десятилетий была тесно связана с рыбным промыслом, а затем сместилась в сферу сельского хозяйства. В этих областях он был не только умелым организатором и хозяином, но и автором целого ряда печатных трудов. Более того — перу Данилевского принадлежат серьезные работы, посвященные финансовой системе России («Несколько мыслей по поводу упадка ценности кредитного рубля, торгового баланса и покровительства промышленности», 1867; «Несколько мыслей по поводу низкого курса наших бумажных денег и некоторых других экономических явлений и вопросов», 1882; «О низком курсе наших денег и новых источниках государственных доходов», 1886).

Одним из объяснений того, что экономическая проблематика заняла недостаточное место на страницах «России и Европы» будет знаменитый афоризм Козьмы Пруткова — «Нельзя объять необъятное». Неслучайно, что О. Шпенглер посвятил анализу хозяйственной тематики не первый, а второй том своего знаменитого труда. В этой связи можно рассматривать издание Н. Н. Страховым политических и экономических статей своего покойного друга, осуществленное в 1890 году, как своеобразный второй том «России и Европы». К этой проблематике мы обратимся в одной из последующих глав.

Возвращаясь к концепции «России и Европы», отметим, что, наряду с самобытными цивилизациями, ее создатель выделяет еще два типа племен. Первый — те племена, которые обрушиваются на умирающие цивилизации и, уничтожив их, возвращаются в небытие. Данилевский называет их «отрицательными деятелями человечества» и относит к ним гуннов, монголов, турок. Иногда, впрочем, некоторые племена (германцы, арабы) выступают последовательно в деструктивной и конструктивной формах. Кроме того, выделяются племена, которые, не достигая «исторической индивидуальности», вынуждены входить в состав исторических организмов.

Затрагивая учение о «отрицательных деятелях человечества», позволим себе высказать критические замечания в адрес Данилевского. Как нам представляется, в данном аспекте автор «России

и Европы» оказался в плену у критикуемых им европоцентристских схем. Гуннам, монголам и туркам он приписал чисто разрушительные функции, но, если взять два последних народа, то следует помнить, что они были создателями великих империй, просуществовавших не одно столетие. В случае же монголов мы имеем дело с самым, пожалуй, граидиозным государственным образованием в истории человечества. Империя Чингисхана и его наследников на длительное время объединила разрозненные до того части Евразийского континента, позволила наладить экономические, торговые и культурные связи между обитателями этих территорий. Кроме того, нельзя забывать, что Россия стала своеобразным преемником этой империи. Впрочем, в XIX веке данное обстоятельство не очень интересовало исследователей (одно из немногих исключений — статья М. Л. Магницкого «Судьба России»). Линия преемственности Руси и Золотой Орды стала предметом анализа уже в следующем столетии (евразийцы, Л. Н. Гумилев, В. В. Кожинов).

Рассматривая антропологическую концепцию Данилевского, необходимо отметить один важный аспект, который по целому ряду причин не стал объектом исследования специалистов. Речь идет о полемике автора «России и Европы» с обретающей популярность во второй половине XIX века расовой теорией. Проясняя исторический контекст, следует заметить, что в рамках европейской культуры второй половины XIX — первой половины XX века расовая теория занимает законное место, наряду с дарвиновской теорией эволюции и учением о классовой борьбе. Данная теория имела различные вариации и не все из них были известны Данилевскому. Кроме того, будучи крупным специалистом в области биологии, он не мог не понимать того, что расовые отличия глубоко укоренены в человеческой природе. Их нельзя отбросить как нечто несущественное, что делали и продолжают делать оппоненты расизма.

Тем не менее автор «России и Европы» вступил в полемику с адептами расовой теории. В частности, он подверг резкой критике краниологическую классификацию, предложенную известным шведским натуралистом Аидерсом Ретцнусом (1796–1860). А. Ретциус предложил делить человеческие расы на брахицефальные (короткоголовые) и долихоцефальные (длинноголовые). В основу этого деления было положено соотношение между шириной черепа и расстоянием от лицевой до тыльной его стороны. Физический размер мозга, считал шведский исследователь, соотносится с ум-

ственными способностями. Правда, понимая недостаточность одного признака в решении столь важной проблемы, известный ученый ввел дополнительный признак — направление передних частей челюстей и передних зубов. Соответственно, получилось четыре антропологических типа, к которым Ретциус свел всех представителей человеческого рода — 1) длинноголовые прямочелюстные; 2) длинноголовые косочелюстные; 3) короткоголовые прямочелюстные и 4) короткоголовые косочелюстные. Славяне, в том числе и русские, в этой классификации были отнесены к третьему типу, в то время как большинство представителей западных народов к первому.

Данилевский показывает искусственный характер классификации Ретцнуса. Вот какие упреки он предъявляет шведскому натуралисту: «Как согласовать это деление с делением по цвету кожн, по свойствам волос, по Камперову личному углу и, наконец, с делением лингвистическим? Здесь все подчиияется одному признаку, которому придается преобладающее значение» [9, с. 147]. Действительно, одних только физиологических факторов в деле этнической идентификации недостаточно — в истории они не играли той решающей роли, которую им приписывали теоретики расизма. Если быть до конца последовательным, утверждал Данилевский, то северных и южных немцев надо отнести к двум различным расовым типам, ибо первые из них долихоцефалы (длинноголовые), а вторые — брахицефалы (короткоголовые)[9].

Чисто антропометрическая классификация, таким образом, обнаружнвает свою недостаточность или, во всяком случае, требует основательного переосмысления. Появляется потребность включения характеристик, выделенных Ретцнусом, в более содержательный контекст. В этом контексте должны учитываться факторы не только физиологического характера. Здесь мы сталкиваемся с интегральным подходом, отличающим мышление автора «России и Европы», который никогда не был склонен замыкаться в рамках ползучего эмпиризма. Это, кстати, еще один повод не относить его к представителям позитивизма.

---

[9] Почти полвека снустя после журпальпой нубликации «Россин и Европы» даиное обстоятельство отметили пемецкие расовые теоретики. В нисьме к Ю. Леману, датироваипом 25 декабря 1915 года, Ф. Ленц указывал: «Осповпая масса великороссов и белорусов — финского происхождения и вследствие этого ближе к северным пемцам, тогда как украинцы ближе к южным пемцам» [65, с. 21].

Особую роль, считает Данилевский, следует уделить языку. В этой сфере ненавистников славян из числа западных расовых теоретиков, причислявших их к тюркской или финно-угорской этнической группе, ожидает конфуз. Если славянский язык, принадлежащий, несомненно, к индоевропейской семье, был заимствован его носителями, то где же следы того племени, от которого он был заимствован? Последнее должно было быть весьма многочисленным и могущественным, чтобы передать свой язык такому крупному отделу человечества. Не обнаружив этих следов, мы признаем славян творцами своего языка, а, соответственно, их принадлежность к индоевропейской семье не может быть поставлена под сомнение.

Интересно, что своеобразный, пусть и ложный, ответ на вопрос Данилевского был предложен графом Жозефом Артюром де Гобино (1816–1882) — родоначальником романтической версии расизма. Ответ этот отчетливо обозначал антиславянскую составляющую данной теории, как она оформилась в XIX веке. Вспомним, что Гобино рассматривал славян как потомков арийцев, которые, направившись на Восток, смешались там с финскими племенами. В результате «порчи» крови, главной характеристикой славянских племен стала пассивность, неспособность к творчеству в сфере социально-политической жизни. По мнению Гобино, в Восточной Европе славяне выполняли ту же роль, которую в Азии взяли на себя семиты. И те, и другие стали своеобразным болотом, которое топило в себе все более развитые этнические группы. Единственное исключение из этого правила автор «Опыта о неравенстве человеческих рас» видел в России, но и здесь главным творческим элементом выступали германцы. Сначала это были варяги, а начиная с петровских времен — немцы [4, с. 686–687][10].

[10] В рамках концепции Гобино русские все же выделяются из всех славян своей способностью к государственному строительству. Естественно, что поляки не смогли обойти данной проблемы и не предложить какой-то теории в русофобском стиле. В этой связи необходимо назвать теорию Франциска Духинского, в рамках которой поляки и украинцы рассматривались как народы арийского происхождения, а великороссы («москали»), как туранцы. Эти идеи были изложены Духинским в книге «Народы арийские и туранские. Земледельцы и номады. Необходимость реформ в изложении истории народов арийско-европейских и туранских, особенно славян и московитов» (1864) и др. Надо отдать должное этнографам XIX столетия — недолго поносившись с этой теорией, они ее в итоге отвергли.

Показательно, что несколько десятилетий спустя данная аргументация будет активно использоваться А. Гитлером в целях обоснования восточной политики III рейха. Он буквально дословно перескажет идеи Гобино в книге «Моя борьба». События прошлого века показали, к каким чудовищным последствиям привела эта теория, принятая за основу геополитической программы немецкими национал-социалистами. Данилевский, понимавший генезис и политическую составляющую варианта расизма, который начал разрабатываться во второй половине XIX века, предвидел эти последствия задолго до того, как они начали реализовываться на практике. Русский мыслитель узрел в новой теории очередное орудие Запада в борьбе против России и славян. Это свидетельствует о высоком прогностическом потенциале концепции Данилевского.

Глава 3

СПОРЫ ВОКРУГ «РОССИИ И ЕВРОПЫ»

Почему это мы за Европу боимся, а за Россию у нас нет ни малейшего страха?

Н. Н. Страхов

Н. Я. Данилевский не дождался прижизненного признания, хотя среди внимательных и благожелательных читателей его главного труда мы видим Ф. М. Достоевского, К. Н. Бестужева-Рюмина, В. В. Розанова, а среди продолжателей и пропагандистов — К. Н. Леонтьева и Н. Н. Страхова. Большинство современников было настроено негативно: одни безосновательно упрекали его в плагиате (как мы помним, среди них был В. С. Соловьев), другие — в антипрогрессистеких взглядах и разжиганни антизападных настроений (Н. К. Михайловский, Н. И. Кареев, П. Н. Милюков). Парадоксально, но наибольший интерес «Россия и Европа» вызвала в Австро-Венгрии, где ее автора объявили идеологом панславизма и крайне опасным для «лоскутной империи» демагогом. Правда, справедливости ради, отметим, что в России до конца XIX века книга Н. Я. Данилевского, в первую очередь усилиями Н. Н. Страхова, была издана пять раз, включая первую, журнальную, нубликацию[11].

---

[11] Эти издапия были осуществлепы в 1869, 1871, 1888, 1889 и 1895 годах. Впрочем, необходимо отметить интереспую подробпость, которую мы обпаруживаем в одиой из статей В. В. Розапова, увидевшей свет в 1916 году. В пей автор, со ссылкой па авторитетпый источиик, утверждал, что кпига П. Я. Данилевского, «вредящая германским иптересам в России», скупалась и упичтожалась заинтересованными лицами [32, с. 427]. Понятно, что эти строки нисались в годы Первой мировой войны, по, видимо, какая-то доля правды в пих содержнтся.

Несмотря на негативный в целом настрой, книга Данилевского вызвала интерес у критиков. Как отмечает К. В. Султанов, по количеству обзоров ей нет равных среди книг 1870–1880-х годов. Вообще работы Данилевского активно обсуждались в печати [126, с. 154–155]. После смерти автора вокруг «России и Европы» вспыхнула настоящая полемика. Среди ее участнников следует упомянуть В. С. Соловьева, Н. И. Кареева, Н. К. Михайловского, П. Н. Милюкова, Н. Н. Страхова, К. Н. Леонтьева, К. Н. Бестужева-Рюмина, В. В. Розанова. Четыре первых выступили с резкой критикой идей Данилевского, особенным рвением отличился В. С. Соловьев, который позднее включил свои статьи в сборник «Национальный вопрос в России» (вып. 1–2, 1891). Напротив, четыре оставшихся автора в той или иной степени солидаризпровались с автором «России и Европы», здесь надо в первую очередь назвать Н. Н. Страхова. Выдающийся мыслитель и критик включил свои статьи, написанные в защиту концепции Данилевского, в третье издание сборника «Борьба с Западом в нашей литературе» (кн. 1–3, 1890–1897).

По поводу «России и Евроны» между В. С. Соловьевым и Н. Н. Страховым вспыхнула ожесточенная полемика, которую мы и попытаемся осветить в этой главе. Тем более, что материалы данной полемики неоднократно становились предметом анализа в нашей исследовательской литературе [70; 117; 126; 130]. Сравнительно недавно полемика вокруг книги Н. Я. Данилевского стала предметом рассмотрения в кандидатской диссертации А. В. Ефремова [87]. В данной связи у нас есть основательная историографическая база, на которую можно опираться. Естественно, что не со всеми замечаниями упомянутых исследователей мы можем согласиться. Кроме того, далеко не все материалы оказались в центре внимания авторов названных работ. Следовательно, необходимо будет предложить свою интерпретацию этого спора, а также привлечь и материалы остальных участников дискуссии вокруг «России и Европы».

Сразу необходимо отметить очень важное обстоятельство, спровоцпровавшее эту полемику. Незадолго до смерти Н. Я. Данилевский написал и онубликовал в «Известиях Славянского Общества» (1885, март) статью «Владимир Соловьев о православии и католицизме», в которой разобрал и подверг обоснованной критике воззрения философа на соединение церквей. Статья демонстрировала блестящую эрудицию автора и не оставляла камия на камне от соловьевских тезисов. В. С. Соловьев был весьма задет этой критикой, но ответить непосредственно автору уже не смог — в ноябре того же года

Н. Я. Данилевский скончался. Тогда он выбрал в качестве объекта критики главную книгу великого мыслителя, обрушившись на развиваемые в ней идеи [120, с. 77–78; 130, с. 155].

Нельзя забывать и исторический контекст. Далеко неслучайно, что соловьевская критика «России и Европы» начинается через два десятилетия после ее публикации. Помимо обстоятельств, отмеченных выше, необходимо помнить, что 1880-е годы — время царствования Александра III. Этот царь смог остановить волну террора, захлестнувшую Россию в заключительный период правления его отца. Либералам, надеявшимся прорваться к власти на гребне террора, оставалось огрызаться по углам. Соловьев, вступивший на исходе 1886 года в альянс с издателями «Вестника Европы», решил ударить по консервативным и националистическим установкам. То были общие враги религиозного западника, как позиционировал себя Соловьев, и его новых либеральных союзников. С этой целью он и избрал в качестве объекта нападок книгу Данилевского — программную, как считал Соловьев, для политики Российской империи этого периода. Практически все работы, направленные против идей Данилевского и Страхова, были опубликованы им в «Вестнике Европы». Единственным исключением стала статья «Мнимая борьба с Западом» (1890), увидевшая свет в «Русской мысли».

Показательно, что в годы, предшествовавшие публикации полемической статьи Данилевского и сближению с редакцией «Вестника Европы», Соловьев мог вполне благожелательно цитировать фрагменты из «России и Европы». Например, в открытом письме И. С. Аксакову, озаглавленном «Любовь к народу и русский народный идеал» (1884), Соловьев одобрительно приводит отрывок из шестой главы книги Данилевского, в котором речь идет о проявлении национального характера в науке. Автор «России и Европы» в этой связи анализпровал концепции А. Смита и Ч. Дарвина. Ничего криминального в подобном подходе Соловьев еще не находил.

Необходимо заметить, что полемике вокруг «России и Европы» предшествовала переписка Соловьева и Страхова. Было бы любопытно проследить, как Соловьев подготавливал корреспондента к своей атаке на идейное наследие Данилевского. Тактику, которую он при этом выбрал, вполне можно характеризовать как иезуитскую. В ноябрьском письме 1885 года Соловьев восклицал: «Какое неожиданное огорчение смерть Н. Я. Данилевского! И неоконченный “Дарвинизм” и только что начатый спор о соединении церквей!

А для Вас, конечно, более всего это личная незаменимая потеря» [37, с. 245]. Далее автор письма просит Страхова предоставить ему биографические сведения об умершем, поскольку предполагает написать о нем в «Православном обозрении», с которым в это время сотрудничал.

Через два года, в октябре 1887, Соловьев сообщает Страхову, что задумал написать разбор книги Данилевского, а потому просит сообщить о готовящемся переиздании «России и Европы». Две недели спустя Соловьев оповещает своего адресата, что разбор труда Данилевского примет критический характер. Он мотивирует это тем, что поставлен цензурой в такие условия, когда не может излагать позитивную сторону своей концепции. При этом Соловьев отпускает своему корреспонденту довольно неуклюжий комплимент, задевая попутно М. Н. Каткова: «Вы по тонкости и широте ума неизмеримо выше своего покойного друга (Так же как и живого божка, что на Девичьем поле)» [37, с. 253].

Наконец, в декабрьском письме того же года Соловьев уверяет Страхова: «Само собой разумеется, что ничего оскорбительного для памяти Данилевского (вроде глупой брани Тимирязева)[12] в моем разборе не будет, а из дружбы к Вам постараюсь исключить или смягчить все резкое относительно самих идей и воззрений, изложенных в “России и Европе”» [37, с. 256]. Запомним эти слова — мы еще увидим, как их автор проявит себя в спорах, вспыхнувших вокруг книги Данилевского.

В этих условиях для Страхова было делом чести выступить в защиту идейного наследия своего друга и единомышленника. В данной связи он написал статьи «Наша культура и всемирное единство» (1888); «Последний ответ г. Соловьеву» (1889), «Новая выходка против книги Н. Я. Данилевского» (1890) и, наконец, «Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевского» (1894). Все эти статьи, за исключением «Новой выходки против книги Н. Я. Данилевского», увидевшей свет на страницах газеты «Новое время», были напечатаны в «Русском вестнике».

У Страхова, впрочем, были и личные основания вступить в спор с Соловьевым. В 1887 году вышла книга Страхова «О вечных истинах (мой спор о сппритизме)», в которой он подверг критике модные тогда в определенных кругах меднумические сеансы. С точки зрения

[12] Речь идет о полемической статье К. А. Тимирязева «Опровергнут ли дарвинизм?» К ней мы обратимся в соответствующей главе.

автора, механистические законы, управляющие прпродными процессами, не допускают вмешательство инородных сил в протекание этих процессов. Соловьев, который, наряду с некоторыми интеллектуалами (А. М. Бутлеров, Н. П. Вагнер и др.), увлекался сппритизмом остался недоволен книгой своего старшего коллеги. Данное обстоятельство нельзя не учитывать, оценивая последующий градус споров между двумя философами.

По поводу книги Данилевского началась весьма энергичная полемика, в которой принял участие целый ряд авторов. Нас, в первую очередь, будут интересовать споры Соловьева и Страхова, но мы коснемся идейных установок и других участников дискуссии вокруг «России и Европы». Сразу выявим те идейные основания, на которые оппрался в интересующей нас полемике Соловьев. Они носили религиозный характер. В статье «О народности и народных началах России» (1884), вошедшей позднее в первый выпуск сборника «Национальный вопрос в России», философ утверждал: «Мы верим, что Россия имеет в мире *религиозную* задачу. В этом ее настоящее дело, к которому она подготовлялась и развитием своей государственности, и развитием своего сознания, и если для этих подготовительных мирских дел нужен был нравственный подвиг национального самоотречения, тем более он нужен для нашего окончательного духовного дела» [39, с. 289]. Речь идет о деле объединения церквей, которое Соловьев обосновывал в многочисленных работах 1880-х годов.

Говоря о Соловьеве, отметим, что на рубеже 1880–1890-х годов он испытал сильное влияние поздней концепции Конта. Напомним читателям — свою творческую деятельность основоположник русской версии метафизики всеединства начинал с критики позитивизма («Кризис западной философии (Против позитивистов)», 1874). В интересующий нас период ситуация изменилась — Соловьев заинтересовался контовской «религией человечества». Как известно, отец позитивизма объявил человечество «Великим Существом» (le Grand Ktre) и превратил в главный объект нового культа. Показательно, что, будучи недоволен тотальным господством интеллектуализма в современном ему мпре, Конт делал опорой позитивистского культа чувства. Первоначальная формула «прогресс и порядок» трансформировалась на этом этапе в следующую: «любовь — как принцип, порядок — как основа, прогресс — как цель».

«Великое Существо» Конт объявил женственным по природе, Это связано, с одной стороны, с обстоятельствами его биогра-

фии — мыслитель женился на Каролин Массэн, их совместная жизнь сложилась крайне неудачно, в дальнейшем он познакомился и влюбился в Клотильду де Во, умершую от чахотки на его глазах. С другой стороны, сильное воздействие на Конта оказали опыты психолога Галля, считавшего преобладание чувств над разумом свойством женской натуры. Кроме того, далеко не случайным представляется то обстоятельство, что в 1854 году папа Пий IX вынес догматическое определение о Непорочном Зачатии Девы Марии.

В составе «Великого Существа» главное значение принадлежит умершим — как явным образцам ныне живущих, так и их тайным покровителям и руководителям. Речь, разумеется, идет о тех предках, которые заслужили благодарную память потомков. Тем не менее В. С. Соловьев имел основания заметить, что «никто из знаменитых в мире философов не подходил так близко к задаче воскресения мертвых как именно Август Конт» [40, с. 579]. В этом аспекте родоначальник позитивизма предвосхитил «Философию общего дела» Н. Ф. Федорова.

Одним из важных пунктов сходства воззрений Соловьева и Конта было признание человечества единым существом. Если у отца позитивизма данное положение понятно, хотя его обоснование, быть может, устроит далеко не всех, то в случае отечественного философа все обстоит сложнее. Он считал, что единичный человек, подобно элементарным понятиям геометрии (точка, линии и т. д.), является абстракцией. Отдельный индивид конечен и изолирован, всеединство представлено в нем лишь на уровне сознания — утверждал Соловьев. Социальный организм, особенно если речь идет о человечестве, имеет несомненный примат над индивидуальным существом — подобная установка проходит практически через все работы русского философа. В духе платонического реализма Соловьев заявляет, что целое выше своих частей. Причем данная истина очевидна не только в геометрии, но и в социологии. Именно единое человечество, вслед за Контом утверждает русский мыслитель, есть существование по преимуществу — в отличие от бытия отдельных индивидов.

Отсюда вытекает еще одно важное положение, весьма странное для философа, претендовавшего на выражение христианской установки. В работах Соловьева мы сталкиваемся с последовательным отрицанием субстанциальности человеческого «я». Субстанцией в подлинном смысле слова является Бог, а человек, по замечанию

Е. Н. Трубецкого, оказывается в соловьевской концепции Его «ипостасью» или «подставкой». Личное сознание растворяется в Боге, трактуемом в духе философии Спинозы. Развивая данную установку, Соловьев отвергает персонализм, характеризующий концепции Декарта и Лейбница. Переводя разговор на язык христианской теологии — под сомнение ставится учение об индивидуальном бессмертии. В письме к Страхову, которого следует признать главным из его оппонентов, расхождения с которым касались самых разных проблем, Соловьев позволяет себе следующие слова: «Вы верите даже (или притворяетесь, что верите) жалким глупостям Декарта и Лейбница» [37, с. 262].

Вернемся, однако, к интересующей нас полемике. Среди обвинений в адрес Данилевского, с которыми мы сталкиваемся в статье «Россия и Европа» (1888) — игнорпрование мировых религий, как духовных скреп человечества. «Для разбираемой теории непоиятен буддизм, непоиятен ислам и — что для нее печальнее — совершенно непонятно само христианство в его всемирно-историческом значении» [39, с. 374]. На самом деле упреки Соловьева бьют мимо цели. Отвечая ему, Страхов писал: «Разве Данилевский когда-нибудь учил, что каждый тип должен иметь *свою* религию?». И продолжал: «Притом истинное отношение вещей как нельзя яснее выступает в том очерке судеб буддизма, который сделан г. Соловьевым. Несмотря на "великую культурно-историческую важность" этой религии, она распространилась на народы, которые "в других отношениях не имеют ничего общего" между собою, т. е. культурные типы продолжают существовать, несмотря на общую религию. Вот "колоссальное фактическое" доказательство правды Данилевского» [41, с. 425][13].

Соловьев обвинял Данилевского в нехристианском характере его концепции. Выше мы уже отмечали, что существенные аспекты антропологии самого Соловьева плохо стыкуются с христианским пониманием человека. Собственную социальную философию, он, однако, считал христианской, а потому настойчиво искал союзников в полемике с представителями позднего славянофильства. Такого

[13] М. А. Арефьев замечает, что «буддизм как религиозно-философское мировоззрение и духовная культура охватил огромную территорию Азии, в том числе Центральную Азию и Сибирь, что способствовало формированию Северной ветви (Махаяны), а это, в свою очередь послужило основанием для появления региональных форм буддизма, в том числе в Бурятии, Калмыкии, Туве и др.» [66, с. 136].

союзника он увидел в авторе брошюры «Место христианства в истории» (1890). Это был молодой Розанов, который, однако, в полемике вокруг книг Данилевского уже успел заиять сторону соловьевских оппонентов.

Обосновывая свою социально-религиозную утопию, Соловьев ни в коем случае не хотел признавать права славянского культурно-исторического типа, а точнее — России, на самостоятельное существование. Под свое отрицание философ постарался подвести основательную фактическую базу. Например, он утверждал, что сельская община — архаический и экономически не эффективный институт. При этом Соловьев фактически закрывал глаза на социальное значение общины, которая спасала русское крестьянство от полного разорения и голодной смерти. Все это напоминает «реформаторов» 1990-х годов, которые организовывали уничтожение колхозов и совхозов, обрекая миллионы людей на смерть и нищенское существование.

Весьма пренебрежительно критик Данилевского отзывался о современном ему состоянии отечественной науки. Он утверждал, что «наука в России уже достигла наивысшей ступени своего развития и вступила в эпоху упадка» [39, с. 344]. Эти слова были написаны в «золотой век» русской науки, в те самые годы, когда творили Д. И. Меиделеев, А. Г. Столетов, И. М. Сеченов, И. П. Павлов и многие другие выдающиеся ученые. Подобными же словами Соловьев характеризовал и состояние русского искусства: «И в этой области у нас также мало положнтельных надежд на будущее, как и в области научного творчества» [39, с. 351]. Философ практически пропускает целые направления в русской музыке («Могучая кучка», П. И. Чайковский) и живописи («передвижники»), чтобы подкрепить свои заявления. Более того, Соловьев открестился от нарождавшегося символизма (вспомним его язвительные рецензии на сборники «Русских символистов», 1894–1895), который во многом оказался продолжателем его линии в русской поэзии. Можно сказать, что под свою схему упадка, он подводил практически все сферы жнзни России.

Еще один упрек — обвинение автора «России и Европы» в идейной подготовке «великой войны» против Запада. Это, пожалуй, самое чудовищное обвинение. Если внимательно прочитать первоисточник, то Данилевский больше говорит об идейной борьбе, хотя и признает, что последияя может перерасти в открытое вооруженное столкновение. Нельзя забывать, что западные страны привыкли

к угнетению славянских народов, а потому этим народам постоянно приходится бороться за свое существование. Нечто подобное еще в XVIII веке утверждал Гердер, которого никак нельзя причислить к славянофилам. Речь, таким образом, идет о национально-освободительной борьбе. Для Соловьева, который рассматривал австрийских жандармов в славянских землях как носителей высшей цивилизации, данное обстоятельство, впрочем, звучало не очень убедительно.

Сама концепция Данилевского базировалась на том, что один культурно-исторический тип не должен навязывать свои принципы другим культурно-историческим типам. В этом он отличался от популярных в XIX столетии установок, приписывавшим привилегированным культурам мессианские задачи. Конечно, подобный мессианизм, как правило, прикрывал весьма меркантильные интересы западных стран, но в красивой идеологической упаковке он был способен подкупить многих. Одним из них и стал Соловьев. Показательно, что критик Данилевского на исходе жизни дописался до «Трех разговоров» (1900), в которых проповедовал войну белой и желтой расы. Разумеется, до подобного помрачения нравственного сознания Данилевский никогда не доходил, да и в принципе не мог дойти[14].

В статье «Наша культура и всемирное единство», ставшей ответом на статью Соловьева «Россия и Европа», Страхов ответил на пять основных пунктов обвинения своего оппонента. Первый из них касался несоответствия теории Данилевского христианским началам. Точка зрения Н. Н. Страхова по существу совпадает с характеристикой Л. А. Тихомирова, которую мы приводили в первой части данной работы. Теория культурно-исторических типов, фиксирующая реальное положение дел в мировой истории, вполне сочетается с христианской религией.

Второй пункт обвинений Соловьева относился к учению о человечестве как едином организме, которому противоречила концепция Данилевского. По мнению Соловьева, данное учение — магистральная линия развития мировой мысли. Свой вклад в его обоснование

[14] Надобно заметить, что у Соловьева речь шла не только о публицистическом произведении. Как известно, он приветствовал подавление Боксерского восстания войсками европейских государств, а германского императора Вильгельма II в стихотворении «Дракон» (1900) даже сравнил с Зигфридом. Соловьев, обращаясь к новоявленному Зигфриду, утверждал: «Полно любовью Божье лоно, // Оно зовет нас всех равно… // Но перед пастию дракона // Ты понял: крест и меч — одно» [37, с. 129].

внесли язычники (Сенека), христиане (апостол Павел) и даже атеисты (Конт). Отвергать подобное учение — значит опуститься, сравнительно с вышеназванными авторами, на низший в моральном и религиозном смысле уровень. По сути дела, как мы уже заметили выше, Соловьев воспроизводил в учении о человечестве как едином организме точку зрения Конта.

Страхов резонно опровергает подобную точку зрения, считая ее натуралистической. Оно не совместимо ни с какой религией и более понятно в устах язычника Сенеки и атеиста Конта, но никак не у автора, претендующего на христианский характер своей концепции. Страхов справедливо указывает, что по схеме Соловьева, когда «человечество явится перед нами в виде бесформенной однородной массы, в виде простого скопления человеческих неделимых, тогда-то оно будет больше всего походить на "живое целое"» [41, с. 405].

Еще один пункт разногласий между Страховым и Соловьевым — понимание естественной системы, которую Данилевский положил в основание своей философско-исторической концепции. Для характеристики естественной системы, в ее отличие от системы искусственной, уместно привести цитату из позднейшей статьи Страхова «Исторические взгляды Г. Рюккерта и Н. Я. Данилевского». «Искусственность Рюккерта заключается в том, что он заранее предполагает *органическое единство* в истории, заранее определяет и ее *цель*, то понятие "высшего человеческого существования", которое он себе составил, и ее средство — культуру, и то направление, по которому должно идти движение этой культуры. Поэтому он, несмотря на свои старания держаться фактов, несмотря на рассуждения о различных типах культуры, пришел-таки к тому, что признал некоторую *главную нить* в истории и расположил по этой нити все свое изложение фактов» [41, с. 497].

В этой связи необходимо вспомнить фрагмент из «России и Европы», в котором Данилевский констатировал тот факт, что немцы ни одной науки не ввели в период ее естественной системы. Вполне уместно применить данное наблюдение к «Учебнику мировой истории в органическом изложении» (Т. 1–2, 1857) Рюккерта — резонно заключал Страхов. Напротив, великая книга Данилевского представляет успешную попытку разработать естественную систему. «Естественная система тем и хороша, что никогда не насилует фактов, что может приинять в правильную и свободную сеть своих понятий всякий факт, как скоро он для нас ясно обнаружился» [41, с. 498].

Четвертый пункт споров касался истолкования хода мировой истории. Идея объединения человечества, так захватившая Соловьева, имела оборотную сторону, которую тонко подметил Страхов. Автор статьи «Наша культура и всемирное единство» писал, что его оппонент по сути дела оправдывает все завоевания в истории человечества, если они, по мнению Соловьева, способствовали единению человечества. Чуть внимательнее приглядевшись к соловьевской концепции, мы без труда увидим в ней воспроизведение средневековой схемы «четырех империй» (ассирийской, персидской, македонской, римской), которые предшествовали образованию «Священной Римской империи германской нации». Схемы имевшей, несомненно, католическое происхождение и обосновывавшей властные притязания папства.

Обвиняя Данилевского в имморализме, Соловьев занимался обелением самых агрессивных в истории образований, если они, по его мнению, вели к объединению большего количества людей. Особенно симпатична Соловьеву Римская империя — замечает Страхов. Отмечая двойные стандарты, которые использует критик Данилевского, Страхов указывал: «Г. Соловьев называет начало народности началом племенного *раздора*; если следовать его манере, то несравненно основательнее можно бы назвать начало единства человечества началом насилия; насилие же всегда ведет к ненависти, к возмущению и к неугасимой вражде расторгающихся частей» [41, с. 419].

Ну и, наконец, последний пункт расхождений между концепциями Данилевского и Соловьева, который стал предметом размышлений Страхова. Речь идет о несоответствии концепции автора «России и Европы» реальному развитию религии и науки, на что указывал Соловьев. О возражениях, которые касались истории религии, мы уже писали выше. Если говорить об истории науки, то Соловьев находил противоречащим самой концепции Данилевского признание им принципа разделения труда в этой сфере человеческой деятельности. Страхов, напротив, был убежден, что данное положение полностью вписывается в философско-историческую схему русского мыслителя.

Речь, в частности, шла о развитии астрономии[15]. Подытоживая выводы автора «России и Европы», Страхов писал: «Именно из того, что успехи астрономии потребовали участия различных народов

[15] Подробнее мы коснемся этой проблемы в главе, где будем рассматривать место концепции Данилевского в формировании русской философии науки.

и даже различных культурно-исторических типов, именно из того и выходит подтверждение мысли Данилевского, что для прогресса человечества необходимо это разнообразие и особое развитие больших человеческих групп. С необыкновенным остроумием Данилевский старался даже показать, какой народ представляет особенную способность к известным научным задачам, и какой другой к другим» [41, с. 427].

Следует отметить, что Соловьев стремился к победе любой ценой. Не будучи в силах противопоставить своему оппоненту логическую аргументацию, он не брезговал голословными обвинениями и даже заведомой фальсификацией. Речь, в первую очередь, идет об обвинениях Данилевского в плагиате у немецкого историка Генриха Рюккерта (1823–1875). Данные обвинения звучат в статьях «Счастливые мысли Н. Н. Страхова» и «Немецкий подлинник и русский список» (обе — 1890). Время все расставило по своим местам. Исследователи, даже неблагожелательно настроенные к автору «России и Европы», давно уже опровергли подобные обвинения [41, с. 480–512; 137].

Страхов писал, что Соловьев самовольно внес вставки в текст Рюккерта, чтобы у читателя создалась иллюзия заимствования у немецкого историка основного понятия концепции Данилевского — культурно-исторического типа. Соловьев подсчитал, что Рюккерт только в одной небольшой главе использует данное понятие двадцать три раза [39, с. 563]. На самом деле в «Учебнике мпровой истории в органическом изложении» подобного поиятия нет — констатировал Страхов. Перед нами неправильный перевод, когда происходит подстановка отсутствующего в первоисточнике понятия.

Уже в середине XX века американский исследователь Мак-Мастер прямо указывал на то, что при переводе Соловьев серьезно отредактировал текст немецкого историка. Проще говоря, пошел на прямой подлог, чтобы любой ценой очернить своих оппонентов. Это вполне в духе наших «общечеловеков». Косвенным подтверждением соловьевской лжи служит то, что имя Г. Рюккерта никогда не всплывало в ходе выяснения генезиса концепции О. Шпенглера, хотя здесь подобные сюжеты были бы вполне уместны. Западные исследователи в реальных «генеалогиях» философских концепций все-таки разбирались. На самом деле мысли Рюккерта, как явствует из приведенной выше характеристики Страхова, ни в коем случае не были родственны великим представителям культурно-цивилизационного подхода.

Впрочем, во время спора Соловьева и Страхова было не до текстологического анализа. Правда, наиболее проницательные современники понимали суть дела. Спустя два десятилетия после полемики Розанов указывал, что «*самый ум Данилевского* был не компилятивный, — и если он не пошел за Дарвином, странно было вообразить, что он начнет "компилировать с (безвестного) Рюккерта". Данилевский вообще *этого не мог, не умел*. — Дар компиляции и плагиата, — им же переполнены все русские профессора, — есть именно *дар*, и очень тонкий, ажурный; к которому несколько "медвежья" натура русского антидарвиниста, виноградаря и рыбовода (охранение рыбных промыслов в России) была совершенно не приспособлена» [31, с. 127].

В отличие от своего оппонента, Страхов не мог руководствоваться иезуитским принципом — «цель оправдывает средства». В. А. Фатеев пишет: «Как настоящий *мыслитель*, он, с присущей ему добросовестной основательностью ученого, подбирал факты, выстраивал логические доказательства, рассчитывая не на сиюминутный успех, а на доводы разума и торжество истины» [130, с. 157]. Сегодня, когда со времени полемики прошло 130 лет, позиция Страхова выглядит, несомненно, убедительнее. Но тогда читателям, особенно либеральным, казалось, что победу в споре одержал Соловьев[16].

Среди критиков философско-исторической концепции Н. Я. Данилевского мы видим Николая Ивановича Кареева (1850–1931) — видного историка и социолога, придерживавшегося позитивистских установок. Н. И. Кареев был членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, а с 1929 года — почетным членом Академии наук СССР. Его перу принадлежал ряд работ по философии истории («Основные вопросы философии истории», Т. 1–3, 1883–1890; «Старые и новые этюды об экономическом материализме», 1896), истории западноевропейских стран («Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века», 1879; «История Западной Европы в Новое время», Т. 1–7, 1892–1917; «Историки Французской революции», Т. 1–3, 1924–1925) и социологии («Введение

[16] В этой связи можно привести замечание современного автора, отметившего особенности полемических приемов Соловьева: «Дело в том, что все споры с настоящими русскими мыслителями из числа своих современников Соловьев очевидным образом проиграл как философ, несмотря на несомненные успехи в изобретении ядовитых политических стрел в адрес оппонентов» [90, с. 42].

в изучение социологии», 1897; «Общие основы социологии», 1919; «Основы русской социологии»). Ученый придерживался либеральных воззрений, а в начале XX века примкпул к партии кадетов, от которой даже был избран членом Государственной думы первого созыва.

По интересующей нас теме Кареев опубликовал статью «Теория культурно-исторических типов», опубликованную в журнале «Русская мысль» осенью 1889 года[17]. Кареев указывает, что критика Данилевским европоцентризма находит параллели в русской литературе того времени. В этой связи он называет «Войпу и мир» Л. Н. Толстого и книгу А. И. Стронина «История общественности» (1885). Основной упрек, который Кареев бросает Данилевскому — отрицание единства развития человечества. Совершенно очевидно, что данный упрек носит мировоззреический характер. В этой связи критик припоминает заявление автора «России и Европы» о невозможности общей социальной теории. Тем не менее констатирует Кареев, в своем главном труде Данилевский формулирует не что иное, как общие законы развития человеческих обществ. Данилевский, таким образом, впадает в противоречие с собственными идейными установками — констатировал критик [17, с. 19].

Следующие пункты критики связаны с формулпровкой и содержанием самих этих законов. Кареева, например, не устраивал первый из сформулированных в «России и Европе» законов — о языковой близости народов, составляющих культурно-исторический тип. По его мнению, данный закон не работает применительно к древневосточным цивилизациям, которые представляли собой смешение различных языков и народов (ситуация «Вавилонской башни»). Впрочем, цивилизации Древнего Востока, особенно в рамках науки XIX столетия, — достаточно скользкая тема, которая не может служить убедительным аргументом. Карееву, между прочим, можно возразить, что доминпрующее положение здесь занимали предста-

[17] Между прочим, П. И. Кареев еще с гимназической скамьи был приятелем В. С. Соловьева. Данное обстоятельство, как нам нредставляется, необходимо иметь в виду, поскольку речь идет о спорах вокруг «России и Европы». Папример, в статье «Пемецкий подлинник и русскнй снисок», Соловьев с виднмым удовольствием ссылается па статью своего друга, посвященную критике концепции Данилевского [39, с. 565]. Это заставляет задаться вопросом — пе были ли их пападки па «Россию и Европу» согласованы? Любопытпо также, что Кареев петочио воспроизводит подзаголовок труда Дапилевского: «ромапо-германского» вместо «германо-ромапского». Пусть и пустяк, по показательный.

вители одной лингвистической группы, а подчиненные, принадлежавшие к другой группе, должны были знать язык господ.

Еще один пункт расхождений — третий закон, сформулированный Данилевским. Напомним, что в нем речь идет о своеобразной непроницаемости культур. Кареев считал, что в этом законе автор «России и Европы» зафиксировал не реальное, а желаемое положение вещей. «Элементы культуры не должны заимствоваться» — вот как, по мнению Кареева, следует формулировать данный закон [17, с. 25]. Отмечая, что Данилевский критиковал европеизацию России, начатую Петром I (как мы помним, одна из глав «России и Европы» называлась «Европейничанье — болезнь русской жизни»), Кареев утверждал, что, руководствуясь данным законом, необходимо негативно оценивать религиозное и культурное влияние Византии на Русь. Данилевский, однако, такого вывода не делает, что непоследовательно. В принципе отвергая позитивное влияние одной культуры на другую, мы не должны делать исключений из правила.

Не обошел критик своим вниманием и стремление автора «России и Европы» обосновать «существенно-национальный характер общественных наук» [17, с. 6]. Кстати, данной теме сам Кареев посвятил работы «Мечты о русской науке» (1884) и «О духе русской науки» (1885), увидевшие свет незадолго до полемической статьи. Не отрицая существенного значения национального фактора в деле развития научного знания, особенно в социогуманитарной сфере, он требовал все же преобладания в исследовании научного духа. Соответственно, Данилевский обвинялся известным социологом в игнорировании данного принципа.

Среди критиков «России и Европы» мы вндим еще двух видных деятелей той эпохи. Первым из них был Н. К. Михайловский — знаменитый критик и публицист, признанный вождь либерального народничества. Вторым — историк П. Н. Милюков, будущий предводитель кадетской партии. В 1893 году он прочитал публичпую лекцию «Разложение славянофильства: Н. Данилевский, К. Леонтьев, Вл. Соловьев», которая затем была издана в внде брошюры[18]. Их выступления интересны не в содержательном плане, по сути дела, они не прибавили ничего существенного к критическим доводам Со-

[18] Данное выстунление вызвало ответ Соловьева («Замечания на лекцию П. П. Милюкова»), который остался недоволен номещением его в одном ряду с Данилевским и Леоптъевым.

ловьева и Кареева. Для нас они любопытны в качестве выражения определенной тенденции: либерализм в любом обличии демонстрирует враждебность самим основам русской жизни. Вместо того, чтобы анализировать содержание труда Данилевского, подобные авторы все сводили к банальным обвинениям — в политическом консерватизме, враждебности прогрессистским идеалам и т. д. В случае Михайловского эти обвинения сочетались со своеобразным классовым подходом [25].

Слова Страхова, взятые нами в качестве эпиграфа к данной главе, вполне годятся для характеристики идейных установок этой публики. Но мы приведем также и строки из стихотворения А. С. Хомякова, которые использовал автор «России и Европы»:

И, обуяв в чаду гордыни,
Хмельные мудростью земной,
Вы отреклись от всей святыни,
От сердца стороны родной… [57, с. 124].

Если среди критиков концепции Данилевского мы видим известных историков (Н. И. Кареев, П. Н. Милюков), то и среди его единомышленников можно назвать видного представителя этой области знания. Речь идет о Константине Николаевиче Бестужеве (1829–1897) — профессоре истории Санкт-Петербургского университета, действительном члене Петербургской Академии наук. По своим воззрениям К. Н. Бестужев-Рюмин, подобно герою нашей книги, примыкал к позднему славянофильству. Его самыми известными книгами считаются «О составе русских летописей до конца XIV века» (1868) и «Русская история» (Т. 1–2, 1872–1885), а всего из-под его пера вышло более 300 работ. Кроме того, К. Н. Бестужев-Рюмин был официальным учредителем женских курсов в Санкт-Петербурге, открытых в 1878 году (знаменитые Бестужевские курсы).

Концепции Данилевского видный историк посвятил статью «Теория культурно-исторических типов». Она увидела свет в 1888 году на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» и «Русского вестника», а в следующем году была помещена в качестве приложения к четвертому изданию «России и Европы». Для Бестужева-Рюмина ценность концепции Данилевского была очевидна. Вот как он характеризовал ее: «Книга Данилевского, представляющая собою систематизацию славянофильского воззрения,

основанную на широком образовании и проведенную глубоким умом, — должна служить поворотным пунктом в движении русского самосознания, когда, наконец, с нею ближе ознакомятся мыслящие русские люди и решатся изучать ее без всяких предубеждений» [2, с. 434].

Не мог Бестужев-Рюмин не коснуться и политических аспектов теории культурно-исторических типов. Говоря о славянском вопросе, он приводит строки из стихотворения «Славянам» (1867) Ф. И. Тютчева:

Давно на почве европейской,
Где ложь так пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась:
Для них — закон и равноправность,
Для нас — насилье и обман…
И закрепила стародавность
Их, как наследие славян [51, с. 234][19].

Соответственно, лишь союз с Россией позволит славянским народам отстоять свою самобытность и обрести свободу. С опорой на концепцию Данилевского (вспомним четвертый закон, сформулированный в «России и Европе»), историк развеивает опасения зарубежных славян, что в будущей федерации они будут подвергнуты угнетению и русификации. Со ссылкой на исторический опыт нахождения в России Прибалтийских губерний и Финляндии (а также Польши до 1830 года) Данилевский и Бестужев-Рюмин показывают на безосновательность подобных опасений. Стремление к обрусению будет невыгодно самой России, которая вместо 40 миллионов союзников получит такое же количество недовольных.

[19] Сегодня строки Ф. И. Тютчева звучат не менее актуально, чем полтора века назад. Вспомним сравнительно недавнюю кампанию по демонизации сербов. Подобные же методы сейчас используются в отношении России и русских. Но даже те славянские страны, которые мнят себя частью Западного мира, не должны обольщаться. Там им уготована роль людей второго сорта. Неслучайно, что в Евросоюзе идет речь о «Европе двух скоростей». Новые члены Евросоюза, в основном славянские страны, естественно, рассматриваются как отстающие. Опять-таки вполне закономерно, что в Шенгенскую зону до сих пор не попали Болгария и Хорватия. Украине же выпала «честь» поставлять «пушечное мясо» в начавшемся противостоянии Запада и России, чему многие там довольны.

Естественно, что некоторым народам придется в новой ситуации непросто. Речь, в первую очередь, ндет о неславянских народах — венграх, греках и румынах, а также поляках, которые всегда претендовали на особое место в истории. Но, отмечали Данилевский и солндарный с ним Бестужев-Рюмин, каждый из этих народов, если правильно поймет преимущество нового положения, сможет получить необходимое для него: греки — защиту своей торговли, румыны — обретение национальной территории и защиту от покушений венгров, поляки — защиту от онемечивания.

«Самое существенное достоинство книги — установление теории культурно-исторических типов» [2, с. 461]. Бестужев-Рюмин называет имена предшественников и единомышленников Данилевского — великого итальянского историка и мыслителя Д. Вико, Г. Рюккерта (впрочем, со слов Страхова) и английского историка Э. Фримана. Конечно, указывал историк, можно прибавить или убавить число культурно-исторических типов. Например, припоминая замечания Соловьева, выделить финикийскую цивилизацию в качестве особого типа. Но, с точки зрения Бестужева-Рюмина, трудно опровергпуть главную мысль Данилевского — каждая культура развивает свою сторону человеческого духа. Кроме того, весьма своевременным и плодотворным ему представлялось внесение в историю естественной системы. И, наконец, критика теории прогресса, характерная для творчества Данилевского — как в «России и Европе», так и в «Дарвинизме», также позитивно оценивалась Бестужевым-Рюминым.

Заканчивая разговор об интересующих нас спорах, отметим еще один аспект. Значительное место в творческом наследии Данилевского занимала проблема национальности. Как указывает С. В. Полатайко, «национальный принцип Данилевского представляет собой *органическое* единство биологического и географического детерминизмов» [113, с. 75]. Третья составляющая данного принципа — социальная. Одним из участников, выступивших на тему национального принципа, был Константин Николаевич Леонтьев — блестящий мыслитель и писатель. К. Н. Леонтьеву была близка концепция автора «России и Европы», хотя лично знакомы они не были. Его перу принадлежала работа «Владимир Соловьев против Данилевского», опубликованная в 1888 году в газете «Гражданин». Позднее она войдет в цикл «Записки отшельника». Целиком интересующая нас работа будет опубликована лишь в 1996 году [22, с. 466–511].

Леонтьев указывал, что «человечество стало теперь несравненно самосознательнее против прошлого, и *теории* ему в наше время пужнее, чем когда-либо». В этом отношении заслуги автора «России и Европы» несомненны. Отмечая их, Леонтьев писал: «Данилевский дает нам твердый фундамент в Православии, в Царстве, в общине поземельной. Он не запрещает нам строиться выше, *по-нашему*, на этом основании. Он окрыляет нас надеждами на твердом народном якоре. Держась за некоторые общие, *готовые данные* "почвы", он не стесняет ничем дальнейшего полета русской мысли. Напротив того, он рассчитывает на этот полет; он его подразумевает, и нигде не видно, чтобы он считал *формы* русской жизни *60-х и 70-х годов окончательными*. Хорош был бы такой *культурный тип*» [22, с. 484].

С. И. Бажов совершенно справедливо отмечает, что Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев ставят славян перед историческим выбором — или они оказываются втяпутыми в сферу влияния романо-германской цивилизации, потеряв свою индивндуальность, или они возьмутся за создание самобытной цивилизации. Таким образом, в концепциях обоих мыслителей, которых безосновательно упрекали в фатализме, мы сталкиваемся с диалектическим сочетанием свободы и необходимости [70]. Действительно, возможны два пути. Путь, предложенный Данилевским, требует серьезных интеллектуальных усилий и жертв. Путь, предложенный Соловьевым и его единомышленниками, особых творческих усилий не требовал, но жертв, пожалуй, потребовал еще большее количество. Практически весь XX век Россия расплачивалась за то идейно-политическое легкомыслие, с которым ее элита в этот век вошла.

Предчувствуя катастрофы ближайшего будущего, автор статьи «Владимир Соловьев против Данилевского» предостерегал читателей: «Прошедшее Церкви, государства, культурного типа, сословия, нации — решительно не в наших руках; но на будущее этих общественных групп мы (дети прошедшего, жнвущие в настоящем) можем все-таки влиять значительно в пределах данного прошедшего типа, мы можем способствовать *повышению и понижению* их дальнейшего развития или разложения. И конечно, понижению типа, расстройству организма и даже его окоичательной гибели служить гораздо легче, чем служнть повышению этого типа, чем укреплению этого организма» [22, с. 508].

В качестве примера Леонтьев приводит Францию, которую ее короли «собпрали» 500 лет, а либералам понадобилось лишь пол-

века (1815–1871), чтобы низвести ее государственный культурный тип. В современной ему России мыслитель был враждебно настроен по отношению к либеральным реформам Александра II. Тем более ему были чужды устремления конституционалистов и нигилистов. По Леонтьеву, только два начала имеют глубокие корни в русской почве — самодержавие и православие. Именно эти начала необходимо укреплять, чтобы эгалитарные процессы не подточили конструкцию русской цивилизации.

Леонтьева беспокоило то, что в современной ему России Патроклы реакции умирают, а Терситы демократического прогресса живы и здоровы, ждут своего часа. Особенно сильным ударом для него стал открытый переход Соловьева, чье творчество он высоко ценил, на позиции либерализма. Речь ндет о знаменнтом реферате «Об упадке средневекового мпросозерцания», читанном в октябре 1891 года на заседании Московского психологического общества». В нем Соловьев объявил деятелей либерального прогресса людьми, которые на практике реализуют христианские установки. После этого демарша, Леонтьев разорвал с ним всякие отношения, а вскоре умер.

Глава 4

ПУБЛИЦИСТИКА Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО

> Ум его соединял чрезвычайную теоретическую силу с легкостью и точностью практических планов.
>
> *Н. Н. Страхов*

Слова Н. Н. Страхова из некролога безвременно ушедшему другу великолепно характеризуют публицистику героя нашей книги. Действительно, идейное наследие Н. Я. Данилевского не ограничивается «Россией и Европой» и «Дарвинизмом». Он написал несколько десятков работ, посвященных различным темам, включая проблемы рыболовства и виноградарства, исследования по этнографии и демографии, политике и финансам. Есть в его наследии даже статья богословского содержания. К этим работам исследователи обращаются крайне редко, хотя они содержат бездну интересного, важного и даже злободневного материала. Между тем еще в 1890 году Н. Н. Страхов издал «Сборник политических и экономических статей» своего друга и единомышленника [10], а в постсоветский период статьи великого мыслителя издавались, как минимум, трижды [6; 8; 12]. К некоторым темам, которые стали предметом анализа Данилевского, мы и обратимся в этой главе. Но обо всем по порядку.

а) труды по геополитике

Начнем с проблем геополитического характера. Как известно, Данилевский был приверженцем панславизма. Его предшественниками по панславистским установкам можно признать двух русских мыслителей — М. П. Погодина и Ф. И. Тютчева. С выяснением степени их влияния, правда, возникают определенные затруднения.

Если воззрения первого из этих авторов были более или менее известны русскому обществу, он их неоднократно высказывал в открытой печати, то взгляды гениального поэта публике были известны мало. Работы Ф. И. Тютчева по данной проблематике не были опубликованы отдельным изданием, они были доступны лишь избранным.

Необходимо, впрочем, заметить, что высшая власть России относилась к панславизму, мягко говоря, настороженно. Николай I, да и его преемники, понимали те опасности, которые таились в реализации соответствующих проектов. Тем более, что панславизм мог принимать и леворадикальные формы. Вспомним пресловутое Кирилло-Мефодиевское братство, которое, провозглашая христианские и панславистские ндеи, по сути дела было прикрытием украинского сепаратизма. Участниками этого братства были Т. Г. Шевченко, Н. И. Костомаров, П. А. Кулиш и другие адепты «украинства»[20].

Это, разумеется, крайность. В большинстве своем русские панслависты прндержнвались консервативных установок. Данилевский выступал в качестве главного ндеолога панславизма, имевшего серьезное воздействие на многих деятелей данного течения в России. Что там говорить, если сам И. С. Аксаков указывал на то влияние, которое на него оказали ндеи автора «России и Европы». Речь в данном случае идет не только о крупнейшем деятеле панславистского движения, но и о зяте Ф. И. Тютчева, чьи историософские и социально-политические воззрения были ему хорошо известны. Тем не менее пройти мимо установок, развиваемых Данилевским, последний представитель классического славянофильства не мог. Неслучайно И. С. Аксаков назвал «Россию и Европу» явлением славянофильской мысли. В этом с ним был полностью согласен Н. Н. Страхов, который характеризовал книгу своего друга и единомышленника, как «целый катехизис или кодекс славянофильства» [41, с. 376].

На протяжении последних столетий западные страны стремились противостоять усилению России. Для решения этой задачи им даже удавалось создавать мощнейшие коалиции. Самые известные из антпрусских коалиций XIX столетия — «Великая армия» (Grande

[20] Любопытный энизод: во время экспедиций 1850-х годов П. Я. Данилевский позпакомился с Т. Г. Шевчеико, отбывавшим паказание за свою деятельпость, и пемало способствовал улучшению его участи. С помощью К. фоп Бэра ему удалось избавить опальпого поэта от солдатской службы [81, с. 721].

Armée) Наполеона и англо-франко-сардинский союз времен Крымской войны. Для создания подобных коалиций, помимо материальных и организационных составляющих, требовалась и мощнейшая информационная кампания, изощренная обработка мозгов. Например, после разгрома Наполеона I французскому общественному мнению были предложены «приемлемые» версии этого события — решающая роль Великобритании (отсюда — «раскручивание» значения битвы при Ватерлоо, которая по сути дела ничего не решала) и «русские морозы», которые будто бы погубили «Великую армию». После нескольких десятилетий промывания мозгов, война с Россией во французском обществе была весьма популярна. При этом в качестве союзника выступила Великобритания — страна, которая на протяжении двух столетий являлась главным конкурентом Франции, как на континенте, так и в борьбе за колонии. Но противостояние с «русскими варварами» заставило французов забыть вековые разногласия — пропагандистская машина сделала свое дело.

Уже на ранней стадии создания мифов о поражении Наполеона Д. В. Давыдов, один из героев Отечественной войны и блестящий специалист по тактике партизанской войны, написал статью «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?», которая была опубликована в «Библиотеке для чтения» (1835). С фактами на руках он показал абсурдность утверждений подобного рода. Увы, русской публике данные обстоятельства были и так хорошо известны, а до публики французской убедительные доводы знаменитого партизана не дошли. Поколение французов, воспитанных на подобных мифах, стало нушечным мясом в многочисленных авантюрах Наполеона III, в том числе и в Крымской войне.

В XX веке история повторилась, как под копирку. После окончания Второй мпровой войны, немецкие генералы, не без содействия американских кураторов, бросились строчить мемуары. Главными противниками на пути победы над русскими оиять выступали природные факторы (все те же морозы, бескрайние восточноевропейские просторы), а также Гитлер, который не прислушивался к их предложениям и делал все на свой лад. Сегодня в западных массмедиа мы вндим нечто подобное. Например, по мнению немецких СМИ не было никакого разгрома вермахта на Курской дуге и других побед Советского Союза, а лишь планомерное отступление их прославленной армии. Геббельсовская пропаганда называла подобные действия «выравниванием фронта». Идеология меркелевской эпохи, по сути дела, продолжает линию гитлеровского министра пропа-

ганды. Кстати, сама госпожа канцлерин, рассматривающая из бинокля позиции российской армии в Южной Осетии, очень уж напоминает своего знаменитого предшественника, любившего делать нечто подобное в годы Второй мпровой войны. Неужели Меркель репетирует следующую войну?

Теперь самое время обратиться к работам Данилевского. В своих статьях по геополитике он приводит три основных причины вражды коллективного Запада к России. Во-первых, наша страна — крупнейшая славянская держава, к которой в той или иной степени тяготели другие славянские народы. Это, например, сильно пугало Германию и Австро-Венгрию, чье могущество во многом базировалось на подчинении и эксплуатации славянских народов. Во-вторых, гигантские просторы России, как в Европе, так и в Азии, впушали ужас Англии, которая опасались за свои азиатские колонии (Индию, в первую очередь). Наконец, противостояние России и Европы имело и религиозные основания, что приводило в лагерь наших недоброжелателей Францию, которая на протяжении большей части XIX столетия стремилась выступать в качестве покровителя католицизма. Вспомним, что именно споры о Святых местах стали одним из поводов для вступления Франции в Крымскую войну [128, с. 108–131]. Таким образом, практически все основные европейские государства враждебно относились к России.

Разберем работу Данилевского «Горе победителям!» (1879), которую Страхов в предисловии к сборнику 1890 года назвал лучшей политической статьей, написанной на русском языке [10, с. I]. Она посвящена бесславному для России завершению Берлинского конгресса 1878 года. На этом конгрессе, поддавшись шантажу западных государств (в первую очередь, Англии и Австро-Венгрии), российская делегация была выпуждена пойти на серьезные уступки и анпулировать те условия Сан-Стефанского мира, которые больше всего отвечали интересам России и славянских государств на Балканах. В русском обществе положения Берлинского трактата были встречены с негодованием. И. С. Аксаков произнес знаменитую речь, в которой подверг резкой критике действия отечественных дипломатов. За эту речь он был в административном порядке выслан из Москвы.

Естественно, что Данилевский не мог остаться в стороне от общего негодования. Его позиция четко обозначена в статье «Горе победителям!», в которой автор конкретизировал многие положения «России и Европы». Данилевский показывает те ошибки, которые

были допущены российскими дипломатами при подписании Сан-Стефанского мпрного договора. Он указывает, что лучшим решением было бы заключение перемирия с турками, что позволило диктовать свои требования в условиях, когда значительная часть европейской части Османской империи контролпровалась русскими войсками. Не остались без внимания автора статьи и козни представителей европейских стран. Но, разумеется, великий специалист по геополитике не ограничивается только конкретной историко-политической ситуацией, обращаясь к опыту недавнего прошлого.

Даиилевский анализпрует внешнюю политику России на протяжении XVIII-XIX столетий. Результаты этой политики на разных исторических этапах были диаметрально противоположными. XVIII век, особенно царствование Екатерины II, — эпоха сплошных побед России. За это время наша страна вела одиннадцать войн, причем практически все они закоичились успешно. В Европе было присоединено 17 губерний с населением 18 миллионов человек. Нашей стране было доставлено прибрежье трех морей, с ней воссоединились исконные территории. Результатом успешной политики стало то, что «Россия сделалась решительницею судеб Европы, и могла употребить приобретенную ею силу и счастливое политическое положение для вознесения себя на мпродержавную высоту…» [8, с. 182].

Но вместо этого, избрав неправильные ориентпры, правители России XIX столетия растратили силы государства в бесплодных войнах. Ничего близкого к достижениям времен Петра и Екатерины в них достигнуто не было. Большинство из этих войн (7 из 12) велись в интересах сил чуждых и даже враждебных России. Это было связано с тем, что руководители нашей страны вполне искренне причислили ее к европейской политической системе государств. Одним из постулатов этой системы было учение о европейском равновесии и европейской солидарности. Результатом участия в такой политике стало низвержение Наполеона I, которого Данилевский считал нашим единственным другом в Европе. Такая политика была выгодна государствам типа Австрии, именно ее проводили Меттерних и его школа. Следование в русле подобной политике, был уверен Данилевский, чревато серьезными проблемами для России.

Возвращаясь к основной мысли статьи, отметим, что косвенным доказательством не случайности враждебного отношения Европы к России было то, как европейские страны отреагировали на параллельно осуществившуюся аннексию Англией Кипра. Данилевский писал: «Это никому не может быть приятным, для некоторых до-

вольно безразлично, для других, как для Франции и Италии, крайне невыгодно, даже оскорбительно; но это не возбуждает противоречия и борьбы, потому что сообразно с интересами целого, т. е. Европы в виду ее антагонизма с Россией. Действие это, иллегальное по форме, дерзкое по выбранному для него времени, однако же допускается без протеста, потому что оно направлено против общего врага — России» [8, с. 173].

В этих строках Данилевский называет главного недоброжелателя и геополитического противника России — Англию. Именно последняя подстрекала Турцию на конфликт с Россией, а затем организовала коалицию, с целью не дать нашей стране воспользоваться результатами победы в войне 1877–1878 годов. Борьба между двумя странами сделалась неизбежной. «Англия дерзко вызывает нас на бой, прямо и открыто, без всякой маски, без чьего-либо посредства. Принятие этого вызова есть только вопрос времени, и таким образом, Восточный вопрос примет свой настоящий вид: борьбы России и Славянства сначала против их главного врага — Англии» [8, с. 206]. При этом, указывал мыслитель, наши государственные мужн склонны преувеличивать силы Англии, в то время как у нее нет настоящей сухопутной армии. Данное обстоятельство делает преобладание потенциального неприятеля на море не столь существенным, учитывая континентальный характер России.

Другой несомненный враг — Австро-Венгрия. Будучи главным союзником России в XVIII — первой половине XIX века, спасенная нами в 1849 году, Австрия во второй половине XIX столетия становится злейшим врагом нашей страны. Руководство «лоскутной империи», напуганное центробежными устремлениями славянских провинций, винило Россию в поощрении этих тенденций. Геополитическая подоплека здесь очевидна и Данилевский прекрасно понимал, что военный исход противостояния двух империй неизбежен. Важно было подойти к нему во всеоружии.

Делая выводы из сложившейся ситуации, Данилевский писал: «Итак, по всеобщему сознанию, открыто выраженному многими, подразумеваемому всеми, — интересы России и Европы, противоположны. Следовательно, для успешной русской политики в будущем ничего другого не остается, как смотреть на свое политическое и историческое положение открытыми глазами, то есть перестать считать Россию членом европейской политической системы, которая постоянно оказывается нам враждебною, лишь только обстоятельства выдвинуть на сцену вопросы, затрагивающие интересы или

сочувствия России, не взпрая на всю справедливость и все бескорыстие ее целей, — открыто и решительно выпутаться из нее, освободиться от добровольно наложенных на себя пут и цепей, стесяющих свободу наших действий» [8, с. 189].

В этой связи Данилевский указывал на пример США, которые в своей внешнеполитической деятельности руководствовались «доктриной Монро». Последняя налагала запрет на вмешательство европейских держав в дела Западного полушария. Чего-то подобного доктрине Монро великий геополитик призывал придержнваться во внешней политике и России. Увы, «нет пророка в своем отечестве». Власть имущие не вияли словам Данилевского, продолжая внешнеполитический курс XIX столетия. Злейший враг России, Англия, оказался в числе ее «союзников». Как гласит известная политическая мудрость, хуже англо-саксов в качестве врагов могут быть лишь англо-саксы в качестве союзников. Политика этой страны в отношении России в ходе Первой мировой войны носила крайне коварный характер. Результатом союза с Англией стало крушение монархии и распад Российской империи. Все это, как нам представляется, подтвердило прогноз Данилевского, сделанный им в статье «Горе победителям!»

б) работы по внутриполитическим проблемам

Теперь можно обратиться к следующему аспекту публицистики Данилевского — внутренней политике. Убийство Александра II, произошедшее 1 марта 1881 года, могло стать поворотной точкой в русской истории. Сразу после покушения, закончившегося смертью монарха, народовольцы обратились к новому императору со своеобразным ультиматумом. Его автором был Л. А. Тихомиров, а содержалось в нем два главных требования: 1) амнистия всем политическим заключенным, 2) созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни, изменение их согласно народным чаяниям. Закономерно вытекающими отсюда условиями прекращения террора были свобода слова, печати, сходок и т. д.

В свою очередь либералы всех мастей, включая сюда и значительную часть высшей бюрократии, приободрились. Чужими руками они хотели загрести главный куш — конституцию или, используя политический жаргон того времени, «увеичание здания». Злые языки даже утверждали, что интригой руководил великий князь Константин Николаевич. Как замечали не утратившие совесть со-

временники, на фоне этой либеральной возни прокламации террористов выглядели куда более прилично.

Ситуация в России складывалась критическая. Было важно, какие силы смогут воздействовать на нового императора — Александра III. Победу, как известно, одержало консервативное направление, чьим идейным вожаком выступил обер-прокурор Святейшего Синода Константин Петрович Победоносцев (1827–1907). Последние голы правления Александра II консерваторы вели арьергардные бои с теснившими их по всем фронтам либералами, но теперь настало время брать реванш. К. П. Победоносцев смог убедить нового императора отказаться от уступок либералам.

Важпую поддержку К. П. Победоносцеву в этой борьбе оказали два влиятельнейших консервативных публициста эпохи — Михаил Никифорович Катков (1818–1887) и Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886). Разумеется, между установками двух выдающихся публицистов были серьезные различия. Славянофилы упрекали М. Н. Каткова за то, что в его интерпретации самодержавие уравнивалось с абсолютизмом. Насколько это так — тема особого рассмотрен[21]. Для И. С. Аксакова подобное уравнивание было абсолютно неприемлемо. Тем не менее совместными усилиями они убедили нового царя издать манифест, в котором провозглашалась незыблемость самодержавия.

В мае 1881 года, когда страна оказалась на развилке, Данилевский выступил со статьей «Несколько слов по поводу конституционных вожделений нашей “либеральной прессы”», напечатанной в «Московских ведомостях». В ней мыслитель подверг резкой критике устремления прогрессивной общественности, которая оказалась в своеобразном тандеме со светской камарильей в стремлении ввести в России элементы парламентаризма. Он показал неорганичность западных моделей парламентаризма на русской почве, их абсолютпую ненужность и даже вредность.

По мнению Данилевского, ни одна из существующих форм политического устройства (монархия, аристократия или демократия) не может считаться совершенной. Поэтому необходимо руководствоваться не абстрактными рассуждениями о лучшей форме власти, а рассматривать данные формы применительно к конкретной

[21] Своеобразпым мопархическим манифестом стала статья «Единствепный царский нуть», нанисанная М. П. Катковым. Она была онубликована в «Московских ведомостях» от 25 апреля 1881 года [18, с. 327–328].

стране и ее народу. Как указывал Данилевский, «вопрос заключается не в абстрактном существовании такого политического идеала, а в применимости его к данному случаю, то есть к данному народу и государству в данное время, и, следовательно, вопрос о лучшей форме правления для известного государства решается не политической метафизикой, а историей» [8, с. 208].

Данилевский дал свой прогноз судеб отечественного парламентаризма. Указав, что институту, который должен ограничить царскую власть, необходимо иметь сильную опору в обществе, он констатировал — такой опоры в России нет. Соответственно, все мероприятие получает шутовской характер. «Как назвать учреждение, которое заведомо никакого серьезного значения не может иметь, как назвать дело, имеющее серьезную форму, серьезную наружность при полнейшей впутренней пустоте и бессодержательности? Такие вещи на общепринятом языке называют мистификациями, комедиями, фарсами, шутовством, и русский парламент, русская конституция ничем кроме мистификации, комедии, фарса или шутовства и быть не может. Хороши ли или дурны были бы эта конституция и этот парламент, полезны или вредны — вопрос второстепенный и совершенно праздный, ибо он подлежнт другому, гораздо радикальнейшему решению: русская конституция, русский парламент невозможны как дело серьезное, и возможны только как мистификация, как комедия» [8, с. 214–215].

В качестве примера, иллюстрирующего возникновение парламентаризма на чуждой ему почве, Данилевский приводит пример Османской империи. В ходе начавшейся Русско-турецкой войны, явно рассчитывая на поддержку западных держав, турецкие власти созвали парламент. Никого данная мистификация не обманула — ни европейскую общественность, ни местную публику, ни даже Россию. Русская армия все же начала свое победное шествие по территории Османской империи. В данном случае парламентаризм выступил в качестве своеобразной попытки повлиять на прочность позиций неприятеля. Хотя в этой степени он мог быть оправдан. У нас же даже такого повода не было. Чем же обернется парламентаризм в России? — задавался вопросом Данилевский.

И сам же отвечал на него: «При чтении некоторых наших газет мне представляется иногда этот вожделенный петербургский парламент: видится мне великолепное здание в старинном теремном русском вкусе, блистающее позолотой и яркими красками; видится великолепная зала вроде Грановитой Палаты, но конечно гораздо

обширнее, и в ней амфитеатром расположенные скамьи; сидящие на них представители русского народа во фраках и белых галстуках, разделенные, как подобает, на правую, левую стороны, центр, подразделенный в свою очередь на правый, левый и настоящий центральный центр; а там вдали, на высоте, и наша молниеносная гора, — гора непременно: без чего другого, а без горы конечно уже невозможно себе представить русского парламента; затем скамьи министров, скамьи журналистов и стенографов, председатель с колокольчиком, и битком набитые элегантными мужчинами и дамами, в особенности дамами, трибуны, и наконец и сама ораторская кафедра, на которую устремлены все взоры и направлены все уши, а на ней оратор, защищающий права и вольности русских граждан. Я представляю себе его великолепным, торжествующим, мечущим громы из уст и молнии из взоров, с грозно поднятою рукой; слышу восторженные: слушайте, слушайте, браво, и пронические: о-го! Но между всеми фразами оратора, всеми возгласами депутатов, рукоплесканиями публики, мне слышатся, как все заглушающий аккомпанемент, только два слова, беспрестанно повторяемые, несущиеся ото всех краев Русской земли: шут гороховый, шут гороховый, шуты гороховые!» [8, с. 215–216].

В реальных условиях России конца XIX века парламент представлял бы интересы подавляющего меньшинства населения. Вспомним, что специфика выборного законодательства в Государственные думы начала следующего столетия давала колоссальное преимущество представителям дворянства, буржуазии и интеллигенции. Денутаты, представлявшие эти группы населения, превышали по численности представителей крестьян и рабочих. Соответственно, и обслуживали они в первую очередь интересы своего избирателя. При этом надо помнить, что законодательство о выборах в Думу создавалось в революционной ситуации. Прииятое в более спокойных условиях, оно бы носило еще более дискриминационный в отношении большинства населения Российской империи характер. Это, в свою очередь, подстегнуло бы народное недовольство, а радикальные политические силы использовали его в своих целях. Кроме того, нельзя забывать и соседей, мечтавших пожнвится за счет России. В случае любой политической заварухи, они не замедлили бы воспользоваться ситуацией.

Притязания отечественных конституционалистов неслучайно совпали с ростом нигилистических настроений. Конституционалисты, с одной стороны, запугивали власти нигилизмом, а с другой —

стремились использовать последний для достижения собственных целей. По проблеме нигилизма Данилевский высказывался в «России и Европе». Пятнадцать лет спустя после ее журнальной публикации великий мыслитель пишет статью «Происхождение нашего нигилизма», в которой анализпрует влиятельнейшее идейно-политическое направление второй половины XIX — начала XX века. Как мы помним, в молодости он внимательно изучил сочинения классиков утопического социализма и даже пережил увлечение концепцией Фурье, в которой обнаруживал «все признаки науки положительной». Концепция французского утописта, с ее акцентом на человеческих «страстях», позднее преломилась в учение о «коренных устремлениях» в политической жизни народов. Значение выдающихся личностей, по мнению Данилевского, состоит в выявлении этих устремлений и возвышении их до уровия государственной значимости.

Нигилисты требовали научного обоснования этики, эстетики, педагогики, а также подведения этой базы под все сферы человеческой деятельности. В этой связи объектом их критики выступали традиционные социальные институты — государство, частная собственность, семья и т. д. Данилевский интерпретпровал нигилизм как «острую болезнь», а его специфика на русской почве свелась к тому, что «мы утрировали, а следовательно, и окарикатурили самый нигилизм» [8, с. 229]. Во многом мыслитель был прав — нигилизм, действительно, оказался неспособен разработать позитивную программу социальных преобразований и даже удовлетворительно ее сформулировать. В частности, требуя научного обоснования нравственности, нигилисты пришли к отрицанию собственного содержания этики. Настаивая на освобождении личности, последнюю они понимали весьма примитивно — сводя ее специфику к чисто биологическим основаниям или осуществляя социальную редукцию.

Нигилисты выступали апологетами женской эмансипации. Ее пытались решать как теоретически (достаточно вспомнить хотя бы «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и «Луч света в темном царстве» Н. А. Добролюбова), так и практически — в рамках «коммун», где совместно прожнвали представители обоих полов. Следует признать, что «шестндесятники» своеобразно предвосхитили западную контркультуру 50–60-х годов XX века, в том числе ндеи феминизма и сексуальной революции. Напротив, Данилевский был одним из тех мыслителей, кто убежденно защищал органические, национальные

начала жизни. Одним из этих начал выступала семья — сам автор «России и Европы», несмотря на увлечение в молодости идеями Фурье, был образцовым отцом семейства. Следует, кроме того, помнить, что представители аристотелевской линии в социальной философии, в противоположность платонизму, выступали резко против экспериментов в сфере семейных отношений.

И все же очень существенный момент отечественной версии нигилизма не был до конца учтен Данилевским и его единомышленниками. Несмотря на свою теоретическую зависимость от западных источников (Л. Фейербаха, Д. Штрауса, М. Штпрнера, К. Фохта, Я. Молешотта, Л. Бюхнера, Э. Геккеля — называем мыслителей, чьи имена упоминаются в интересующей нас статье), русские нигилисты стремились найти выход из того кризисного положения, в котором оказалась пореформенная Россия. Малоземелье крестьянства центральных областей России, усугубляемое культурным разрывом между высшими и низшими сословиями Империи, было чревато революцией. На протяжении десятилетий на реальные проблемы власти закрывали глаза[22]. Судорожные попытки взяться за решение аграрной проблемы уже в начале XX столетия привел к противоположному эффекту — реформы П. А. Столыпина подготовили окоичательпую революционную конфигурацию.

в) исследования по финансово-экономической тематике

Впрочем, экономическая проблематика постоянно находилась в сфере пристального внимания Данилевского. Его гениальность проявляется в том, что острую актуальность демонстрируют не только его работы по геополитике или социокультурной тематике, но и работы, посвященные финансово-экономическим проблемам. Причем такую актуальность, которая заставляет задуматься о циклах исторического развития России. Можно даже выделить следующую закономерность: на каждый виток либерализации приходится экономический кризис и удар по всем устоям жизни России. Время, когда писал свои работы по финансово-экономической

[22] Один из немногих, кто нытался исправить туниковую ситуацию, был министр внутренних дел В. К. Плеве. Его нланы, включавшие меры но нереселению крестьян из перепаселенных губерний европейской части Имнерни в Сибирь, крайне пегативно воснринимали как революционеры, так и номещики. Крунные землевладельцы боялись потерять дешевую рабочую силу для своих имений. Результатом стало убнйство В. К. Плеве в 1904 году.

проблематике Данилевский — не исключение из правила. При этом тотальность, характеризующая стиль его мышления, позволила связать в единое целое геополитические, географические и климатические аспекты с финансовыми и экономическими проблемами России.

Мы уже отмечали те недостатки, которые обнаруживали в «России и Европе» ее критики. Многие из них касались недостаточного внимания к социально-экономическим аспектам жизни России. «Исправляя» их, Данилевский пишет целый ряд статей, посвященных финансовой системе: «Несколько мыслей по поводу упадка ценности кредитного рубля, торгового баланса и покровительства промышленности», «Несколько мыслей по поводу низкого курса наших бумажных денег и некоторых других экономических явлений и вопросов», «О низком курсе наших денег и новых источниках государственных доходов». Все они проникнуты тревогой за состояние отечественной экономики и представляют несомненный интерес в свете современного положения дел. Установка Данилевского в данной сфере может быть характеризована как «конкретная экономика» (по аналогии с «конкретной метафизикой» П. А. Флоренского). Ему были чужды попытки выстраивать экономические схемы, годные для всех стран и времен.

Остановимся подробнее на первой из этих работ, которая впервые увидела свет в 1867 году в нескольких номерах «Торгового сборника» (№ 4, 5, 11, 13, 18, 20, 22). Она не была подписана автором. Уже после смерти автора Н. Н. Страхов поместил эту статью в сборник 1890 года [10, с. 313–405]. Главным объектом критики со стороны Данилевского представляли установки фритредеров, сторонников свободной торговли и невмешательства государства в экономические процессы. Сегодня носителей подобных взглядов именуют либералами или глобалистами. В эпоху царствования Александра II подобный подход превалировал и в правительственных кругах, и среди экономистов. Россия должна вывозить сельскохозяйственную продукцию, а на вырученные средства закупать промышленную продукцию. Практически вся экономическая, да и не только экономическая, политика заключалась в реализации подобного подхода. Во многом он стимулировал развитие немецкой промышленности, которая имела гарантпрованные российские заказы. Собственная промышленность считалась российскими адептами фритредерства ненужной, отвлекающей силы и ресурсы от сельского хозяйства.

В сфере экономики Данилевский занимал позицию прямо противоположную той, которую проводило руководство страны. Он выступал за развитие отечественной промышленности и за введение покровительственных тарифов, которые должны были оградить ее от конкуренции со стороны европейских стран[23]. При этом русский мыслитель давал развернутый ответ на вопросы, поставленные фритредерами в связи с тарифной политикой. Вот как звучали предостереження последних:

1) обеспечение выгодного сбыта не составляет коренного условня для развитня каждой отрасли промышленности, и тариф не обеспечивает такого сбыта внутри государства;

2) содействуя возникновению промышленности ограждением ее от иностранной конкуренции, таможенное покровительство делает невозможиым ее усовершенствование или, по крайней мере, затрудняет его;

3) хотя это обеспечение и содействует развитию промышленности одного рода, но тем самым вредит другим отраслям промышленности;

4) развитие промышленности посредством покровительственного тарифа налагает такие тяготы на народ, что получаемая от него выгода не окупается [12, с. 39].

Данилевский не оставляет камня на камне от аргументации сторонников фритредерства и предлагает позитивную программу развития отечественной экономики. Положительная сторона введения покровительственных тарифов заключается, во-первых, в том, что благодаря ей Россия «покупает экономическую независимость и самостоятельность» [12, с. 64]. Данилевский резонно замечает, что отношения между промышленной и сельскохозяйственной страной будут соответствовать отношениям между городом и деревней. Место сосредоточения капиталов и промышленных сил по определению будет доминировать над деревней, где эти силы рассеяны. Для России XIX столетия данное обстоятельство проявлялось в зависимости от английской промышленности и торговли. Причем

[23] Данилевскнй нрекрасно нонимал, что экономические и геонолитические аснекты неразрывно связаны. По они же имеют и нравственную составляющую. Приведем фрагмент из работы «О низком курсе наших денег и новых источниках государственных доходов», которая была выпущена отдельным изданием носле смерти автора: «**Девизом России должна быть экономическая независимость и самостоятельность, тогда как девиз Англии есть экономическая экснлуатация всех стран мира**» [12, с. 234].

данная зависимость принимала и политические формы, когда британцы нашими руками и кровью добивались необходимых им результатов (вспомним хотя бы наполеоновские войны)[24].

Во-вторых, тариф должен обеспечить развитие сельского хозяйства и промышленности. Русские сельскохозяйственные товары имели серьезных конкурентов (Дунайские княжества, Египет и т. д.). При этом географические и климатические условия в странах-конкурентах неизменно лучше, чем в России — указывал Данилевский. В данном отношении они имеют неоспоримое преимущество. Здесь Данилевский предвосхищает сравнительно недавний бестселлер А. П. Паршева «Почему Россия не Америка?» (1999). Климат, месторасположения и почвы этих стран, несомненно, более благоприятны для занятий сельских хозяйством, чем соответствующие компоненты в нашей стране. Кроме того, Данилевский обращает внимание на возможную конкуренцию со стороны США, южноамериканских стран и Австралии, которые на тот момент еще не выступали в качестве крупнейших экспортеров сельскохозяйственной продукции. На данные аспекты выдающийся мыслитель будет обращать внимание читателей и в позднейших статьях на экономические темы.

Третье обстоятельство, на которое обращает пристальное внимание Данилевский, — континентальный характер России, громадность ее просторов. Данное обстоятельство ставит под удар ее единство, превращая в серьезную проблему доставку сельскохозяйственной продукции из Сибири. Огромные расстояния вызывали большие дополнительные расходы на транспортпровку сельскохозяйственной продукции. Это делало экономически невыгодной перевозку данной продукции. Следовательно, необходима особая тарифная политика, которая позволила бы исправить ситуацию.

Наконец, еще одно обстоятельство связано со спецификой исторического нути России. Государственное развитие у нас имело приоритетное значение по отношению к развитию экономическому. Соответетвенно, государственный бюджет ложился на граждан более тяжким бременем, чем это происходило в промышленно развитых

---

[24] Единомышленником Данилевского но этой нроблеме был Д. И. Менделеев, который в целой серни статей, ноздиее вошедших в сборники «Заветные мысли» (1905) и «К позпанию России» (1906), выступал за индустриальное развитие России, считая недостаточным ее существование в роли аграрной страны. Наша страна, говорил великий ученый, тем самым низводится до роли Индии в системе Британской имперни [104, с. 306–307].

странах. От него зависит несравненно больший процент населения, чем в этих странах. Данное обстоятельство также требует создания промышленности, ибо очевидно, что «в таком государстве, которое само производит значительную долю предметов, служащих к удовлетворению потребностей лиц, получающих свое содержание от бюджета, даже и большой бюджет не имеет свойства вводить страну в долг иностранцам, потому что поглощаемые бюджетом суммы сами собой обратно притекают к производителям» [12, с. 77].

Отрицательное влияние на отечественную экономику оказывали российские граждане, проживающие заграницей. Вспомним, что, получив огромные средства после освобождения крестьян, помещики ринулись тратить их в Европе. Эти средства вымывались из российской экономики, стимулируя экономики тех стран, где они тратились («Женев, Ницц, Баден-Баденов и, главное, Парижа» — конкретизирует автор). Данилевский предлагал ввести особый налог для данной категории граждан — ведь они не платят косвенных налогов, которые тяжелым бременем ложатся на остальных граждан. Элементарные требования справедливости, был убежден мыслитель, требует введения такого налога. Звучит весьма актуально, учитывая российскую диаспору в современном Лондоне и тому подобных местах.

Весьма негативное воздействие на российскую экономику оказывала контрабанда. При этом некоторые страны (например, Пруссия) использовали контрабанду как важнейший элемент стимулирования собственного хозяйства. Данилевский приводит в этой связи характерный ответ Бисмарка на депутатский запрос, когда знаменитый государственный деятель назвал контрабанду из Пруссии в Россию «законной». Нашей стране подобная «законная» деятельность приносила ущерб, измеряемый десятками миллионов недополученных казной рублей. Это, в свою очередь, вело к недофинансированию всех областей — от военного министерства до министерства просвещения.

Исследуя хозяйственную сферу, Данилевский призывал больше доверять результатам деятельности таких практиков, как Кольбер и Фридрих Великий, граф Е. Ф. Канкрин и руководители США, чем абстрактным рассуждениям экономистов либерального направления. Необходимо встать на почву реальной экономики, а не ограничиваться чисто купеческим взглядом на торговлю. «Политическая экономия смотрит на государства, так сказать, как на существа исключительно экономические, забывая все прочие их отношения.

<…> Ежели бы с отвлеченно-экономической точки зрения теория свободной торговли не подлежала никаким возражениям — наше мнение не таково — все же не следовало бы забывать, что торговля эта производится не где-либо в безвоздушном пространстве, а между государствами, которые, кроме экономических, имеют и многие другие интересы» [12, с. 86–87].

Таким образом, был уверен Данилевский, необходимо отказаться от той экономической политики, которая доминпровала в эпоху Александра II. Мыслитель писал: «Говорят, что наша промышленность находится еще в детстве, что совершенно справедливо; но если это так, то и обращаться должно с нею как с детьми, т. е. воспитывать и направлять, а не оставлять на произвол с лозунгом: laisser faire, laisser passer[25]» [12, с. 183]. Экономическая политика государей-консерваторов была принципиально иной. В этой связи необходимо вспомнить царствование Николая I, который стремился поощрять отечественную промышленность. Пришедший на смену отцу Александр III, во внутренней политике также руководствовался интересами России. На время его правления приходится подъем русской промышленности и новая тарифная политика. Ряд предложений Данилевского получил реализацию на практике.

г) богословское наследие

Как нам уже приходилось замечать, интересы Данилевского носили универсальный характер. Они также включали в себя интерес к богословию — как догматическому, так и «естественному»[26]. Богословское наследие Данилевского — самый, пожалуй, малоисследованный из всех аспектов его творчества. На нем, следовательно, необходимо остановиться подробнее. Уже в «России и Европе» (девятая глава) мыслитель обращается к различиям религиозного характера, которые обнаруживаются между германо-романскими и большинством славянских народов. Это — противоположность между православием и католичеством или протестантизмом.

Необходимо сказать, что как богослов Данилевский вписывается в когорту русских светских богословов — от И. В. Киреевского и А. С. Хомякова до Л. П. Карсавина и А. Ф. Лосева. При этом Да-

---

[25] Позвольте делать (фр.) — нринцин экономического либерализма (фритредерства), означающий невмешательство государства в экономические нроцессы.

[26] Данный аснект идейного наследия мы нодробнее рассмотрим в главе, носвященной разбору «Дарвинизма».

нилевский выгодно отличается от большинства из них тем, что у него отсутствовало стремление к ложной оригинальности. Особенно того, что отличало концепцию его непримиримого критика — В. С. Соловьева, с притязаннями последнего на дух пророчества. Неслучайно, что богословская работа Н. Я. Данилевского посвящена именно полемике с экуменическими воззрениями В. С. Соловьева[27].

Речь идет о его статье «Владимир Соловьев о православии и католицизме», опубликованной весной 1885 года. В ней Данилевский не оставил камня на камне от излюбленной идеи Соловьева об объединении церквей. Вспомним, что Соловьев развивал учение о социальной троице, включающей в себя Церковь, государство и общество. Свою лепту в процесс единения человечества привносят религия, философия, наука и искусство. Ставилась Соловьевым и важная социальная задача — создание совершенной церковно-государственной организации, которая будет руководствоваться идеалом Царства Божия. Духовная власть в ней должна принадлежать римскому папе, а светская — русскому императору. Кроме того, речь у Соловьева идет также о третьей власти — пророческой. Легко догадаться, что в роли пророка философ видел именно себя.

Все сферы жизни, указывал Соловьев, должны быть пронизаны христианским идеалом. В истории, правда, по пути реализации религиозного идеала пошло лишь западное христианство — Византия, по мнению философа, от него уклонилась. Соловьев писал, что «мнимое православие Византии на самом деле было лишь вогнанной внутрь ересью. Истинный центральный догмат христианства есть внутреннее и полное единение божеского и человеческого в нераздельности и неслиянности. Необходимым выводом из этой истины, если мы ограничимся только практической сферой человеческого бытия, является перерождение общественной и политической жизни в духе Евангелия, то есть государство и общество, ставшие христианскими. Вместо этого синтетического и органического единства божеского и человеческого пошли путем смешения обоих элементов, путем разделения их чрез поглощение и упразднение одного из них другим» [38, с. 49].

---

[27] Справедливости ради, необходимо заметить, что годом раньше с резкой критикой богословия В. С. Соловьева на страницах «Руси» выступил И. С. Аксаков. «Последний славянофил» посвятил этой теме работу «Против национального самоотречения и пантеистических тенденций, высказывавшихся в статьях В. С. Соловьева».

Неблагодарность Соловьева по отношению к Византии носит вопиющий характер. Причем речь идет не только о том, что именно от нее Русь восприняла христианскую традицию. Для самого Запада имперня ромеев выполняла функции спасителя от мусульманской экспансии. Если бы не византийцы, то арабы легко заняли Италию, как они захватили Иберийский полуостров и Сицилию. Ни о каком папском престоле в данном случае речи бы не шло. В этой связи К. Шмитт называл Византию «катехоном» («удерживающим»). Само это понятие мы находим во втором послании апостола Павла фессалоникийцам: «Ибо тайна беззаконня уже в действии, только **не совершится** до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (1 Фес. 2,7). Весьма показательно, что понятие «катехон», столь важное для раннехристианской и византийской традиции, оказывается быстро утраченным западным христианством. Восстановленные понятия языческой политико-правовой традиции вытеснили его из сознання западных народов. Комментарии, как говорится, излишни.

Данилевский, со свойственной ему интеллектуальной оптикой, зрит в корень. Он сразу обнаруживает коренной порок всех религиозных построений Соловьева. Вот как это звучит в интересующей нас статье: «Г. Соловьев человек, без сомнения, с философским направлением ума. Качество довольно редкое и очень ценное, но, однако же, как и всякое умственное и даже как и всякое правственное качество, имеющее и свои слабые стороны, заставляющие впадать в пороки своих добродетелей. Опыт нам показывает, что главный недостаток или порок философствующих умов, т. е. метафизически философствующих, есть склонность к симметрическим выводам. При построении мпра по логическим законам ума, является схематизм, и в этих логических схемах все так прекрасно укладывается по симметрическим рубрикам, которые, в свою очередь, столь же симметрически подразделяются. Затем находят оправдание этому схематизму в том, что будто бы он ясно проявляется в объективных явленнях мира» [8, с. 255].

Прекрасная характеристика философских концепций, стремящихся заключить все богатство и многообразие мира в интеллектуальные клетки собственного изготовления. Упреки, которые достаются Соловьеву, в еще большей степени могут быть адресованы его немецким учителям (отчасти Шеллингу, особенно Гегелю). Для Данилевского, привыкшего смотреть на мир широко открытыми глазами, подобный подход был чужд. Сразу вспоминается

Аристотель, который отказывался от одномерного истолкования многообразия мирового сущего. К решению любой проблемы греческий энциклопедист подходил с разных сторон. При этом могли получаться различные результаты, которые не столько противоречили, сколько дополняли друг друга. В культивировании подобного подхода Данилевский — достойный продолжатель Стагирита.

Интеллектуальный грех Соловьева — схематизм. Конкретно — любовь к симметрически-схематической троичности. Ей он подчиняет свои богословские и историософские построения. Начнем с излюбленного европейскими авторами противопоставления Востока и Запада. Данилевский, предложивший более сложную концепцию исторического развитня, сразу же отмечает несостоятельность данной схемы в ее интерпретации Соловьевым. Последний рассматривал восточного человека в качестве подчиненного сверхчеловеческой силе, в то время как западного — самодеятельным. Но, резонно замечает Данилевский, из этой схемы полностью выпадает Китай, чьи жители менее всего озабочены почитанием сверхъестественных сил. Кроме того, в начале истории, когда на Востоке развивались мощные цивилизации, Европа представляла собой конгломерат варварских племен. Следовательно, никакого Запада на протяжении первых тысячелетий человеческой истории не существовало.

Далее Данилевский обращает внимание на хронологический сбой в историософских построеннях Соловьева. Первой по схеме Соловьева возникает религиозная концепцня Индии, противопоставляющее божественное начало («сверхсущую истину») ложному многообразию материального бытня. Затем данное противопоставление принимает правственно-этический характер на пранской почве — в зороастризме. Наконец, египтяне, на последней стадии религиозного развития Востока, приходят к обоготворению идеи жизни. Схема, конечно, красивая, но, как замечает Данилевский, абсолютно противоречащая исторической хронологии. Несомненно, что религня Древнего Египта старше построений инднйских мудрецов, а пранская религиозная традицня параллельна браманизму. Внешнее «упразднение» Востока, случившееся в Римской империи, как утверждал Соловьев, — не более, чем красивая метафора. Из перечисленных выше стран, в состав империи вошел лишь Египет. Иран, Индия, а тем более Китай, для римлян были недосягаемы. Следовательно, параллелизм религиозного и государственного развития, столь значимый для Соловьева, не был осуществлен.

Далее Данилевский разбирает концепцию социальной троицы, развивавшуюся Соловьевым. Внешне она безукоризненна, оппрается на учение о тройственности достоинств, заключавшихся в лице Иисуса Христа — Царя, Первосвященника и Пророка. Но как только эта концепция начинает применяться к осмыслению исторического процесса, обнаруживаются все изъяны соловьевского схематизма. По сути дела, Соловьев сводит разделение церквей к политико-государственным аспектам. Речь ндет о различнях между царским Востоком и первосвященническим Западом. Многое в этой схеме не соответствует историческим реалням, а, кроме того, из нее выпадает возникновение и существование протестантизма, который стал ответом на тпранические притязания папской власти в области веры. Главным виновником всех расколов христианского мпра Данилевский вполне резонно объявляет папизм. Он стремился сосредоточить в лице римских пап и принцип первосвященства, и царскую власть, и, наконец, все пророчество — присваивая исключительно главе Ватикана принцип непогрешимости церкви.

Не работая в области реальной истории, схема Соловьева, тем не менее, представляет серьезную опасность в современности — утверждал его критик. Соловьев призывает русский народ к третьему, после призвання варягов и петровских реформ, самоотречению. В жертву очередной симметричности должиа быть принесена православная традиция, а русский народ, как народ по преимуществу теократический, призван реализовать вселенскую теократию — провозглашал Соловьев. По сути дела, пойти на поклон римскому папе. Комментируя данный пассаж, Данилевский восклицает: «Истине конечно можио и должно все принести в жертву! А лжи? Нужно, следовательно, прежде чем приступить к жертве, взвесить и оценить с величайшей осмотрительностью то, чему нас призывают принести величайшую из возможных жертв» [8, с. 261].

В этой связи Данилевский обращается к материалу христианской догматики. В рассматриваемой статье он демонстрпрует великолепное знание данной области, которой позавндовал бы дипломированный богослов. Его небольшая статья, как нам представляется, несравненно более интересное явление, чем многотомные изыскания Соловьева в области догматического богословия. Изыскания, поставленные на службу весьма сомнительному экуменическому проекту. Напротив, Данилевский опирается на постановления Вселенских соборов, которые интерпретпрует значительно ближе к духу и букве православной традиции, чем критикуемый им автор.

Данилевский отвергает соловьевскую идею разделення церкви. Если рассматривать церковь как социальное явление, то о таком разделении есть смысл говорить, но когда речь ндет о мистическом понимании, то мысль Соловьева — нонсенс. Данилевский резонно замечает: «Если разуметь под церковью таинственное тело Христово, тело, коего Он глава, и одушевляемое Духом Святым, — а ведь так понимает церковь г. Соловьев, — то ведь тело это есть святой таинственный организм в реальном, а не в метафорическом только смысле; а ежели организм, то и индивндуальность — особь особенного высшего порядка. Как же может тело это разделиться, оставаясь живым, сохраняя свою живую индивидуальность?» [8, с. 261].

На самом деле, констатирует Данилевский, речь должна идти не о разделении церкви, а об отпадении от нее. Кто же тогда отпал — православные или католики? Отвечая на данный вопрос, Данилевский обращается к тезисам, сформулпрованным самим Соловьевым. Данилевский начинает с основного пункта догматических различий православия и католицизма — знаменитому прибавлению Filioque. Напомним, что речь ндет о Духе Святом, который, с православной точки зрення, исходит от Отца. Католичество исповедует, что Святой Дух исходит как от Отца, так и от Сына. Таким образом, указывает Данилевский, католическое учение, прибавленное к первоначальному тексту Никео-Константинопольского символа веры, несомненно, содержит в себе ересь, относящуюся не к «букве символа, а к смыслу и содержанию его» [8, с. 264][28]. Любые оговорки и отговорки, на которые был так горазд Соловьев, не могут быть приняты православным сознанием.

Если продолжить разговор по существу, то остается еще два догматических положения, которые разделяют православных и католиков. Первый из них был провозглашен папой Пием IX — догмат о беспорочном зачатии Девы Марии. Второй был принят на Ватиканском соборе 1870 года, то есть последнем ко времени интересующей нас полемики. Речь идет о догмате непогрешимости папы (infallibilitas), пришедшем на смену учению о непогрешимости в делах веры только церковного собора. Данилевский так прокомментировал эти положення: «О первом я говорить не буду, как потому,

[28] Показательно, что инициатором внесения изменения в Символ веры был франкский император Карл Великий, резко враждебпо пастроеппый против Визаптии. Пана Лев III, целиком зависевший от фраикского императора, был вынужден согласиться с нредложенным нововведением [108, с. 165].

что оно действительно не было осуждено ни на одном вселенском соборе, так и потому, что вместе с учением о папской непогрешимости падает и все то, что только на ее авторитете и зиждется. Учение же о папской непогрешимости также точно ересь против догмата символа о церкви, как Filioque ересь против догмата о Третьем Лице Св. Троицы» [8, с. 268].

Учитывая данные обстоятельства, бессмысленно говорить о разделении церквей в том истолковании, которое давал Соловьев. На самом деле речь идет об отпадении одной из частей, а именно римско-католической, от церковного единства. Выход из данной ситуации один — утверждает Н. Я. Данилевский, оппраясь на мнение А. С. Хомякова. Он состоит в том, что римская церковь отступает от «всех ее отличительных догматов, в особенности же от папской непогрешимости, в которой все прочие имеют свое единственное основание — не как мнення, а как догматы. Но на такой точке и ей оставаться невозможно. Естественное и неизбежиое логическое развитие должио привести от подразумевательного к ясному и отчетливому отказу от всего несущественного, т. е. от всего догматически разделяющего римскую церковь от православня, которое тем самым и признается за тождественное с вселенским вероучением» [8, с. 287]. Только такое решение, был уверен Данилевский, будет истинно православным и соответствующим религиозным воззрениям русского народа.

И последнее, что необходимо заметить в связи с этой полемикой. Показательно, что свою полемическую работу Данилевский заканчивает следующими словами: «В заключении я должен сказать, что та искренность и смелость, с которыми г. Соловьев решился высказать свое мнение, по истине, заслуживает уваженння и благодарности» [8, с. 287]. Как это не похоже на ушаты грязи и лжи, которые сам Соловьев вылил на уже покойного Данилевского в ходе полемики вокруг «России и Европы». Данное обстоятельство ни в коем случае нельзя забывать.

Часть III

«ДАРВИНИЗМ»

Глава 1

КОНЦЕПЦИЯ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ТРАДИЦИИ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Итак, мы можем заключить, что и наука может быть национальна, но что в разных науках степень национальности различна.

Н. Я. Данилевский

В этой главе мы рассмотрим воззрения Н. Я. Данилевского на научную сферу, покажем значение его трудов в деле формирования отечественной философии и социологии науки. Как мы уже отмечали, большая часть жизни Данилевского была посвящена деятельности на ниве естествознания. Он окончил знаменитый Царскосельский лицей, а затем в качестве вольнослушателя обучался на естественном факультете Санкт-Петербургского университета. Получив основательное естественно-научное образование, Данилевский оставил яркий след в различных практических областях — занимался изучением рыбного хозяйства России в составе экспедиции К. фон Бэра, исследовал звериные промыслы, боролся с филлоксерой в Крыму, некоторое время был директором Никитского ботанического сада.

Если брать теоретические аспекты, то не будем забывать, что ранние работы Данилевского посвящены «Космосу» знаменитого немецкого натуралиста А. фон Гумбольдта. Их автор критически воспринимает установки представителей новоевропейской науки, противопоставлявших человека и прпроду. Естественно, что отношение Данилевского к планам по господству над прпродной в реальности было еще более негативно. Он также нанисал целый ряд трудов, посвященных различным аспектам хозяйственной жизни России, а также

научной проблематике («Теорня ледникового периода», 1863; «Несколько мыслей о русской географической терминологии по поводу слов "лиман" и "ильмень", 1869; «Экспрессня или выражение чувства у человека и животных», работа увндела свет в 1887).

Мпровосприятие Данилевского базировалось на оригинальной трактовке пространства и времени, которая своеобразно преломлялась в его философско-исторической концепции. Между его социально-философскими и научными установками наблюдается корреляция [112]. Кроме того, нельзя забывать и о работах Данилевского в области биологии. Он занимал четко выраженную антндарвинистскую позицию. Обоснование этой позиции мы находим в двухтомнике «Дарвинизм. Критическое исследование». Данилевский, к сожалению, не успел завершить этот фундаментальный труд — первый том вышел за несколько дней до смерти автора, второй был издан посмертно.

XIX столетие далеко неслучайно было названо «веком науки». Действительно, интересующая нас эпоха — время бурного развитня естествознания. Кроме того, на протяжении всего этого столетия происходило взаимопроникновение науки и университетского образовання, что было нехарактерно для двух предшествующих веков развития новой системы знания. Еще один важный момент связан с тем, что естествознание не просто объясняет устройство прпродного мпра, но к концу века превращается в непосредственную производительную силу. Наконец, в интересующую нас эпоху гуманитарное знание также начинает оформляться в качестве науки.

Вместе с тем важнейшее значение в философии и гуманитарных дисциплинах XIX века получила проблематика ценностей. Целый ряд выдающихся мыслителей (представители различных направлений неокантианства, Ницше) даже считал ее основной темой философии. Можно сказать, что «ценности» и «ценностное» оказываются своеобразным замещением метафизического мпра, утратившего к XIX столетию свою действительную силу (ситуация «смерти Бога» — в терминах философии Ницше). Тут, правда, необходимо серьезное уточнение — данные понятия относятся к сферам философии, теологии, этики (то есть мировоззреическим), но никак не к сфере науки. Последняя сфера изымается из области, где господствует рассмотрение в категориях «ценности»[1].

---

[1] Вот как характеризовал данный аснект М. Хайдеггер: «Пауку нолагают свободной от цениостей, всякое оценивание относя на сторону мировоззрения.

Следует заметить, что осмысление феномена науки занимало умы многих русских мыслителей предшествующего поколения. Мы вндим на примере представителей таких течений, как славянофилы и западники. Среди славянофилов надо в первую очередь назвать И. В. Кпреевского и Ю. Ф. Самарина. Среди западников своей разработкой соответствующей проблематики выделялся А. И. Герцен — автор работ «Дилетантизм в науке» (1842) и «Письма об изучении прпроды» (1845–1846). Кроме того, в 1856 году между Ю. Ф. Самариным и Б. Н. Чичериным, вндными представителями этих течений, вспыхнул известный спор о народности в науке [99, с. 61–64].

Вторая половина XIX века — эпоха бурного расцвета отечественной науки. Появляется целая плеяда выдающихся русских ученых (Д. И. Менделеев, И. М. Сеченов, И. И. Мечников, И. П. Павлов, В. И. Вернадский), наука начинает активно развиваться в университетах, ее социальный статус приобретает неведомые ранее размеры. Это имело серьезные последствия и для интерпретации феномена науки в рамках различных философских учений. На русской почве возникают концепции, стремившиеся либо истолковать науку как панацею от всех бед, либо ее полностью отвергнуть. Концепции первого толка отстаивали сторонники позитивизма и материализма — т. н. «шестидесятники». Для них было характерно наивное превознесение естественных наук, которые понимались в качестве панацеи от всех бед. Показательны слова Е. П. Елисеева из «Хроник прогресса», выполнявших в начале 60-х годов позапрошлого века функцию передовиц сатпрического журнала «Искра»: «Мы смотрим на науку, как на орудие, посредством которого можно братски разделить между всеми людьми блага знання, добра, материального довольства» [60, с. 251].

Самым последовательным апологетом науки в русской философии интересующего нас периода был Н. Ф. Федоров — основоположиик космизма. Наука и техника получают в «Философии общего дела» едва ли не религиозный статус. Прямо противоположную точку зрення отстаивал Л. Н. Толстой, чью позицию можно обозначить как антисциентистскую. Заслугой Н. Ф. Федорова надо признать обозначение предельных целей развития современной науки и техники. Несомненный вклад Л. Н. Толстого — подчеркивание ценностных

Ценность, как и все ценностное, становится нозитивистской заменой метафизического» [55, с. 183].

аспектов познания, отказ приносить экзистенциальную проблематику в жертву сциентистским установкам. Впрочем, как это на первый взгляд ни парадоксально, крайности сходятся — и апологеты науки, и ее радикальные критики не смогли адекватно понять задачи и границы научного знания [100].

Можно констатировать, что при жизни Данилевского в России были заложены серьезные основання для философского осмыслення проблем науки. Важнейшей фигурой, как нам представляется, здесь выступил друг и единомышленник автора «России и Европы» — Н. Н. Страхов. В целой серии работ он создал идейную базу для русской философии науки. Среди этих работ — «О методе естественных наук и значении их в общем образовании» (1865), «Мир как целое» (1872), «Об основных понятиях психологии и физиологии» (1886), «Философские очерки» (1895).

Характеризуя значение науки в интересующую нас эпоху, Страхов писал, что она является одной из величайших святынь XIX века. При этом, указывал мыслитель, представители частных наук вовсе не стремятся согласовывать добытые ими результаты с некоторой общей системой, с цельным взглядом на мир. Отсюда — пренебрежительное отношение к философии у многих представителей научного знания, хотя полностью избежать влияния последней им не удается. Сам Страхов, как известно, прндерживался прямо противоположиой установки. В работе «О методе естественных наук и значении их в общем образовании» он указывал, что главное в ней — метод, лежащий в основании исследования, а он вырабатывается именно философией.

Вместе с тем ценность естественных наук не ставится Страховым под сомнение. Он указывал, что эти науки имеют троякий интерес: 1) являются полезными в практике, 2) удовлетворяют теоретическим потребностям ума, 3) питают эстетические чувства. В то же время слепое преклонение перед естествознанием, господствовавшее в сознании образованных сословий XIX века, встретило в лице Страхова последовательного критика. В своих работах мыслитель доказывал, что данная установка далека от подлинной научности.

В эпоху господства в интеллигентском сознании позитивистских догм, одним из краеугольных камней которых был упор на эмпирических методах исследовання, Страхов обращал внимание читателей на логический характер научного знання, всячески подчеркивал роль дедукции. Он указывал, что никакая наука немыслима без априорных положений, лежащих в ее основании. Естественно-научное знание,

указывал Страхов, коренится в сознательной установке на эксперимент, который получает все свое значение, будучи обоснован теоретическим разумом. Любое индуктивное заключение немыслимо без дедукции, только в единстве они позволяют приблизиться к более или менее адекватному познанию мира. В этом отношении Страхов имел ряд точек соприкосновения с неокантианской концепцией науки — недаром он перевел «Историю материализма» Ф. А. Ланге, одного из основоположников данного направлення.

Если пристальное внимание к теоретической стороне научного знания позволяет проводить параллели между концепцией Страхова и неокантианством, то другой важиейший элемент его наследия не находит аналогов в философии науки того времени. Мы имеем в виду исторический подход. Оппраясь на достиженння представителей немецкой классической философии, особенно на гегелевскую диалектику, наш соотечественник призывал к рассмотрению исторического пути естествознания. Исторический подход ставит Страхова двумя головами выше всех позитивистских, да и не только позитивистских, философов науки его времени. Следует заметить, что принцип историзма глубоко проник в русскую культуру XIX–XX веков — данное обстоятельство отмечают многие исследователи. Но именно 60-е годы XIX столетия стали эпохой, когда данный принцип подвергался наибольшим нападкам. «Шестндесятники», отметая достижения романтизма и немецкого ндеализма, своеобразно возвращались к принципам Просвещения, его антиисторизму.

Одним из немногих в России того времени, кто пытался противостоять острому рецидиву антиисторизма, был Страхов. Мыслитель указывал, что необходимо изучать историю науки, ибо только она позволит понять возникновение научных методов и понятий (см. блестящий разбор атомистической концепции в его работе «Мпр как целое»). В противном случае, мы будем хвататься лишь за вершки — последние открытня в рамках той или иной науки, унуская из внимання их корни. Подобный подход Страхов характеризовал следующим образом: «Нередко наука презрительно смотрит на все свое прошедшее; она судит его на основании своих настоящих познаний, своих настоящих приемов и результатов и потому находит в нем бесчисленные поводы к осуждению и очень редкие к похвале». Между тем сторонники подобного подхода забывают, что «чем тверже они держатся *новейшего*, тем дальше они от прочного, действительного познания, потому что тем скорее их познания сами переходят в область устарелых, неточных и неверных» [44, с. 365].

Кроме того, исторический подход позволяет не упустить сущность творческой деятельности естествоиспытателей, соотношение сознательных и бессознательных элементов в их методиках. В этой связи возникает еще один важиейший момент — роль ненаучных факторов в научных открытнях. Речь ндет о философии, религии и искусстве. Историки науки XX века достаточно проработали этот материал, но следует признать, что Страхов стал одним из немногих авторов, кто в эпоху тотального господства позитивистских и вульгарно-материалистических концепций не побоялся поставить вопрос о социокультурной детерминации научного знания.

При этом для Страхова, как выдающегося методолога, было важио разграничить сферы компетенции науки и философии. В этом аспекте он противостоял как нигилистическим устремлениям позитивистов и материалистов, отрицавших всякое теоретическое значение философии, так и попыткам ряда представителей идеалистической традиции подчинить науку диктату своеобразно интерпретированного философского знания или религиозной догматике. В этом аспекте Н. Н. Страхов проводил четкую демаркацию между собственными установками и установками Л. Н. Толстого, Н. Ф. Федорова и В. С. Соловьева [99, с. 157–158].

Обозначив исторический контекст, обратимся к наиболее известной работе Данилевского — «России и Европе». Проблемы социологии науки стали предметом анализа в шестой главе этого произведения. Здесь автор указывает на место науки в ценностных установках свой эпохи: «Новейшая наука составляет явление столь величественное, что перед нею прочие стороны жизни как будто утрачивают свою значительность. Разве многие не считают искусства как бы забавою, развлечением от нечего делать, годным занимать тунеядцев, но, собственно говоря, недостойным нашего богатого практическим смыслом века? Нет надобности упоминать, какую роль этот односторонний взгляд отмежевывает религии. Религия обращается в не более как суеверие, приличное векам мрака и невежества, не только лишнее в века просвещения и прогресса, но составляющее даже положительное препятствие для дальнейшего развитня и преуспеяння. Все несовершенства общественного устройства (или что таковым кажется) являются точно таким же плодом невежества, а не необходимым следствием коренных условий исторического развития и потому, будто бы, могут быть устранены применением общественной теории, выработанной таким-то ученым или утопистом» [9, с. 108].

Если мы вспомним установки «шестидесятников», то данные положення не должиы вызывать удивлення. Вспомним развеичание искусства у такого представителя данного течения, как Д. И. Писарев (например, его знаменитую статью «Пушкин и Белинский», 1865). Отношение «шестидесятников», многие из которых были бывшими семинаристами, к религии также известно. Антиправительственные и даже антигосударственные установки «шестндесятников» не нуждаютея в комментарии. Единственное, что они уважали — это наука, которую представители этого течения превратили в объект своеобразного культа. Очевидно, что подобная установка для автора «России и Европы» носила односторонний и неприемлемый характер.

В интересующей главе своей знаменитой книги Данилевский развивает тему национальности в науке. В начале главы автор отвечает на три основных возражения, которые традиционно выдвигались против возможиости народного характера научного знания. Вот как они звучат: «1. Истина — одна, следовательно, и наука, имеющая истину своим предметом, также одна. 2. Наука преемственна; выработанная одним народом, одним веком переходит в наследие другим векам и народам, которые могут продолжить здание науки только на прежнем основании. <…> 3. Самый язык, общий поэту и его соотечественникам, поставляет художника в теснейшую зависимость от его слушателей или читателей и составляет уже необходимую причину национального характера произведений словесности; при переводе же красота их всегда теряется. Между тем язык не имеет большого значения в деле науки, и для нее может быть употребляем какой бы то ни было, известный большинству образованных или ученых людей язык, хотя бы даже мертвый, как, например, латинский» [9, с. 109–110].

Отвечая на подобные возражения, Данилевский приводит ряд своих аргументов. В поиск истины неизбежио вовлекаются индивидуальные особенности исследователя, которые, в свою очередь, обусловлены характером его образовання, воспитання, национальной психологии, то есть теми элементами, которые имеют непосредственное отношение к мпру ценностей (ср. с понятием «предпонимание» в философской герменевтике Г. Г. Гадамера). Другое возражение связано с тем, что, признавая разновременность в постижении истины, оппоненты национального принципа в науке должиы были бы признать и ее «разноместность», вовлечение в ее поиски представителей различных этнических групп. Это, в свою очередь, объяснило бы предрасположениость тех или иных народов к соответствующим

отраслям знания. Так, автор «России и Европы» указывает на первенство французов в чистой и прикладной математики, немцев — в лингвистике или сравнительной филологин, англичан — в прикладной астрономии и геологии. При этом, если развитие прикладной астрономии в Англии можно объяснить практическими нуждами (нация мореплавателей), то развитие на английской почве геологии или лингвистики в Германии подобными аргументами объяснить нельзя. Необходимо обратиться к особенностям душевного склада представителей той или иной нации.

Данилевский следующим образом резюмирует причины, по которым наука должна, наряду с другими сторонами цивилизации, носить национальный характер: «1. предпочтение, оказываемое разными народами разным отраслям знания; 2. естественная односторонность способностей и мировоззрения, отличающая каждый народ и заставляющая его смотреть на действительность со своей особой точки зрения; 3. некоторая примесь субъективных индивидуальных особенностей к объективной истине, — особенностей, которые (как и все прочие правственные качества и свойства) не случайно и безразлично разделены между всеми людьми, а сгруппированы по народностям, и в совокупности составляют то, что мы называем народным характером» [9, с. 113].

Анализпруя историю базовых наук, Данилевский выделяет пять основных ступеней их развития. Таковыми выступают: стадия накопления материала, создания искусственной системы, выработки естественной системы, выведения частных эмпирических законов и, наконец, венчает развитие той или иной науки формулировка общего рационального закона. В этой связи любопытна периодизация развития астрономии — науки, прошедшей весь цикл развития, данная Данилевским. Создание искусственной системы здесь — заслуга грека Гиппарха. Естественная система была создана усилиями «славянина-поляка» Коперника. Частные эмпирические законы были выведены немцем Кеплером. Наконец, формулировка общего рационального закона принадлежит англичанину Ньютону [9, с. 119–121].

Последняя стадия, формулировка общего рационального закона, завершает процесс осмысления той или иной стороны природной реальности. Показательно, однако, что именно создание искусственной системы автор «России и Европы» считал решающим шагом в развитии науки, ибо она освобождает знания из-под власти «посвященных» (жрецов, магов и т. д.) и делает их доступными

всякому, стремящемуся посвятить себя науке. В этом отношении Данилевский предвосхищает историографию науки XX столетия, которая отдает должное даже ложным концепциям, сыгравшим важную роль в развитии научных представлений (теория флогистона, эфира и т. д.).

В «России и Европе» содержится также анализ вклада представителей той или иной народности в развитие научного знания. Например, немцы сыграли выдающуюся роль на этапе создания искусственных систем в различных областях знания (неорганической и органической химии, минералогии, геологии), но не участвовали в выработке естественных систем. Напротив, французы преобладали в деле создания естественных систем, но не участвовали в разработке систем искусственных. Англичане, соединяющие в этнографических и лингвистических аспектах две великие континентальные нации, в процессе развития науки играют аналогичную роль. Они оказываются своеобразным посредующим звеном между французами и немцами.

Любопытную параллель этим мыслям Н. Я. Данилевского мы найдем в работах Пьера Дюгема (1861–1916) — выдающегося французского физика и историка науки конца XIX — начала XX века, видного представителя конвенционализма. Дюгем занимался исследованием национальных тенденций в мировой науке. В работе «Немецкая наука» (1915), интерпретируя историю физики, он выделял английскую (стремящуюся построить механические модели физических теорий), французскую (довольствующуюся чисто математической дедуктивной формой теории) и, наконец, немецкую (с ее тенденцией к абстрактной математической дедукции, то есть с установкой на полную формализацию знания) школы. Здесь нетрудно увидеть параллель мыслям Данилевского о склонности французов к созданию естественных систем в науке, а немцев — искусственных систем.

Данилевский признает, что результаты научного знания больше других сторон цивилизации являются достоянием всего человечества, но для того чтобы они появились, необходимо задействовать, позволим себе современный термин, особенности национального менталитета. Вот как это звучит у самого автора: «Плоды науки суть действительно достояние всего человечества в большей мере, чем прочие стороны цивилизации, которые в такой полноте не могут передаваться от народа к народу, особливо же — от одного культурно-исторического типа другому; но что самое произращение этих

плодов, то есть обработка и развитие наук носит на себе не менее национальный характер, чем искусство, народная и государственная жнзнь» [9, с. 132].

Данное положение применимо к области естествознания, но в еще большей степени оно относитея к сфере общественных наук. Ко второй половине XIX века национальная специфика политического и гражданского устройства признавалась большинством исследователей. По мнению Данилевского, оставалась лишь одна общественная наука, которая претендовала на универсальность своих положений — политическая экономия. Эта наука стремилась распространить выводы, сделанные в результате анализа развития английской экономики, на экономические отношения вообще. Но и она, указывал автор «России и Европы», не может претендовать на всеобщность, ибо английская экономика — уникальное явление, не повторяющееся в других странах.

В заключение интересующей нас главы Данилевский делает общий вывод: «Национальность менее всего проявляется в науках простых по своему содержанию или очень высоко стоящих по своему развитию, — в таких науках, к которым приложимы строгие методы исследования. Эти методы и составят препятствие проявлению народности или вообще индивидуальности в несколько значительной степени. Здесь роль народности ограничивается почти лишь способом изложения и выбором методы исследования, если таких приложимых метод несколько. Роль народности в науках увеличивается по мере усложнения предмета, не допускающего введения точной и строгой методы. Если наука эти не принадлежат к разряду наук общественных, то причина национального характера, который они могут и должны принимать, зависит от особенности психического строя каждой народности, в особенности же каждого культурно-исторического типа. Наиболее же национальный характер имеют (или, по крайней мере, должны бы иметь для успешности своего развития) науки общественные, так как тут и самый объект науки становится национальным» [9, с. 135].

Американский исследователь А. Вучинич характеризует Н. Я. Данилевского как социолога науки [140, с. 98–111]. В этом с ним соглашается наш соотечественник, К. В. Султанов [125, с. 270]. Данное положение, несомненно, верно, особенно если признать Данилевского первым социологом науки на русской почве. Но, как нам представляется, автор «России и Европы» сделал больше, чем просто социологический анализ науки. В своих работах Данилевский

разрабатывал социально-психологические и даже антропологические аспекты развития научного знания.

Как мы помним, Данилевский, будучи выдающимся специалистом в ряде областей биологии, занимал ярко выраженную антидарвинистскую позицию. Показательно, что он не побоялся выбрать объектом критики концепцию, которая очень быстро обрела многочисленных адептов и превратилась в одну из «священных коров» европейского сциентизма. Данилевский понял, что теория эволюции — не столько биологическое, сколько философское (или идеологическое) учение. Дарвинизм, по его словам, оказывается «куполом на здании механического материализма». Антителеологизм, лежавший в основании дарвиновской концепции, делает нелепость, бессмысленность, случайность единственными господами мира и природы. Оценив теоретические и практические последствия торжества эволюционной теории, русский ученый оказался в числе наиболее последовательных критиков дарвиновского эволюционизма.

Яростными пропагандистами антидарвиновской концепции выступили также Н. Н. Страхов и В. В. Розанов. Данное обстоятельство далеко неслучайно, оно неразрывно связано с теоретическими и ценностными установками этих мыслителей. Выдающийся русский историк науки, В. П. Зубов, писал: «Показательно и знаменательно, что защитники организма были одновременно антидарвинистами и антиэволюционистами. Спор Страхова по поводу "Дарвинизма" Данилевского достаточно известен. Иначе и быть не могло: органические виды, замкнутые и не переходящие друг в друга, находят свою параллель в замкнутых "культурно-исторических типах" и национальных организмах» [89, с. 128].

Вместе с тем, указывал Данилевский, дарвиновская концепция неслучайна, причем речь идет не только о логике развития биологии. Эволюционная концепция имеет свои глубинные корни на родине ее создателя, четко вписывается в определенный социокультурный контекст. В шестой главе «России и Европы» Данилевский называл Дарвина выразителем типично английского воззрения на мир, характеризующегося либерализмом и идеей конкурентной борьбы. В этом отношении воззрения великого натуралиста находят параллель в концепции государства Т. Гоббса и политэкономии А. Смита[2].

Таким образом, идеи Данилевского — не только философско-исторические, но и научные, продолжали вызывать дискуссии

[2] К этой теме мы еще вернемся в соответствующей главе.

много лет спустя после его смерти. Помимо того, что автор «России и Европы» стал родоначальником отечественной социологии науки, он, наряду с другими представителями позднего славянофильства (Н. Н. Страховым, К. Н. Леонтьевым, В. В. Розановым) также внес значительный вклад в анализ антропологических аспектов научного знания. Именно антропологический смысл научных знаний, как утверждает В. И. Стрельченко, представляет особую важность в рамках современной философии науки [124, с. 14].

Данилевский дал блестящий образчик социально-психологического и даже антропологического подхода к истории науки, акцентпруя внимание на субъективной стороне научного познания. Действительно, если серьезно подходить к истории науки, то важно не только «что» и «как», но также «кто», «где» и «когда» совершил то или иное открытие. Речь ндет о социокультурных аспектах науки, которые стали предметом серьезного исследования уже в XX веке [80, с. 174]. Можно сказать, что Данилевский и Страхов выступили в роли своеобразных первопроходцев в этом сложном и таком важном деле.

Глава 2

ДАРВИНОВСКАЯ ТЕОРИЯ ЭВОЛЮЦИИ И ЕЕ СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕЛОМЛЕНИЯ

Вся история — это история борьбы…

К. Маркс

В 1859 году был опубликован знаменитый труд Ч. Дарвина — «Происхождения вндов путем естественного отбора или выживание благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь». Дарвиновское произведение, сразу ставшее интеллектуальным бестселлером XIX века, произвело неизгладимое впечатление на современников, которые увндели в нем не только эпохальный труд по одному из разделов естествознания, но и сочинение, произведшее настоящий мпровоззреический переворот. Без преувеличения, «Происхождение видов» можно назвать главной научной книгой XIX столетия.

Многие из первых читателей восприияли ндеи, выдвинутые в этой работе Дарвина, в качестве противовеса наиболее влиятельным направлениям в понимании феномена жизни — креационизму и финализму. Креационистский подход, исходивший из ндеи божественного творения мпра и человека, господствовал в европейской культуре на протяжении полутора тысяч лет. Говоря о финализме, мы имеем в внду метафизические трактовки происхождения жнзни, господствовавшие в додарвиновской науке. Подобным учениям английский натуралист противопоставил концепцию развития природы и выявил механизмы этого самого развития — измеичивость, наследственность, борьбу за существование, естественный отбор.

Дарвиновское учение возникло не на пустом месте, а увенчало целую серию попыток объяснить феномен природного развития,

характерных для европейской науки первой половины XIX века. А. В. Михайлов указывал, что «эволюционная теория возникла не сразу: до 1832 г., то есть до смерти Гете, насчитывают чуть ли не 130 сугубо частных попыток мыслить развитие животного мира эволюционно. Дата смерти Гете символична; этим годом можно условно обозначить конец прежней естественной истории — как раз такой, для которой "истории" в привычном нам слове не существовало. "Эволюция" есть, собственно, развертывание, разворачивание чего-либо из своего начала — так что эволюционная теория переосмысливает не только историю жнвотного мпра, но и само слово "эволюция". Теперь это — развитие, от низшего к высшему, во времени; а раньше — тоже, конечно, не сутолока случайных, никак не связанных между собой живых форм, а их взаимосвязь во вневременном логическом становлении. <…> Таковы два принципа естественной науки: один вертикальный, когда мпр рассматривается как единая смысловая иерархия, принцип науки до начала XIX века. Условно говоря — до смерти Гете и конца натурфилософии; другой — горизонтальный, и это принцип науки XIX века, принцип реалистически мыслящей науки XIX века» [107, с. 22].

Публикация главного труда Дарвина многими исследователями рассматривается в качестве второго переворота в области естествознания, сравнимого по своей значимости с появлением гелиоцентрической концепции Коперника. Действительно, если Коперник и его новоевропейские последователи изменили представление о пространственном порядке мира, то концепция Дарвина радикально пересмотрела временной порядок последнего. Кроме того, теория эволюции обосновывала автономность и даже самодостаточность науки, которая, как казалось Дарвину и его адептам, окончательно становилась на ноги, объяснив закономерности не только неорганического (физическая концепция Ньютона), но и органического мпра.

Позволим себе привести сопоставление мировоззреических аспектов теорий Ньютона и Дарвина, принадлежащее американскому биографу последнего: «Закон тяготения относится к механике и — поскольку в конечном счете философы не могут удержаться от сравнений — означает, что вселенная есть механизм. Закон эволюции касается жнвых существ и, соответственно, означает, что вселенная есть организм. Тут пока преимущество, пожалуй, на стороне Дарвина: живая вселенная в большей степени, чем неживая, предполагает теплоту, родство, общность — проще говоря, божество.

Но, с другой стороны, где есть механизм, там требуется и механик, в то время как организму, казалось бы, не требуется ничего, кроме пищи и воды. Механизм может быть совершенным, меж тем как эволюции необходимо быть несовершенной, дабы во исполнение людских надежд ндти вперед к совершенству… Наконец, дарвиновское истолкование эволюции механистично, но в нем отсутствуют почтительные намеки на творца, создавшего этот механизм. Естественный отбор представляет собой не гармонию, но столкновение и борьбу, и совершается не по математически точным расчетам некой невидимой силы, но, как нетрудно убедиться, нутем грубого и произвольного отбора изменений, осуществляемого внешней средой. Дарвин обосновал романтическую концепцию Шеллинга о прпроде как едином организме, и, как казалось многим, обосновал ее атеистически, в понятиях слепых случайностей и нетелеологического механизма» [91, с. 121–122].

В «Происхождении видов» антропологическая тематика не затрагивалась, но в 1871 году вышла другая важнейшая книга. Дарвина — «Происхождение человека и половой отбор», где уже не только представители животного мира, но и человек рассматривался в качестве продукта естественного отбора. Цепь, таким образом, была замкнута — все сущее было описано и объяснено посредством языка науки. Так, по крайней мере, положение вещей виделось современникам великого натуралиста.

Учитывая место естествознания в духовной ситуации XIX столетия, можно говорить о влиянии эволюционной теории на всю систему знания. Характеризуя данное влияние, В. В. Розанов в статье «Теория Чарльза Дарвина, объясияемая из личности ее автора» (1896) писал, что создатель теории эволюции «принадлежит к числу немногих в истории умов, которые печать своего мышления успели наложить на целую эпоху. Он не только сообщил новое и неожиданное движение наукам, которым специально посвятил себя, но методом этих наук, им открытым, заразил и другие отдаленнейшие отрасли знания, которых никогда не касался прямо — историю, этику, эстетику» [33, с. 33]. Значение дарвиновской концепции, таким образом, вышло далеко за рамки науки. Она охватила и те области, которые в философии второй половины XIX — начала XX века было принято описывать в категориях ценностей. Как нам представляется, именно это обстоятельство придало учению Дарвина то уникальное место, которое оно продолжает занимать и в современном мпре.

Естественно, что эволюционная теория не могла пройти бесследно и для социально-политических концепций интересующей нас эпохи. Очень быстро между различными направлениями общественной мысли началась борьба за право подвести под свои положения естественно-научные основания, и дарвиновское учение играло в ней весьма существенную роль. Следует заметить, что данная борьба носила весьма ожесточенный характер: на первом этапе она велась на страницах многочисленных статей и книг, а уже в XX веке приняла форму столкновения наиболее влиятельных идеологий, так или иначе апеллировавших к идеям создателя эволюционной теории.

Показательно, что в самый разгар Второй мировой войны Г. Бенн назвал Дарвина, наряду с Гегелем и Ницше, одним из главных виновников грандиозного кровопролития. Данную мысль он высказал в работе «К вопросу об истории» (1943). В ней Бенн писал, что учения этих мыслителей стали действительной причиной гибели многих миллионов людей. Слова преступнее любого убийства, указывал выдающийся немецкий поэт и эссеист — за мысли расплачиваются герои и толпы. В таком виде обвинение в адрес Дарвина, равно как и двух столпов философии XIX столетия, разумеется, принято быть не может, но, как говорится, дыма без огня не бывает. Держа в уме все эти характеристики, попытаемся проследить влияние теоретических установок автора эволюционной теории на социально-антропологические и политические дискурсы интересующего нас периода[3].

Отечественному читателю, изучавшему диамат и истмат, хорошо известны высказывания классиков марксизма-ленинизма, рассматривавших учение Дарвина в качестве естественно-научной основы разработанного ими учения. Уже в письме Ф. Лассалю от 16 января 1861 года К. Маркс указывал на дарвиновское «Происхождение видов путем естественного отбора» как на естественно-научную основу понимания классовой борьбы. В своих воспоминаниях

[3] Все эти сюжеты, особенно в том преломлении, которое они получили в нацистской идеологии, наложили свой отпечаток на восприятие дарвиновской концепции после Второй мировой войны. Вспомним, что Дарвин и его учение были едва ли не главными авторитетами для Гитлера. Как указывают немецкие историки науки, «понятие “дарвинизм” после Второй мировой войны в англоязычных странах напоминало о нацистской идеологии. В Германии в это время намеки на принципы дарвиновской теории — естественный отбор и борьбу за существование — также были неуместными» [136, с. 142].

В. Либкнехт отмечал символичность выхода «К критике политической экономии», в предисловии к которой содержнтся классическая формулпровка материалистического понимания истории, в один год с дарвиновским «Происхождением вндов», а также то, что Маркс интересовался работами великого натуралиста еще до нубликации его главного труда.

В работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1886) Ф. Энгельс говорил о трех главных открытиях, определивших развитие естествознания XIX века. Речь у него шла об открытии клеточного строения растений и животных, учении о сохранении и превращении энергии и, наконец, теории эволюции, которая оказалась неразрывно связанной с именем Дарвина. Все эти достижения, согласно Энгельсу, разрушили механистические представления о мпре и превратили диалектику в наиболее важную форму мышления для современного естествознания. Он и сам стремился опереться на эволюционную теорию, обратившись к проблеме происхождения человека. Развивая концепцию общего корня человека и высших приматов, выдвинутую Дарвином, Энгельс написал работу «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (1876, опубликована посмертно — в 1896 году). В ней автор провозгласил труд решающим фактором, определившим эволюционное превращение нашего древнего предка в современного человека. Трудовая деятельность, на взгляд Энгельса, оказала определяющее воздействие на возникновение и развитие сознания, языка, культуры. Именно благодаря труду, указывал он, человек превратился в социальное существо, создающее различные формы культуры.

Выступая в 1883 году на похоронах Маркса, Энгельс отметил, что «подобно тому, как Дарвин открыл закон развития органического мпра, Маркс открыл закон развития человеческой истории…» [23, Т. 6, с. 85]. Нечто подобное утверждал и молодой В. И. Ленин в работе «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократии» (1894): «Как Дарвин положил конец воззрению на внды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, “богом созданные” и неизмеияемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними, — так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивндов, донускающий всякое изменение по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и измеияющийся случайно,

и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс» [21, Т. 1, с. 12].

На протяжении десятилетий данные утверждения принимались у нас без всяких оговорок. Дело, между тем, обстояло далеко не так просто[4]. Очень скоро на дарвиновское наследие, помимо марксистов, стали претендовать и представители враждебных им социально-политических концепций — социал-дарвинисты и сторонники расовой теории. В данной связи завязалась ожесточенная полемика, в ходе которой началась ревизия некоторых положений учения Дарвина. Так, Энгельс заявлял, что у великого английского натуралиста он принимает саму теорию развития, но способ доказательства данной теории, предложенный Дарвином (борьба за существование, естественный отбор), был объявлен классиком марксизма несовершенным и временным. Энгельс справедливо указывал, что положение эволюционной теории о прогрессивном значении борьбы за существование является перенесением из общества в область жнвой природы положения Т. Гоббса о «естественном состоянии» как борьбы всех против всех, а также мальтусовской концепции народонаселения. Попытки использовать дарвиновскую концепцию для обратного распространения закономерностей, присущих прпродной реальности, на реальность общества, Энгельс находил «наивными» — весьма показательно в этом отношении его письмо П. Л. Лаврову от 12–17 ноября 1875 года [23, Т. 6, с. 490–493][5].

---

[4] Еще в 1931 году в журнале «Нод знаменем марксизма» было опубликовано нисьмо Дарвина Марксу. В нем англнйский ученый отказался от нреднолагавшегося носвящения ему одного из томов «Канитала» [14, с. 275].

[5] Эта мысль ночти дословно воснроизводится в нодготовительных материалах к «Диалектике нрироды», над которыми Ф. Энгельс работал в 70–80-е годы [23, Т. 5, с. 622–624]. Ноказательно, что современные либеральные авторы, ведущие на страницах своей книги нолемику с марксизмом, но сути дела новторяют аргументацию Энгельса но даниой нроблематике: «Нельзя обойти молчанием так называемый социал-дарвинизм как ноныткy узаконить борьбу за существование в обществе (своего рода объяснение классовой борьбы) и даже обосновать тезис о расовом нревосходстве. Ясно, что этн незаконные экстраноляцни не имеют ничего общего с научными выводами» [115, с. 235]. Это нритом, что двумя страницами ранее Д. Реале и Д. Антисери нриводят собственное нризнание Ч. Дарвина о том значении, которое для формирования эволюциониой теории имела концепция Т. Мальтуса.

Таким образом, существеннейший элемент теории эволюции оказывался для Энгельса неприемлемым. Между прочим, сам Ч. Дарвин признавался в «Автобиографии», что именно случайное знакомство со знаменитой книгой Т. Мальтуса «Опыт о законе населения» (1798) навело его на мысль — причиной отбора в природе является совершающийся в громадных размерах процесс истребления менее совершенных существ. Даиное обстоятельство, по мнению Мальтуса, является результатом общего закона, гласящего — организмов нарождается несравненно больше, чем способно выжить («Рост народонаселения, если его не остановить, будет увеличиваться в геометрической прогрессии, а ресурсы могут возрасти только в арифметической прогрессии»). Как указывал в своем главном труде Дарвин, его собственная концепция — это «учение Мальтуса, с еще большей силой примененное ко всему животному и растительному миру, так как здесь невозможно ни искусственное увеличение пищи, ни благоразумное воздержание от брака» [15, с. 67][6].

Неслучайно, что не только Энгельс, но и многие представители русской мысли пытались сгладить те выводы, которые из эволюционной теории делали сторонники распространения идей Дарвина на социальную среду, являвшиеся главным объектом критики классика марксизма в приведенном выше письме Лаврову. Любопытно, что в этом сходились представители диаметрально противоположных лагерей — почвенники и революционные демократы, поздние славянофилы и народники. Достаточно назвать имена Н. К. Михайловского, В. В. Розанова, Н. Н. Страхова, Л. Н. Толстого, К. Д. Ушинского, Н. Г. Чернышевского. Особенно показательны в этом отношении книга Н. Я. Данилевского «Дарвинизм. Критическое исследование», в которой автор представил наиболее весомые аргументы против учения выдающегося натуралиста, а также труд П. А. Кропоткина «Взаимная помощь среди людей и жнвотных как двигатель прогресса» (1902), где выдающийся теоретик анархизма противопоставлял фактор альтруизма дарвиновскому принцину борьбы за существование.

---

[6] Нреломление мальтузианства в дарвиновской конценции эволюцни было очевидно и наиболее нроннцательным исследователям. Достаточно всномнить О. Шпенглера, который отметил даниое обстоятельство в нервом томе «Заката Евроны» (1918): «Дарвин нереиначил идеи развития XVIII века нолитэкономическими тенденцнями, которые он нозаимствовал у своего учителя Мальтуса и снроецировал на царство высших животных видов» [63, с. 562].

Даже такой апологет дарвинизма как К. А. Тимпрязев резко выступал против социально-политических преломлений эволюционной теории («Чарльз Дарвин и его учение», 1883).

Под названием «социальный дарвинизм» фигурпрует влиятельное направление в социологии второй половины XIX — начала XX века, пытавшееся объяснить закономерности развития общественной жнзни биологическими законами естественного отбора и борьбы за существование. Нужно заметить, что данное течение было весьма неоднородным по своей идеологической и социально-политической ориентации. Среди социал-дарвинистов мы находим и консерваторов, делавших упор на стихийных элементах развития общества (Г. Спенсер), но также и стороиников социальных реформ (А. Смолл); авторов, доказывавших необходимость сохранения социального неравенства (Л. Гумплович, У. Самнер) и их противников, отвергавших это неравенство (М. Ваккаро, Э. Ферри).

Одним из наиболее ярких представителей интересующего нас течения был Эрнст Геккель (1834–1919) — выдающийся немецкий ученый и понуляризатор естествознания, в частности дарвиновской концепции. Измеичивость вндов он понимал как результат взаимодействия между приспособлением и наследственностью, причем приспособление интерпретировалось в качестве движущей силы изменения, а наследственность — сохраняющей стороны. Продолжая традиции органицистекой теории, выдающийся естествоиспытатель мыслил общество по аналогии с биологическим организмом. Разделение общества на классы Геккель рассматривал как результат естественного отбора, а классовая борьба интерпретировалась как разновидность борьбы за существование. Улучшение функционирования общественного организма, указывал немецкий ученый, во многом связано с углублением наших знаний в области биологии и антропологии.

Еще один показательный для характеристики ндейных воззрений Геккеля момент — он отдал значительную дань расовой концепции. Представители примитивных народов, указывал немецкий ученый, скорее подобны обезьянам и другим высшим млекопитающим, чем культурным европейцам. Культура и более высокое развитие интеллекта, делающее людей способными к культуре, является достоянием лишь высшей расы — представителям низших рас они несвойственны. Следовательно, утверждал Геккель, нельзя оценивать жизненную значимость разных рас одной меркой. Понятно, что подобная аргументация служила обоснованием колониальной

политики ведущих западных стран, придавала статус научности их притязаниям на управление мпром, которое к концу XIX века стало свершившимся фактом. Геккель, в частности, оправдывал политику Германии в ее африканских владениях.

Подводя промежуточные итоги, отметим, что общим для социал-дарвинистов было использование в социологии и ндеологии принципов, выдвинутых Дарвином, распространение данных принципов на социальную реальность. Место прпродных организмов, фигурирующих в эволюционной теории, занимают различные социальные группы — расовые, этнические, культурные, сословные и т. п. Теоретики социального дарвинизма полемизировали с концепциями, рассматривающими общество как гармоническое целое, делали упор на противоречивом, конфликтном характере общественного развития. К. Марксу принадлежнт формула, которая, на наш взгляд, выражает суть самых влиятельных социально-политических и антропологических концепций XIX века: «Вся история — это история борьбы». Под ней, несомненно, подписались бы все идеологические течения, претендовавшие на адекватное толкование дарвиновской теории, а также экстраполировавшие ее положения на социально-политическую реальность.

Понятно, что в этом аспекте обнаруживаются определенные точки пересечения между представителями социал-дарвинизма и марксистами. В жизни господствует борьба рас и классов, из этой борьбы вытекает господство одних элементов над другими — утверждали как представители социал-дарвинизма, так и марксисты. Наличие общих моментов, однако, не делало их отношение друг к другу менее враждебным, скорее наоборот. Полемика вокруг дарвиновского наследия и правомерности его применения к социальной реальности между рассматриваемыми нами учениями носила весьма ожесточенный характер — как в конце XIX, так и на протяжении практически всего XX века.

Активнейшее участие в данной полемике приияли авторы, развивавшие расовую теорию. В этой связи необходима небольшая историческая справка. После Второй мировой войны расизм был объявлен преступной теорией, ответственной за чудовищные злодеяния нацистов. Интересующая нас концепция попала в разряд табуизированных — в эпоху политкорректности о ней приято говорить исключительно в уничижительных тонах. Между тем в духовной ситуации Европы целого столетия (с середины XIX практически до середины XX века), она занимает вполне достойное место,

претендуя на научность. Во всяком случае, интересующая нас эпоха рассматривала расовую теорию в качестве дискуссионной концепции. Отсюда возникает методологическое требование, которым мы будем руководствоваться в дальнейшем изложении: осмыслять расовую теорию в контексте эпохи, ее породившей, не отвлекаясь на те эксцессы, с которыми она ассоциируется в массовом сознании. Тем более, что эти эксцессы часто были результатом произвольной трактовки интересующего нас учения.

Разумеется, следует помнить, что практика расизма значительно старше, чем его теория. Подобной практике, так или иначе, отдали дань древние греки (здесь, впрочем, следует напомнить читателю об учениях Феогнида и Аристотеля — особенно последнего, исходившего из принципиального различия между эллинами и варварами). В XV–XVI веках европейские колонизаторы своеобразно интерпретировали библейский миф о Ное и его сыновьях. Исходя из него, утверждалось, что благочестивый и любимый Богом Яфет — родоначальник белых людей, призванных господствовать над всеми остальными; Сим — основоположник желтой расы; отверженный же Хам — прародитель черных, которые должны в наказание за его прегрешение находиться в рабстве у белых. Неудивительно, что подобные рассуждения служили идейной базой для оправдания работорговли и эксплуатации представителей цветных рас. Данная концепция практически без изменений сохранялась на протяжении нескольких столетий — вплоть до середины XIX столетия, когда под учение о неравенстве рас начинают подводить научные основания.

Создателем расовой теории считается граф Жозеф Артюр де Гобино — автор четырехтомного «Опыта о неравенстве человеческих рас», увндевшего свет в 1853–1855 годах. Французский мыслитель превратил проблему различия рас в предмет подробного исторического исследования. Белую расу и германский элемент — ее основу, Гобино объявил главной творческой силой истории, способной создавать и развивать культуру в высших ее проявлениях. Выполняя свою миссию, белая раса вынуждена вступать в контакты с другими расами, что ведет к расовому смешению и, в конечном итоге, к деградации. Развивая данную концепцию, Гобино стремился осуществить синтез гуманитарных и естественных наук, что послужнло бы мощным подспорьем в деле изучения расовых отличий и их влияния на историческое развитие человечества. Разумеетея, в полной мере французскому исследователю это не удалось —

он, например, отрицательно отнесся к учению Дарвина, хотя последователи расовой теории из числа французских и немецких интеллектуалов рубежа XIX–XX веков будут постоянно апеллировать именно к эволюционной концепции.

Для того чтобы понять теоретические и психологические основания расовой концепции Гобино, необходимо совершить небольшой экскурс в историю. Некоторые ндеи, высказанные графом де Гобино, имели хождение в рамках французской историографической и политической традиции еще за три века до выхода в свет его фундаментального исследования[7]. Речь, в первую очередь, идет о германистской теории происхождения французского дворянства, высказанной впервые Ф. Отманом в памфлете «Франкогаллия» (1573). Данное произведение было направлено против притязаний французского абсолютизма, в защиту политической программы гугенотской знати. Выдающийся памфлетист противопоставлял произволу нарождавшегося абсолютизма, стремившемуся подчинить себе все традиционные институты, исконную франкскую свободу. Ее защитниками, по мнению Отмана, выступали прямые потомки франков — представители французского дворянства. При этом автор «Франко-Галлии» ссылался на большое значение сословного представительства, то есть все той же нордической аристократии, во Франции XIV–XV веков.

В 1664 году германистскую теорию будет отстаивать аббат Ле Лабурер, которому пэры Франции поручили выяснить исторические основания их современного общественного положения. Аббат обнаружнл истоки появления аристократии в победе франков, покоривших Галлию и по праву завоевателей установивших в ней свои порядки. В дальнейшем представители аристократии, наряду с королем, управляли доставшейся им в качестве военного трофея страной, — указывал Ле Лабурер. В XVIII столетии данная теория защищалась такими выдающимися теоретиками, как герцог де Сен-Симон, граф де Буленвилье и Монтескье. Показательно, что «германизм» этих авторов можно характеризовать и как расистский — в смысле поддержки привилегий, базпрующихся на праве завоевании,

[7] Краткнй разбор концепций нредшественников графа де Гобино дает Г. Гюнтер в работе «Нордическая идея», опубликованной в 1925 году [79, с. 77–80]. Онределенный материал, носвященный нредысторни расовой концепции, содержится также у Р. Арона в книге «Этаны развития социологической мысли» [67, с. 82–83].

и как либеральный, ибо он стремился к ограничению претензий монархии на абсолютную власть.

Можно вспомнить, что Монтескье с нескрываемой симпатией относился к английской конституционной монархии (в ту эпоху либеральной, но вовсе не демократической), однако, назвать его конституционалистом в строгом смысле нельзя. Будучи представителем провинциальной аристократии, урезанной французским абсолютизмом в своих правах, и президентом парламента города Бордо («дворянство мантии»), он считал необходимым существование властных структур, которые сдерживали бы неограниченную власть короля. Естественно, что опорой «посредующих властей», по мнению автора «О духе законов», должны были служить привилегированные сословия — духовенство и, в первую очередь, дворянство. Таким образом, можно констатировать, что среди оппонентов абсолютизма в эпоху Просвещения мы видим не только представителей буржуазии, но и идеологов аристократии, которые использовали при этом аргументацию расистского толка.

Споры по данному вопросу продолжились в годы Великой французской революции. Аббат Сиейес, выражавший интересы буржуазии, в пылу полемики даже заявил: «Почему бы третьему сословию не отправить в леса Франконии все эти семьи, которые сохранили ненормальную претензию на принадлежность к расе завоевателей» [67, с. 82]. По мере развития революции многим из представителей французской аристократии пришлось отправиться даже дальше, чем их направлял идеолог третьего сословия. Не утихали дискуссии по интересующей нас проблеме и в годы Реставрации. В 1814 году граф де Монлозье выпустил книгу «О французской монархии со времени ее установления до наших дней». В ней, в частности, признавая социальные изменения, произошедшие в результате революции, де Монлозье отстаивал превосходство традиционной аристократии. Он предложил германистскую теорию в качестве официальной идеологии режима Реставрации.

Ответом де Монлозье послужили работы Ф. Гизо и О. Тьерри, в которых французская история интерпретировалась как история борьбы и победы буржуазии — потомка некогда порабощенных романских предков, над дворянством — потомком германских завоевателей (см. книгу О. Тьерри «О преобразовании европейского общества», увидевшую свет в 1814 году, и книгу Гизо «О правительстве во Франции до Реставрации и о современном министерстве», опубликованную в 1820). Таким образом, германистская теория

представлялась очевндной не только аристократическим теоретикам, но и их оппонентам, выражавшим интересы буржуазии. Только буржуазные идеологи делали из этой теории прямо противоположные выводы, призванные обосновать господство победившего в результате нескольких революций класса.

Естественно, что подобные концепции бытовали не только во Франции, но и в других европейских странах. Вот что писал по этому поводу русский консервативный мыслитель XIX века, генерал Р. А. Фадеева, в книге «Русское общество в настоящем и будущем (Чем нам быть?)» (1874): «Все французское дворянство поголовно (кроме судебного, жалованного королями) и почти все немецкое — ведут свой род от племени франков, покоривших ту и другую страну; английское от норманнов; испанское от вестготов; итальянское от смеси франков, лангобардов, остготов; польская шляхта происходит также от завоевателей, по всей вероятности, не норманнов, как старался доказать Шайноха, а от остатков аварской орды, поглотившей привислянских славян. <…> Дворянство на Западе никогда не мешалось с народом, так что Французская революция была буквально восстанием галлов против немецких завоевателей, владевших ими почти полторы тысячи лет и лежавших над ними, как слой масла над водой, не сливаясь. Течение веков уменьшало постепенно привилегии западных дворянств, но до сего дня нисколько не ослабило непереходимости кастовой грани» [52, с. 493–494].

Во второй половине XIX века французский ученый Жорж Ваше де Лапуж (1854–1936) разрабатывает принципы антропосоциологии — науки, стремящейся установить причинную связь между социальными явлениями и биологическими расовыми факторами. Этой проблематике были посвящена его работа «Социальный отбор» (1896), а также труд под характерным названием — «Ариец и его социальная роль» (1899). Ваше де Лануж испытал сильное влияние теории эволюции и евгенической концепции Ф. Гальтона. При этом французский аристократ, носивший титул маркиза, выступал в качестве резкого противника «негативной евгеники» (уничтожение или стерилизация нежелательных элементов), предпочитая ей евгенику «позитивную».

Как мы уже могли убедиться, в марксистской и либеральной литературе принято отмахиваться от связей между социальными и биологическими факторами, а также упрекать расовых теоретиков в смешении разных уровней объяснения. Между тем теоретики

расизма исходили из простой истины: человек — существо, имеющее не только социальную, но и биологическую, в том числе расовую, составляющую. Отвергать данное обстоятельство, значит, возвращаться к дуализму, причем даже не платоническо-христианского, а скорее манихейского толка. В условиях современного экологического кризиса закрывать глаза на биологические аспекты человеческого существования — преступно, а потому антропологические концепции, делавшие данные аспекты объектом пристального изучения, должны в любом случае приниматься во внимание. Само собой разумеется, что это требование относится и к концепциям, рассматриваемым в данной главе.

Новую жнзнь расовая концепция получила в конце XIX столетия уже на другой почве — в Германии, где культурно-историческая концепция графа Гобино была соединена с дарвиновской эволюционной теорией, особенно в ее социал-дарвинистском варианте, послужив основой для учений Х. С. Чемберлена, О. Аммона, Л. Вольтмана и целого ряда других мыслителей. Здесь выявились и определенные различия между двумя национальными традициями, при изучении которых также необходимо учитывать исторические аспекты. Французские авторы предшествующих этапов, как правило, основывали свои положения на исторических преданиях. Немецкие теоретики интересующего нас периода начали подводить под них данные биологии, в том числе и эволюционной концепции Дарвина, статистики, а также нарождающейся антропологии, получившей основательное развитие в духовной ситуации XIX века. При этом немецкие расовые теоретики могли апеллпровать не только к авторитету французских авторов, будь то Монтескье или Гобино, но и к идеям своего гениального земляка — Гете.

Нельзя забывать, что великий поэт и естествоиспытатель был принципиальным сторонником полигенизма, то есть учения о том, что человеческие расы не имеют общего происхождения, возникли независимо друг от друга. Понятно, что на определенном этапе развития науки данное учение было направлено против господствующего религиозного мировоззрения. В одной из бесед, отвергая библейский миф о происхождении человечества от одной пары прародителей, Гете указывал: «Я…утверждаю, что природа неизменно щедра, более того — расточительна, и она, безусловно, не ограничилась одной несчастной парой, а стала дюжинами, сотиями даже производить людей. <…> В Священном писании, правда, говорится лишь об *одной* человеческой чете, которую бог создал в шестой день

творения. Но те люди, что записали слово божие, возвещенное нам Библией, прежде всего подразумевали свой избранный народ, посему не будем оспаривать честь его происхождения от Адама. Но мы, прочие, равно как негры и лапландцы и те стройные люди, что всех превосходят красотою, несомненно, имели других прародителей» [64, с. 258][8].

Вернемся, однако, к авторам конца XIX — начала XX века. В 1891 году Отто Амон (1842–1916) издает монографию «Дарвинизм против социал-демократии», где прямо противопоставляет теорию эволюции марксистской концепции, доказывая их несовместимость. Аммон говорил о принципиальной неоднородности людей, выделяя четыре основных типа — сообразно интеллектуальным и антропометрическим характеристикам. В следующей работе, «Естественный отбор среди людей» (1893), он пытался синтезировать теорию эволюции и основные положения вейсмановской генетики. При этом полученные результаты немецкий автор стремился использовать для обоснования концепции общественного устройства.

Естественный отбор, с точки зрения немецкого антрополога, ведет к образованию сословий, которые есть закономерное порождение процесса развития любого общественного организма, а не пережиток варварских времен. Пока элита сохраняет свою расовую идентичность, общество процветает. Как только данная нденичность утрачивается, указывал О. Аммон, начинается социально-политическая и культурная деградация. Доказательство этого положения — история античных культур, которые переживали расцвет в те времена, когда их элиту составляли светловолосые и светлоглазые выходцы с Севера[9]. Однако после того как завоеватели стали

[8] Любонытно, что несколько десятилетий снустя теорию нолигенизма ноддержал в работе «Человек и его место в нрироде» и К. Фохт — нодлинный создатель теории нроисхождения человека от обезьяны. Нризнание человеческих рас отдельными видами было необходимо знаменитому теоретику «вульгарного материализма» для онровержения библейского учения о нроисхождении человечества от исходной «корневой нары» [114, с. 69].

[9] Данный аснект нодчеркивал также Ф. Ницше, которого его современные толкователи нревращают в борца с национальными и расовыми нредрассудками, а то и в нредшествениика современной идеологии нолиткорректности. Тексты немецкого философа свидетельствуют о нрямо нротивоноложных установках их автора. Нанример, выявляя в работе «К генеалогии морали» (1887) нервоначальное значение этических характеристик в индоевронейских языках, он указывал на их расовые истоки. «Дурной», но мнению Ницше, изначально обозначало темнокожих и черноволосых аборнгенов — в нротнвоноложность блондинам-завоевателям

смешиваться с темноволосыми туземцами медленно, но верно наступала эпоха деградации — указывали сторонники расовой теории. В античности эта деградация приобрела необратимый характер после издания в 212 году знаменитого эдикта императора Каракаллы, установившего общее гражданство для всего свободного населения Римской империи — независимо от этнической и расовой принадлежности.

Нечто подобное можно утверждать и относительно Ancien Regime в Европе, который был формой господства политических элит, имевших несомненное германское (нордическое) происхождение. Базируясь на данной установке, теоретики интересующего нас направления указывали, что «все европейские цивилизации, также в славянских и романских странах, есть продукт германской расы» [3, с. 403]. Крушение этого порядка в результате целой серии революций, прокатившихся по Западной Европе в конце XVIII — первой половине XIX века, положило конец господству подлинных элит, имевших историческое право и расовую предрасположенность к управлению. Здесь, впрочем, расовые теоретики могли бы скорее опереться не на дарвиновскую концепцию эволюции, но на «теорию вырождения», чьим наиболее яркими выразителями в интересующем нас временном промежутке были М. Нордау и Ч. Ломброзо.

На смену аристократическим элитам пришел «массовый человек». Говоря о генезисе этого антропологического типа, необходимо вспомнить примечательный факт, впервые отмеченный выдающимся немецким социологом В. Зомбартом, также отдавшим определенную дань расовой теории. Речь идет о трехкратном возрастании населения Европы на протяжении XIX столетия. Данное обстоятельство является крайне важным для понимания социально-политической и культурной жизни Европы XIX — первой половины XX века. Старые институты, призванные социализпровать и просвещать новых членов общества, оказались к этому не готовы. Европа заполнилась массой едва социализированных индивидов, не способных к творчеству, но зато склонных к разрушению и самоистреблению. Результатом этого стали многочисленные социально-политические конфликты и две мировые войны, потрясшие европейскую цивилизацию. Глубинные основания этих потрясений, на взгляд

(«белокурым бестиям»). Так было в Индии, Греции, Риме и других странах, где воинственные арийцы подчинили себе автохтонное («цветное») население [27, Т. 2, с. 419–420].

сторонников расовой теории, кореиятся в нарушении вековых отношений между массами и управленческими элитами.

Впрочем, в начале прошлого столетия в сознании расовых идеологов царил оптимизм, позволявший еще одному видному немецкому теоретику, Людвигу Вольтману (1871–1907), ставить перед германской расой задачу мпрового господства. В книге «Политическая антропология», увидевшей в свет в 1903 году, он писал: «Германская раса призвана охватить земной шар своим господством, использовать сокровища природы и рабочей силы и включить пассивные расы как служебный член своего культурного развития». Немецкий автор отдавал себе отчет, что в борьбе за власть над мпром его соотечественникам придется выдержать «самую жаркую борьбу за существование», причем их главными соперниками будут другие представители германской расы [3, с. 408]. Руководствуясь подобными воззрениями, вожди и идеологи II Рейха претендовали на «достойное место» в мировом устройстве, а не получив его, пошли на развязывание мировой войны. Закономерным продолжением Первой мпровой войны стала Вторая мпровая война. Итог притязаниям своих соотечественников на мировое господство подводил Г. Бенн, чье мнение мы привели в начале этой главы.

Вернемся, однако, к теоретическим аспектам расизма. В основу исторических концепций Аммона, Вольтмана и других расовых теоретиков рубежа XIX-XX веков был положен принцип биологического детерминизма — в противоположность всевозможным идеалистическим построениям, равно как и марксистскому учению. Ключ ко всем проблемам мировой политики сторонники расовой теории находили в антропологии, которую они интерпретировали как биологическое и психологическое учение о человеке. Вот как данное положение звучит в уже приводившейся книге Л. Вольтмана: «*Человеческие расы... подчинены тем же общим биологическим законам изменчивости и унаследования, приспособления и подбора, внутривидового размножения и смешения, усовершенствования и вырождения, как все прочие организмы животного и растительного мира*» [3, с. 61–62][10].

---

[10] Следует папомнить тот факт, что Л. Вольтмап пачннал свою творческую деятельпость в качестве адепта марксизма, по в дальпейшем перешел па позицию сторонника расовой теории. Показательпо, что данная идейная метаморфоза пе прошла пезамеченной В. И. Лениным. В работе «Что делать?» (1902) оп подверг идейную метаморфозу бывшего единомышленника резкой критике [21, Т. 3, с. 50].

Для сторонников подобной точки зрения человек есть носитель определенных расовых признаков, которые затем реализуются в социальной и культурной жизни. Расовое начало на самом глубинном уровне предопределяет развитие истории человечества. Следовательно, необходимо изучение биологических законов, которые позволили бы сделать историю более предсказуемой, и даже в определенной мере управляемой, застрахованной от всякого рода социальных катаклизмов. Данные катаклизмы, по мнению адептов расизма, в значительной мере предопределены утратой идентичности, расовым смешением, которые на Западе стали результатом либерально-демократического развития.

Главное, указывали сторонники интересующего нас направления — наследование определенных свойств, которые делают людей способными к созиданию или, напротив, к деструкции. Важнейшее значение в этой связи расовые теоретики уделяли применению теории полового и искусственного отбора к людям, что, по их мнению, должно было служить основой для улучшения человеческого рода. Антропология выступала у адептов расовой теории в качестве своеобразной социальной терапии. При этом они не оставляли без внимания новейшие достижения в области биологии и родственных ей наук. Так, например, Л. Вольтман стремился дополнить дарвинизм генетической концепцией А. Вейсмана и теорией мутаций Г. де Фриза. Родственным образом мыслили и другие представители интересующего нас направления — О. Аммон, О. Фишер, Ф. Ленц, Г. Гюнтер, Г. Муккерман.

Отметим, что свой вклад в разработку учения о расах внес и наш соотечественник — Иосиф Егорович Деникер (1852–1918). Именно ему принадлежит классификация человеческих рас, ставшая классической. Очень важно отметить, что в работе «Человеческие расы», увидевшей свет в 1900 году (первый вариант классификации ученый опубликовал еще раньше — в 1889 году), Деникер впервые сознательно проводил принцип выделения антропологических типов исключительно по физическим признакам. Показательно, что даже Большая Советская энциклопедия, несмотря на ряд оговорок,

---

Значительную роль в интеллектуальной эволюции Л. Вольтмана сыграло понимание того факта, что дарвинизм имеет больше точек соприкосновения с расизмом, чем с марксизмом. Неслучайно, что главная книга немецкого расового теоретика имеет характерный подзаголовок — «Исследование о влиянии эволюционной теории на учение о политическом развитии народов».

вынуждена была признать, что «ни одна из последующих попыток классификации не получила такого широкого признания, как классификация Деникера» [83, с. 107][11].

Анализируя дискуссии второй половины XIX — начала XX века, можно констатировать, что теория эволюции получила поддержку со стороны различных социально-политических и антропологических концепций. Правда, степень обоснованности их претензий на адекватное истолкование данной теории была различной, что понимали и те авторы, которые достаточно быстро начали ревизию основных положений дарвиновского учения. При этом они либо отвергали некоторые положения эволюционной теории из идеологических соображений (в случае марксистских авторов), либо стремились соединить ее с новейшими на тот момент научными концепциями (расовые теоретики). Разумеется, в эти дискуссии вторгались и факторы иного порядка — в частности, решения Нюрнбергского трибунала, осудившего расовую теорию. Впрочем, пусть и под другими вывесками, данный спор продолжился в последующие десятилетия — достаточно вспомнить дискуссии вокруг социобиологии последней четверти XX века. Продолжается он в наши дни: упомянем хотя бы споры по этическим проблемам, возникающим в результате развития евгенических практик и клонирования[12].

[11] Следует заметить, что И. Е. Деникер является не только создателем классической классификации человеческих рас, но и автором термина «нордическая раса», сыгравшего такую неоднозначную роль в истории XX века. Разумеется, выдающийся антрополог не мог даже предположить, какие практические выводы из его концепции сделают идеологи немецкого национал-социализма. Некоторые соображения по данной проблематике см.: [72].

[12] О современных спорах по данной проблематике см.: [132]. Можно, кроме того, вспомнить сравнительно недавний скандал, вызванный отстранением от руководства международными работами по изучению генома человека Дж. Д. Уотсона (создателя модели пространственной структуры ДНК). Выдающегося американского генетика обвинили в расистских воззрениях, что еще раз продемонстрировало несомненную связь, существующую между определенными течениями современной биологии и расовой теорией.

Глава 3

ДАНИЛЕВСКИЙ CONTRA ДАРВИН (Интерпретация теории эволюции в трудах русского мыслителя)

> По огромному обилию фактов превосходно сгруппированных, по неотразимой логике, по чрезвычайному остроумию, по чисто научной строгости и полноте в постановке вопросов, труд Н. Я. Данилевского нужно причислить к самым редким явлениям во всемирной печати.
>
> *Н. Н. Страхов*

Слова Н. Н. Страхова, приведенные выше, взяты нами из его предисловия к «Дарвинизму» Н. Я. Данилевского [45, с. 42]. Как мы уже могли убедиться, самой популярной и влиятельной научной концепцией второй половины XIX века была эволюционная теория Ч. Дарвина. Она нашла множество сторонников и, как казалось ее адептам, объясняла закономерности развития органического мира. Тем не менее в научной среде образовалось направление, которое подвергло дарвиновскую теорию эволюции резкой критике. Эта критика выявляла слабые места в аргументации сторонников учения об эволюции, а также обозначила его опасные идеологические преломления. Работа Данилевского целиком вписывается в рамки данного направления.

Патриархом антидарвинизма на русской почве необходимо признать К. фон Бэра, с которым у Данилевского сложились отличные человеческие отношения и чьи теоретические установки он, несомненно, признавал. В отличие от Ч. Дарвина, К. фон Бэр придерживался в биологии принципа телеологизма. В «Истории биологии с древнейших времен до начала XX века» указывается, что К. фон Бэр

стал «лидером телеологического направления в эволюционизме», выступив в 1870-е годы с целым рядом работ, направленных против дарвиновской теории [92, с. 503]. Прпрода есть система целей — такова была установка российского академика. Поскольку дарвиновская теория не стыкуется с телеологией, она не может считаться подлинной[13].

К самой теории Дарвина отношение великого ученого было непростым. На каком-то этапе автор «Происхождения видов» и его единомышленники рассматривали Бэра в качестве союзника. Весьма показательно в этом отношении письмо, которое Дарвин отправил Т. Гексли 8 августа 1860 года. Творец эволюционной теории обращался к своему корреспонденту с просьбой: «Если Вы будете писать фон Бэру, скажите ему ради всего святого, что одобрительный кивок в нашу сторону имел бы для нас величайшее значение…» [14, с. 133]. Сам Бэр не спешил с однозначными выводами относительно знаменитой концепции. Ее наш соотечественник считал не более чем гипотезой. В конце концов, Бэр отверг ту трактовку эволюции, которую мы находим в работах Дарвина. Это было вполне последовательно, учитывая теоретические установки российского ученого.

В противоположность Дарвину, Бэр отстаивал понимание органического мира как результата развития, которое направляется к высшей цели. Соответственно, естественный отбор не может выполнять творческую роль. Ее выполняет «целеустремление» или «целестремление» (Zielstrebigkeit), как переводит данное понятие Данилевский. Оно исходит от единого духовного начала. Целестремление действует как на уровне эмбриогенеза, так и филогенеза. Приспособление организмов к условиям жизни есть результат целестремления — указывал великий биолог.

Показательно, что в «России и Европе» автор использовал понятие Бэра для обоснования собственной модели культуры. Философско-

---

[13] Говоря о телеологии в сфере биологии, необходимо учитывать две точки зрения. Одна из них была предложена Аристотелем и исходила из того, что целесообразность — объективная характеристика живых существ. Другая была сформулирована Кантом, который рассматривал целесообразность в качестве эвристической посылки. В науке, утверждал немецкий философ, необходимо каузальное понимание явлений природы, но поскольку в сфере изучения органических явлений трудно рассчитывать на появление Ньютона, то мы вынуждены использовать телеологические установки.

историческая концепция Данилевского находится в тесной связи с биологическими установками его учителя. У двух авторов целестремление понимается как имманентная идеальная сила, позволяющая внутренним структурным принципам разворачиваться в многообразие органических типов. Очень важно заметить, что Бэр четко различал свой принцип целестремления от субъективной целесообразности в человеческой деятельности. По большому счету, сходным образом дело обстоит и в философско-исторической концепции Данилевского[14].

Необходимо указать еще на одно обстоятельство, предопределившее негативное отношение Бэра к дарвиновской теории. Оно связано с самим характером научных занятий великого естествоиспытателя. Его биограф писал: «Проработав свои лучшие годы над эмбриологией, имея дело с развитием зародыша в яйце, которое происходит вполне закономерно, под влиянием цепи таинственных *внутренних* причин, совокупность которых мы привыкли называть *наследственностью*, Бэр естественно был склонен придавать особое значение именно внутренним причинам, управляющим развитием и жизнью организма и напротив мало, — вероятно слишком мало, — придавал значения взаимодействию организма с внешним миром» [97, с. 58].

Продолжая разговор об отличиях теоретических установок Бэра и Дарвина, отметим, что другой точкой расхождения двух великих биологов стала методология. Бэр отказывался признавать, что Дарвин и его последователи руководствуются научным методом. С его точки зрения их методология сродни натурфилософии, в рамках которой также развивались идеи эволюционистского толка. Кроме того, свои гипотезы дарвинисты склонны выдавать за доказанные факты, что с точки зрения подлинной науки абсолютно неприемлемо. Кстати, подобные же претензии предъявлял Дарвину и немецкий ботаник Альберт Виганд (1821–1886) — автор

[14] Одним из позитивных следствий дарвиновского учения Данилевский считал то, что «оно дает научное основание национализму в противоположность космополитизму. В самом деле, что такое национальность, как не накопившаяся через наследственность сумма физических, умственных и нравственных особенностей, составляющих характеристические черты народных групп — особенностей, которые кладут свой отпечаток на их политическую, промышленную, художественную и научную деятельность, и тем вносит элемент разнообразия в общую жизнь человечества и в сущности обусловливают возможность продолжительного прогресса?» [7, с. 64–65].

трехтомного труда «Дарвинизм и изучение природы Ньютоном и Кювье», увидевшего свет в 1874–1877 годах [74, с. 220].

Если говорить о России, то идейное противостояние дарвинизму было продолжено усилиями Н. Я. Данилевского и Н. Н. Страхова, благо для этого у них было все необходимое. Здесь, впрочем, необходимо выделить два аспекта. Если брать чисто теоретический аспект проблемы, то со своей задачей они блестяще справились. Но, говоря о научных концепциях, нельзя упускать из вида их социально-идеологическую составляющую. В этом отношении все обстояло иначе. Научное сообщество и большая часть интеллигенции восприняли дарвинизм не только как последнее слово науки, но и как учение, обосновывавшее их собственные мировоззренческие установки. Хотя, как мы уже отмечали, социал-дарвинизм не прижился тогда на русской почве, но с теорией эволюции сочетались и другие социально-политические концепции (классический пример — марксизм). Причем речь идет не только о далеком прошлом. Сегодня, когда либеральные идеологи пытаются реализовать в России установки социал-дарвинизма, теоретические разработки Н. Я. Данилевского и Н. Н. Страхова, а также их оппонента П. А. Кропоткина, направленные против этого учения, становятся необычайно актуальными.

Наша задача — показать уязвимые места теории эволюции, как они были обозначены критиками второй половины XIX века, а также выявить актуальные аспекты этой критики. В этом качестве незаменимым источником является труд Данилевского «Дарвинизм. Критическое исследование». В нем наш соотечественник дал наиболее последовательную критику теории эволюции Дарвина. К сожалению, Данилевский не успел завершить этот труд, который был издан посмертно (если иметь в виду все написанные им фрагменты). Тем не менее дошедший до нас массив текстов, даже в современном переиздании приближающийся к 1000 страниц, позволяет оценить научный подвиг русского ученого.

Обратимся к критике теории эволюции, которую предпринял Данилевский. Эта критика носила для него принципиальный характер. С точки зрения Данилевского, эволюционная теория имела исключительное значение в миросозерцании второй половины XIX столетия. Характеризуя учение Дарвина, его критик указывал во введении к своему фундаментальному труду: «Важность его такова, что я твердо убежден, что нет другого вопроса, который равнялся бы ему по важности, ни в одной области нашего знания и ни в одной области практической жизни» [7, с. 58].

Как известно, первое изложение своей знаменитой концепции Дарвин дал в работе «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь». Она увидела свет в 1859 году и сразу стала интеллектуальным бестселлером. Интересно, что до трпумфа «Происхождения видов» в европейской биологии господствовала точка зрения французского анатома и палеонтолога Жоржа Кювье (1769–1832), которая носила ярко выраженный антиэволюционистский характер. Свою концепцию великий естествоиспытатель основывал на солидной фактической базе, ему претили натурфилософские теории, которые в это время в большом количестве развивались в Германии. Как мы помним, некоторые из них носили эволюционистский характер[15].

В феврале-мае 1830 года во Французской Академии наук состоялся знаменитый диспут Кювье с Этьеном Жоффруа Сент-Илером (1772–1844). Жоффруа отстаивал тезис о единстве плана строения всех животных. Лозунгом его научной деятельности было положение: «Прпрода создала все существа по одному плапу, одинаковому в принципе, но бесконечно варьирующему в деталях» [92, с. 150]. Кювье противопоставил ему концепцию о четырех изначально обособленных типах строения. Он сформулпровал теорию катастроф, по которой каждый геологический период имел свою флору и фауну. Кювье считал, что эти периоды заканчивались граидиозной катастрофой, в ходе которой погибало все живое, а на место старых видов приходили новые.

Как указывается в «Истории биологии с древнейших времен до начала XX века», «формально спор шел по специальным вопросам морфологии животных. Фактически же это был спор об эволюции или постоянстве видов» [92, с. 268]. Несомненную победу в этом споре одержал Кювье — Жоффруа Сент-Илер не смог представить сколько-нибудь убедительный материал в обоснование своей концепции. Но вот здесь необходимо отметить одно важное обстоятельство, которое затем сыграет свою роль в судьбах эволюционизма[16]. Речь идет об идеологической составляющей.

---

[15] Показательпо, что по своим мировоззреическим устаповкам Кювье был почитателем Аристотеля, как глубокого зпатока природы, и пе любил философию Платопа [93, с. 95, 189–190].

[16] Пе лишнпм будем привести реакцию Гете па этот спор, совпавший по времепи с революциоппыми событиями во Фрапции. Эккермап так описал ее:

Освещавшая споры французская пресса резко разделилась: газеты левого толка симпатизпровали Жоффруа Сент-Илеру, а правого — Кювье. Например, в передовой газеты «Национаиь» мы находим следующее утверждение: «Речь идет не более или менее, как о том, сохранится ли философия зоологии, как ее дал Аристотель и как ее трактует двадцать два века спустя г. Кювье в своих замечательных трудах, или будет доказано, что она неполна и должна уступить место доктринам, предложенным в области сравнительной анатомии несколькими известными учеными в Германии и во Франции, среди которых г. Жоффруа Сент-Илер занимает почетное место» [93, с. 162][17].

Этот спор, впрочем, проходил еще в условиях режнма Реставрации — с преобладанием в его рамках консервативных установок. Они во многом предопределили теоретическую победу Кювье. Когда в ходе серии революций 1848–1849 годов были разрушены старые принципы легитимности, а спектр общественных настроений сместится влево, создастся благоприятная атмосфера для признания эволюционной теории. Это подготовит быстрый трпумф дарвиновской концепции.

Учитывая, что первое издание «Происхождения видов» увидело свет в 1859 году, то можно сказать, что Данилевский отреагировал на новую теорию с некоторым запозданием. Будучи погружен в практические дела, он познакомился с концепцией Дарвина лишь в 1861 году в Норвегии, где принимал участие в VI Международном

«Итак, — крикпул оп, завидя мепя, — что вы думаете о великом свершепии? Вулкан извергается, все кругом объято нламенем. Это вам уже не заседание нри закрытых дверях! — Страшное дело, — сказал я. — По чего еще можпо было ждать при сложившихся обстоятельствах и при таком составе мипистров; это пе могло пе коичиться изгпаннем королевской семьи. — Мы с вами, кажется, пе попяли друг друга, мой милый, — отвечал Гете. — Я вовсе пе об этих людях говорю, мепя совсем пе опи запимают. Я имею в виду пламя, вырвавшееся из степ академии, то есть пеобыкповеппо важный для пауки спор между *Кювье* и *Жоффруа де Сент-Илером*!» [64, с. 609]. Пеобходимо заметить, что симпатии великого поэта и патуралиста были целиком па сторопе Жоффруа Септ-Плера.

[17] Идейные споры продолжались и поздпее. Снустя почти четыре десятилетия после спора, в 1868 году, кардииал де Боишоз говорил в имнераторском сепате: «Мы нросим свободных кафедр, на какие мы могли бы нозволить нодняться людям, которые будут обучать медицине и наукам и нренодавать, нодобно Кювье, геологию, пе противореча рассказам книги Бытия. Да, рассказам кииги Бытия, ибо я думаю, что именно там паходится истинная паука» [127, с. 176].

съезде врачей и естествоиспытателей. Русский ученый сразу встретил ее в штыки, но аргументы против дарвиновской концепции пришлось собирать на протяжении нескольких лет. На то, чтобы привести же эти аргументы в систему, понадобилось еще больше времени. По злой иронии судьбы «Дарвинизм» увидел свет за несколько дней до смерти его автора.

Данилевский не побоялся выбрать объектом критики концепцию, которая очень быстро обрела многочисленных адептов и превратилась в одну из «священных коров» европейского сциентизма. Он понял, что теория эволюции — не столько биологическое, сколько философское или скорее идеологическое учение. Вот какие слова мы находим в его фундаментальном труде, посвященном критике эволюционного учения: «Одна из причин и даже главная причина, по которой Дарвинизм получил такое широкое распространение и такое владычество над умами современников, заключается именно в том, что он устраняет целесообразность в природе, или лучше сказать объясняет ее, не прибегая к посредству идеального начала. Эта целесообразность сидела точно бельмо на глазу у естествоиспытателей последних пятидесяти, шестидесяти лет, пока Дарвин своей искусной операцией не снял, по-видимому, этого катаракта» [7, с. 55].

Дарвинизм, по словам Данилевского, оказывается «куполом на здании механического материализма». Так, во всяком случае, считали адепты теории эволюции. Неслучайно они сравнивали это учение с тем переворотом, который произвела гелиоцентрическая концепция Николая Коперника. Если Коперник и его новоевропейские последователи изменили представление о пространственном порядке мира, то учение Дарвина кардинально пересмотрело временной порядок последнего. Кроме того, теория эволюции обосновывала автономность и даже самодостаточность науки, которая, как казалось Дарвину и его адептам, окончательно становилась на ноги, объяснив закономерности не только неорганического, но и органического мира[18].

---

[18] Вот как характеризовал данный аспект К. А. Тимирязев в полемике с установками Н. Я. Данилевского и Н. Н. Страхова: «Все, кто сознательно относился к делу… именно и видели заслугу дарвинизма в том, что он включил органический мир в область механического мировоззрения в том смысле, что распространил на него возможность каузального объяснения, исследования естественных причин там, где до сих пор принято было видеть лишь осуществление угадываемых целей…» [47, с. 341].

Критики, впрочем, подмечали и обратную сторону этого учения. Как указывал Данилевский, антителеологизм, лежавшнй в основании дарвиновской концепции, делает нелепость, бессмысленность, случайность единственными господами мира и прпроды. Оценив теоретические и практические последствия торжества эволюционной теории, русский ученый оказался в числе «самых решительных противников дарвинова учения, считая его вполне ложным» [7, с. 62]. В этом отношении он был не одинок — в 70-е годы ряд работ, направленных против дарвинизма, опубликовал К. фон Бэр, чья личность и идеи оказали несомненное влияние на Н. Я. Данилевского. Сторонниками концепции автора «Дарвинизма» выступили также Н. Н. Страхов и В. В. Розанов.

Вместе с тем, указывал Данилевский, дарвиновская концепция имеет свои глубинные корни. Закономерно, что она появилась в Великобритании, четко вписываясь в социокультурный контекст этой страны. В «России и Европе» Данилевский назвал Дарвина выразителем типично английского воззрения на мпр. Как мы помним, важнейшими чертами этого воззрения оказываются либерализм и идея конкурентной борьбы. Неслучайно, что автор «России и Европы» находит параллель установкам великого натуралиста в политической теории Т. Гоббса и политэкономических воззрениях А. Смита [9, с. 117]. В «Дарвинизме» русский критик продолжит параллели, добавив сюда также утилитаристскую теорию И. Бентама и учение Т. Мальтуса [7, с. 865].

Любопытно, что через несколько лет Н. Я. Данилевского, если иметь в виду мысли, изложенные в «России и Европе», почти дословно повторит Ф. Энгельс. В письме к П. Л. Лаврову от 12–17 ноября 1875 года он укажет на то, что «все учение Дарвина о борьбе за существование является просто-напросто перенесением из общества в область живой природы учения Гоббса о bellum omnium contra omnes (войне всех против всех. — *А. К.*) и учения буржуазных экономистов о конкуренции, наряду с мальтусовской теорией народонаселения» [23, Т. 6, с. 491].

Но Данилевский не ограничился выявлением социокультурных корней дарвинизма. Он продолжил теоретическую критику эволюционной теории в своем фундаментальном труде «Дарвинизм». Этот труд, колоссальный по объему и охвату материала, своеобразно увенчивал целую серию работ натуралистов второй половины XIX столетия, посвященных критике дарвиновской теории (Л. Агассис, К. фон Бэр, А. Виганд, А. Келликер, К. Негели и др.).

Но даже на этом фоне произведение Данилевского выделяется всесторонним, критическим подходом. Такой апологет эволюционной теории, как Н. Н. Воронцов, признавал оригинальность и серьезность тех возражений, которые он выдвинул против учения Дарвина.

Если говорить о параллелях с указанными выше концепциями, то автор «Дарвинизма» во многом опирался на идеи К. фон Бэра. Единственным, по основательности и силе выдвинутых против эволюционной концепции аргументов, аналогом труда Н. Я. Данилевского может быть признано лишь трехтомное исследование профессора ботаники Марбургского университета А. Виганда, о котором мы уже говорили. Отечественный критик дарвиновского учения, между прочим, был прекрасно знаком с этой работой и дал высокую оценку труду немецкого ботаника [7, с. 66–67].

Книга Данилевского «Дарвинизм» представляет несомненный шедевр с точки зрения научной полемики. Помимо книг «Происхождение видов» и «Происхождение человека и половой отбор», русский критик особое внимание обращал на дарвиновскую работу «Прпручение животных и возделывание растений» (1868). На ней, в частности, основаны иятая и шестая главы труда Данилевского. Наш соотечественник был уверен, что если бы Дарвин беспристрастнее изучил факты, изложенные в своем двухтомнике, то он бы «не решился на столь смелое построение своего учения» [7, с. 69]. В дальнейшем мы увидим аргументы Данилевского, когда он критиковал перенос наблюдений над последствиями искусственного отбора на отбор в прпродных условиях.

Логичность и в то же время ясность мысли Данилевского заставляют вспомнить Аристотеля — автора «Истории животных» и других зоологических трудов. Учитывая приведенные выше моменты, следует признать, что критика дарвинизма, предпринятая выдающимся мыслителем и натуралистом, не является чем-то случайным, необязательным в рамках русской научной традиции. Наиротив, эта критика вполне закономерна, что позволило Э. И. Колчинскому, современному специалисту по истории науки, даже назвать Россию «первой родиной антидарвинизма» [101, с. 234]. Данное обстоятельство, как нам представляется, более соответствует действительности, чем утверждения отечественных адептов эволюционной теории о нашей стране, как «второй родине дарвинизма».

Свою книгу Данилевский обозначил как «естественное богословие»[19]. Это особый тип богословия, отличный от догматического богословия. Естественное богословие стремится к поиску в прпроде следов Бога. В данном отношении мы, с одной стороны, возвращаемся к традиции античной философии (вспомним концепции Платона, Аристотеля, да и многих других мыслителей древности), а с другой — к истокам новоевропейской науки, которая еще не шла на конфликт с религией, а пыталась согласовать их истины. Для своего времени ход мыслей Данилевского мог показаться запоздалым, но для нашей эпохи, когда четко обозначились пределы развития цивилизации новоевропейского типа, он выглядит вполне разумным и даже спасительным.

Следует иметь в виду, что Данилевский не ставил своей целью опровергпуть враждебпую ему теорию любой ценой. В отличие от своих хулителей (вроде Соловьева или Тимирязева), у него были вполне определенные представления о полемической этике. Данилевский добросовестно излагает аргументы Дарвина, не подменяя их собственными домыслами. При этом активно использует работы великого эволюциониста, приводя тысячи цитат из них. Более основательной и в то же время корректной критики трудно себе придумать. Учитывая данное обстоятельство, обратимся к аргументам Данилевского против дарвиновской теории эволюции. Главных аргументов он насчитывает пятнадцать, кроме того — русский критик выявляет десять логических промахов великого ученого, которые к ним привели. Но обо всем по порядку.

Начнем с логических промахов, присущих дарвиновской теории. К ним Данилевский относит:1) неправильную и пристрастпую оценку вероятностей; 2) двойственность логики; 3) признание и преувеличение выгодной для теории стороны явлений и упущение из виду невыгодной; 4) логическую непоследовательность; 5) недостаточность глубины анализа; 6) довольствование невыдержанными

[19] В этой связи любопытпо сравпить устаповку Дапилевского с позицией Дарвипа по религиозпой тематике. В письме А. Грею от 22 мая 1860 года автор «Происхождепия видов» указывал, что у пего «пе было памерепия выражать атеистические взгляды». Через два с половипой месяца после этого, в иисьме Т. Гексли от 8 августа 1860 года, Дарвип так характеризовал своего корреспондепта: «Мой добрый и любезпый довереппый по распространепию Евапгелия, т. е. евапгелия дьявола» [14, с. 130, 134]. Весьма показательпые строки и смена мировоззренческой нозиции — в зависимости от адресата, нрямо-таки хамелеоп.

и недостаточными аналогиями; 7) смешение определившихся форм строения у установившихся видов с возникновением их; 8) неточность в определении существенных для теории понятий; 9) увлечение теорией до забвения или упущения из виду фактов, с нею несогласных; 10) неправильное понимание требований от научной теории [7, с. 848]. Все эти возражения носят формальный характер, но они очень важны в контексте критики дарвиновской теории.

Если же говорить о стороне содержательной, то Данилевский предъявляет английскому биологу следующие пункты обвинения:

1) «Каковы бы ни были результаты изменчивости прирученных жнвотных и культурных растений, *высокая прирожденная способность к изменчивости необходимо должна была обусловить самый выбор животных для приручения*, по одним, *а растений для культуры* по другим причинам; а по одному уже этому нельзя делать от них правильных заключений на все прочие, в лоне дикой природы жнвущие существа»;

2) «*При одичании организмов, прежде прирученных или культивированных, они возвращаются к своему дикому типу*, как это преимущественно доказывается большим числом возвратившихся в дикое состояние культурных растений, не отличимых от их вполне диких родичей»;

3) «*Заключение о том, что изменчивость диких животных и растений сравнительно с домашними, во столько раз сильнее, во сколько природа могущественнее человека, есть чистейший софизм*»;

4) Замечаемые в домашних породах отклонения от своих типов, «*нигде не достигли видовой ступени различия, а только эта ступень и могла бы послужить точкою опоры для аналогического заключения о происхождении форм от форм в диких организмах…*»;

5) «*Значение* самого основания, на коем зиждется вся теория, то есть *значение искусственного подбора*, как деятеля, преимущественно изменившего прирученных животных и возделанные растения, *чрезмерно преувеличено Дарвином*»;

6) «Таким образом *база, от которой Дарвин исходит для своих аналогических заключений, сокращается до самых ничтожных размеров*, а поэтому все измерения, им так сказать делаемые в безднах времени, теряют всякую достоверность»;

7) Борьба за существование, которую английский натуралист выдвигает в качестве базового принципа эволюции, «совершенно

лишена необходимых для произведения подбора свойств: крайней интенсивности, непрерывности и единства направления»;

8) «*Интенсивность, повсеместность и повсевременность борьбы за существование преувеличены Дарвином*»;

9) «*Нет и не может быть никакой аналогии между искусственным подбором и подбором естественным. В ряду факторов, которые своим соединением и взаимодействием должны бы произвести этот последний, не достает именно того фактора, который составляет сущность первого, не достает устранения скрещивания, в чем весь подбор собственно и заключается*»;

10) «*Существование множества безразличных, бесполезных и даже вредных признаков различных разрядов, и также чисто морфологический характер изменений, претерпеваемых некоторыми органами... совершенно необъясним для теории подбора*»;

11) Созданный на принципах дарвиновского эволюционизма «*органический мир имел бы совершенно иной характер, нежели тот, который действительно ныне существует*»;

12) В прпроде, как прошлой, так и нынешней, мы не встречаем следов «*незаметными оттенками переливающихся переходных форм*»;

13) Данных следов мы не обнаруживаем ни в «*формациях опускания*», ни в «*формациях поднятия*»;

14) Вымпранию видов не сонутствует процесс нарождения новых форм, что соответствовало бы дарвиновской теории;

15) Наконец, «*ко всем этим невероятностям и невозможностям присоединяется еще положительная невозможность вместить Дарвинов процесс образования видов в огромный период истекшего геологического времени…*» [7, с. 849–853].

Список получился внушительным — теперь подробнее остановимся на некоторых из этих пунктов. При этом мы будем оппраться на тот анализ, который в отношении аргументации Н. Я. Данилевского был предпринят Н. Н. Страховым [42; 43] и В. И. Назаровым [109, с. 68–75]. Если брать философский аспект проблемы, то речь идет о смешении возможности и действительности в теоретических построениях Дарвина и его последователей. Если суммировать их положения, то они, как указывал Страхов, могут быть сведены к следующим: 1) организмы могут изменяться; 2) наследственность может передавать эти изменения; 3) организмы могут размножаться в геометрической прогрессии; 4) борьба за существование может сохранять наиболее приспособленные организмы.

Следовательно, может произойти «естественный подбор» — делает из этих положений правильный вывод Страхов [42]. Именно может, то есть речь идет о возможности, а не о действительности, на что обращал внимание и Данилевский. Это очень важное обстоятельство, которое надо иметь в виду, сталкиваясь с дарвиновской концепцией.

Возвращаясь к Данилевскому, отметим, что в работах Дарвина он отмечал неправомерное распространение выводов, сделанных на основе наблюдения домашних животных и культурных растений на организмы, живущие в естественных условиях. Не трудно догадаться, что выбор тех или иных растений или животных для одомашнивания обусловлен их ярко выраженной способностью к изменчивости. Следовательно, результаты, которые мы наблюдаем в этих случаях, нельзя распространять на организмы, существующие в естественной среде. В случае одичания, а это относится, в первую очередь, к растениям, данные организмы возвращаются в исходное состояние.

Автор «Дарвинизма» писал: «*Заключение о том, что изменчивость диких животных и растений, сравнительно с домашними, во столько раз сильнее, во сколько природа могущественнее человека, есть чистейший софизм*. Подобно тому, как прпрода никогда не произведет паровой машины, хотя сила пара, имеющаяся в ее распоряжении и несравненно значительнее той, которую может располагать человек: так же точно нельзя ожидать, чтобы изменчивость и наследственность, не направляемые разумом, произвели результаты, подобные достигаемым, посредством искусственного подбора, но в несравнемо значительнейшем размере, ибо искусственный подбор есть также своего рода машина» [7, с. 850][20]. Смешение двух типов изменчивости — характерная ошибка дарвинизма.

Данилевский замечает, что Дарвина не устраивало толкование поиятия «вид», господствовавшее в науке того времени. Английский натуралист даже писал о неудовлетворительности определения понятия вид. Сам автор «Дарвинизма» присоединялся к поиятию вида, данного Кювье в знаменитой работе «Царство животных»

[20] Кстати, известпый советский специалист по гепетике призпавал, что три осповпых элемепта своей теории (паследствепность, измепчивость и отбор) Дарвин базировал на своих наблюдениях в области английского животноводства [75, с. 83]. Это но сути дела нодтверждает те унреки в адрес его конценции, которые предъявлял Дапилевский.

(Т. I–V, 1817): «Вид должно определить совокупностью индивидуумов, происшедших один от другого, или от общих родителей, и от тех, которые столько же на них походят, сколько они похожи между собой» [7, с. 237]. Отсюда вытекает учение о неизменности и постоянстве видовых форм, которое базпруется не только на теоретических основаниях, но и на непосредственном наблюдении.

Как указывал автор «Дарвинизма», даже те изменения, которые мы наблюдаем у одомашненных жнвотных и растений, никогда не выводят их за рамки определенного вида. Это, в свою очередь, делает невозможным переход данной границы и в рамках естественных условий, ибо там изменения живых существ имеют еще больше преиятствий, чем в случае их окультуренных сородичей, которые находятся под бдительным присмотром человека, стремящегося закрепить выгодные ему свойства. По Данилевскому всякие изменения возможны лишь внутри вида, выйти за его пределы эти изменения не могут. Тем самым одно из базовых положений дарвиновской теории оказывается неправомерным.

Еще один важный пункт расхождения — проблема наследственности. Посмотрим, какие основные претензии предъявлял дарвиновской теории эволюции Н. Н. Страхов. Главная из них — отрицание целесообразности в природе и сведение основных биологических процессов к случайным факторам. Характеризуя концепцию Дарвина, Страхов писал: «Внутренне стремление его теории очевидно состоит в том, чтобы объяснить устройство и разнообразие организмов — случайностями, то есть не предполагать в этом деле никакого предустановленного плана, никакой причины, предшествующей явлению и заключающей в себе смысл». Это, по мнению Страхова, оказалось залогом успеха дарвиновской концепции: «Сила этой теории, вся ее привлекательность для умов, заключается именно в предположении отсутствия законов, в сведении явлений на игру случайности» [43]. В этом аспекте между двумя русскими критиками дарвинизма, Данилевским и Страховым, обнаружнвается полное единодушие.

Любопытно, что Страхов ставит под сомнение адекватность названий главных произведений Дарвина тем темам, которые в них развиваются. Книгу «Происхождение видов», на взгляд критика, правильнее было бы назвать трактатом о вымпрании видов[21]. Работу

[21] Показательно, что один из крупнейших биологов XX века, С. С. Четвериков, также ставил создателю эволюционной теории на вид название его главного

«Происхождение человека» — о чертах сходства, которые обнаруживаются между человеком и животными. Сам Страхов, как известно, не отрицал данного сходства. Вот что он писал в главном теоретическом труде: «Как по своему устройству, так и по своим физическим и душевным явлениям, человек подходит под понятие животного; в его природе нет ни одной черты, которая противоречила бы этому поиятию, все черты жнвотного сохраияются в нем вполне. Поэтому ни один последовательный и точный зоолог не может усомниться в принадлежности человека к жнвотному царству; натуралист, рассматривая жнвотных, должен и на человека смотреть, как на животное» [44, с. 84].

Еще менее адекватным, указывал Страхов, оказывается результат дарвиновского исследования и те заслуги, которые выдающемуся натуралисту приписывали его фанатичные адепты. Русский исследователь называет в этой связи имя одного из самых известных последователей автора «Происхождения видов» — Э. Геккеля. Попытка, именио попытка, объяснить устройство организмов случайным приспособлением выдавалась им за завершение механистической картины мира, начатого еще естествознанием XVII–XVIII веков. На самом деле дарвиновская концепция, были убеждены Данилевский и Страхов, не соответствует базовым принципам механистического естествознания. Место жесткой закономерности в ней занимает абсолютная случайность. Сторонники Дарвина стараются данного обстоятельства не замечать. Таким образом, разоблачаются механизмы фальсификацни, играющие столь важную роль в идейных столкновениях последних столетий.

В том, что дарвинизм не дает ответа на вопрос о механизме наследственности, Страхов был солидарен с Данилевским. Говоря о проблеме наследственности, он отмечал: «Главный вес и смысл Дарвиновой теории заключаются в отрицании целесообразности организмов, в предположении, что эта целесообразность произошла от накопления случайных изменений, оказавшихся невыгодными для существ, в которых эти изменения случились. Рост и наследвениость

труда: «Пожалуй, самая большая ошнбка Дарвнна, которую я знаю, это заглавие его кнни: “О происхождении видов путем естественного отбора”. Ведь замечательная работа Дарвина фактически трактует не о происхождении видовых признаков и отличий, а о целесообразных приспособлениях организмов к окружающим их условиям существования, но ведь это вещи совершенно не равнозначные» [15, с. 198].

не объясняются в этой теории, а предполагаются, как данные явления, из которых нужно объяснить остальные. Дарвин собственно стремится свести сложные и частные органические явления на более простые и общие, на изменчивость и наследственность. Но, так как он не знает, в чем состоит сущность этих простейших явлений, то он и не мог сделать этого сведения надлежащим образом, а прибегнул к уловке, состоящей в отрицании того, что требуется для объяснения. Дарвин предполагает собственно, что наследственность и изменчивость не следуют никаким законам, движутся по всевозможным направлениям, и что правильность и целесообразность получаются только от исчезания форм, не могущих выдержать борьбы за существование».

И завершает этот пассаж следующее утверждение: «Вот почему, всякий закон, открываемый в явлениях измеичивости и наследственности, ведет к опровержению теории Дарвина» [43]. Действительно, в дарвиновской теории механизмы наследственности практически никак не были прописаны. Сам великий эволюционист прекрасно понимал данное обстоятельство, но, разумеется, старался его не афишпровать. Показательно, что генетика, начавшая формироваться в конце XIX столетия, заияла резко выраженные антидарвинистские позиции. Уже позднее, на стадии формпрования синтетической теории эволюции, было объявлено о преодоленни этих противоречий, но, как нам представляется, преодоление это оказалось скорее декларативным, чем сущностным.

Возвращаясь к Данилевскому, заметим, что он не мог не коснуться и важнейшего для дарвиновской концепции учения о борьбе за существование. Во введении к «Дарвинизму» он писал: «Главнейшее достоинство и значение дарвинизма я вижу в том побочном обстоятельстве, что он обратил внимание естествоиспытателей на так называемую борьбу за существование, или общее — на отношения организмов к внешнему миру, в особенности же друг к другу. Правда, об этом говорилось и до него, но за небольшими исключениями не выходило из круга общих мест» [7, с. 63]. Действительно, борьба за существование играла важную роль в концепции Дарвина.

Откуда же знаменитый эволюционист позаимствовал данное положение? Здесь самое место привести фрагмент из автобиографии Дарвина, где он называет подлинный источник своего вдохновения. «В октябре 1838 г. … я случайно, ради развлечения, прочитал книгу Мальтуса “О народонаселении” и так как благодаря

продолжительным наблюдениям над образом жизни животных и растений я был хорошо подготовлен к тому, чтобы оценить [значение] повсеместно происходящей борьбы за существование, меия сразу поразила мысль, что при таких условиях благоприятные изменения должны иметь тенденцию сохраняться, а неблагоприятные — уничтожаться. Результатом этого и должио быть образование новых видов» [13, с. 128–129].

С точки зрения русского критика, тонко подметившего мальтузианские корни теории эволюции, эта борьба не обладает теми свойствами, которые ей приписывал Дарвин. В прпроде она совершенно лишена необходимых для произведения отбора свойств — крайней интенсивности, непрерывности и единства направления. Все эти качества в качестве природных компонентов эволюции Дарвин сильно преувеличил. Как мы уже отметили выше, Данилевский, подобно другим оппонентам Дарвина, не отрицал самой борьбы за существование, но скептически относился к той интерпретации, которую она получила у классика эволюционизма. Он считал, что борьба за существование определяет биогеографические факторы определенного распределения организмов, но не имеет биологического значения.

Теория естественного отбора, указывал Данилевский, не объясняет большое количество бесполезных и даже вредных признаков, которые мы обнаруживаем у различных организмов. Еще один пункт — при эволюции должны существовать переходные формы, но ни в современном мире, ни среди вымерших видов таких форм мы нигде не обнаруживаем. Связи между вымиранием одних видов и возникновением новых, считал русский критик Дарвина, нет. Кроме того, как указывал автор «Дарвинизма», теория эволюции не вписывается во временные рамки. Никаких миллиардов лет не хватило бы для происхождения всего многообразия живых организмов по схемам, предложенным Дарвином.

Использует Данилевский и своеобразный эстетико-телеологический аргумент — если бы дарвиновская теория была бы верна, то современный мир выглядел бы иначе. То был бы нелепый и бессмысленный мир, в котором все процессы подчинялись случайностям: семена одного и того же растения могли иметь то одну, то две семядоли; животные появлялись на свет то с брюшным, то со спинным расположением нервной системы. При этом Данилевский указывает, что из всех мировоззрений «Дарвинов взгляд на прпроду есть наименее эстетический» [7, с. 907]. Этот аргумент

очень важен для автора «Дарвинизма». Вспомним его замечательный афоризм, дошедший до нас благодаря Н. Н. Страхову: «Бог пожелал создать красоту и для этого создал материю» [41, с. 383].

Как нам представляется, автору «Дарвинизма» удалось отметить ряд действительно слабых мест дарвиновской теории эволюции, которые преодолевались в последующем развитии биологии. Сам Данилевский опирался на почтенную традицию, связанную с именами Аристотеля, Кювье и Бэра[22]. От того, что «целесообразность исчезнет из теории, она не исчезнет из природы» — констатировал русский автор [7, с. 580]. Подлинную телеологию вышеперечисленных натуралистов он противопоставлял «псевдотелеологии» Дарвина и его адептов. То же, что под развитием понимает дарвинизм, не заслуживает названия развития — указывал Данилевский.

Говоря о Данилевском, необходимо помнить, что у него были точки пересечения не только с учениями прошлого, но и с будущими научными теориями. Вместе с ними он исходил из телеологической установки при изучении природных процессов. В. И. Назаров замечает, что автор «Дарвинизма» «текстуально предвосхищает главную идею номогенеза, утверждая, что развитие, выражающееся в морфологических изменениях, есть процесс чисто внутренний, совершающийся сообразно закону» [109, с. 75].

Впрочем, сам Данилевский прекрасно понимал — чисто научными аспектами критика дарвинизма ограничиваться не должна. Еще один аспект, который никак нельзя забывать — идеологические и социально-антропологические преломления дарвиновской концепции в европейской мысли второй половины XIX — первой половины XX века. Вспомним, что ряд влиятельных социально-политических течений этого времени предъявили свои претензии на преемственность по отношению к теории эволюции. К ним относились марксизм, социал-дарвинизм и расизм.

Если Данилевский стал критиком биологически обоснованного расизма, то Страхов едва ли не первым выступил с критикой того, что позднее обозначат термином «социал-дарвинизм». Речь идет о его статье «Дурные признаки», опубликованной в журнале

[22] Показательно, что уже на исходе жизни Бэр написал биографию Кювье, которая увидела свет на немецком языке в 1897 году («Lebens geschichte Cuviers»).

«Время» (1862, № 11). В ней Страхов разбпрает комментарии французской переводчицы «Происхождения видов» К. А. Руайе, в которых она, базпруясь на дарвиновских установках, подвергла критике не только религиозную мораль, но и базовые принципы человеческой солидарности (сострадание, милосердие, братство и т. д.)[23]. Впрочем, данная проблематика требует специального анализа, что мы не можем сейчас себе позволить. Между тем, как социально-антропологические аспекты эволюционной теории, равно как и критику расистских построений Данилевским мы уже рассмотрели в предыдущих главах.

[23] Сам Дарвип в одпом из писем призпавался, что коммептарии его фрапцузской переводчицы стали для пего полпой пеожидаппостью [14, с. 198]. Любопытпо, что именио но этому нереводу с эволюциониой теорией ознакомился Ф. Ницше, который ноложительно отнесся именно к мыслям К. А. Руайе.

Глава 4

ПОЛЕМИКА ВОКРУГ «ДАРВИНИЗМА»

> Обязанность профессора у нас состоит ведь главным образом в том, чтобы неустанно следить за общим направлением западной науки и передавать его слушателям. Книгу, восставшую против этой науки, следует в прах разбить перед слушателями.
>
> *Н. Н. Страхов*

Подобно спорам вокруг «России и Европы», серьезная полемика возникла и относительно проблематики «Дарвинизма». Обе эти полемики проходили без непосредственного участия автора. Но если споры по поводу проблематики философско-исторического труда Н. Я. Данилевского начались через два десятилетия после его публикации (мы уже говорили, что послужило поводом для них), то полемика вокруг «Дарвинизма» объективно не могла проходить иначе. Первый том этого труда вышел в год смерти автора, а оставшиеся материалы издавались уже посмертно, усилиями Н. Н. Страхова. Он же немало сделал для привлечения внимание публики к биологическим воззрениям своего умершего друга.

Здесь мы сделаем небольшое отступление о судьбах дарвиновского учения на русской почве. Следует заметить, что концепция Дарвина быстро нашла отклик среди отечественных мыслителей и ученых. Позднее это даже даст основание адептам учения говорить о России, как о второй родине дарвинизма. Уже в первой половине 1860 года на новую концепцию откликнулись Н. Н. Страхов (январский номер «Журнала Министерства народного просвещения») и А. И. Герцен («Колокол» от 15 июия). В осеннем семестре этого же года идеи «Происхождения видов» пересказал профессор Санкт-

Петербургского университета С. С. Куторга, а его коллеги, Н. П. Вагнер и А. Н. Бекетов, опубликовали статьи в «Отечественных записках» и «Русском вестнике» соответственно [74, с. 213–214]. Показательно, что они представляли университетскую, а не академическую науку. Санкт-Петербургская Академия оказалась в этом отношении более консервативной.

Среди пропагаидистов дарвиновской концепции были не только ученые, но и публицисты. Одним из самых ярких защитников нового учения был Д. И. Писарев. В 1864 году он публикует большую работу под заголовком «Прогресс в мпре животных и растений». В ней знаменитый публицист излагает как основные идеи Дарвина, так и полемику вокруг них. При этом Д. И. Писарев не удерживается от применения этих идей для объяснения человеческого общества, предлагая свой вариант социал-дарвинизма. Данное обстоятельство нашло отражение и в литературе того времени — в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского и «Анне Каренине» Л. Н. Толстого. Оба гениальных романиста не прииняли социал-дарвинистских установок и выступили с их разоблачением.

Показательно, что в 1864 году главный труд Дарвина увидел свет на русском языке. Это был одним из первых переводов «Происхождения видов» на иностранный язык, его опередили лишь немецкий и французский переводы. Переводчиком выступил Сергей Александрович Рачинский (1833–1902) — профессор ботаники Санкт-Петербургского университета. И вот здесь начинаются известные парадоксы дарвинизма в России. В дальнейшем С. А. Рачинский, оставив университетскую кафедру, удалился в свое имение Татево Смоленской губернии, где основал школу для детей местных крестьян. Преподавание в этой школе базпровалось на строгих религиозных принципах, а в дальнейшем она послужила прототипом для системы церковно-приходских школ. Самого же С. А. Рачинского связывали многолетние узы дружбы с К. П. Победоносцевым — обер-прокурором Синода и серым кардиналом Российской империи двух последних десятилетий XIX века. Дружба переводчика Дарвина и человека, ставшего своеобразным символом обскурантизма — это, конечно, нечто нетривиальное[24].

---

[24] Любонытно, что дарвиновская теория не встретила в России серьезных цензурных занретов. Внрочем, необходимо отметнть, что такие нонытки все же нреднринимались. Па одну из них блестящим стихотворением отреагировал А. К. Толстой («Послание М. П. Лонгинову о дарвинисме», 1872). Приведем его

Несмотря на подобные метаморфозы в жизни одного из первых пропагаидистов идей Дарвина, судьба эволюционной теории в России была счастливой. Аргументы, предложенные К. фон Бэром, Н. Я. Данилевским и Н. Н. Страховым, не были услышаны отечественной публикой — как академической, так и неакадемической. Слова Страхова, которые мы использовали в эпиграфе, очень точно характеризуют отношение российской профессуры к эволюционной теории. Дарвинизм быстро превратился в «изм», стал тотальным идеологическим учением[25]. Причем первым, за которым последовали марксизм, фашизм, нацизм и т. д.

Острота полемики вокруг эволюционной теории в этом аспекте далеко неслучайна. Как мы уже сказали, полемику вокруг «Дарвинизма» спровоцировал Страхов. В статье «Полное опровержение дарвинизма» (1887), опубликованной в январском номере «Русского вестника», он привел отзывы Н. Я. Данилевского о К. А. Тимирязеве, как наиболее последовательном адепте этого учения на русской почве. Знаменитый дарвинист не мог не откликнуться. Если в полемике против «России и Европы» тон задавал В. С. Соловьев, то в спорах вокруг «Дарвинизма» отличился К. А. Тимирязев [86; 121]. Его следует признать наиболее последовательным оппонентом Данилевского и Страхова в области биологии.

Выдающийся ученый и пропагандист эволюционной теории, Климент Аркадьевич Тимпрязев (1843–1920) внес немалый вклад в торжество учения Дарвина на русской почве. К. А. Тимпрязев был автором ряда работ, посвященных популяризации науки и эволюционной теории. Среди них — «Краткий очерк теории Дарвина» (1865), «Жизнь растения» (1878), «Основные черты истории развития биологии в XIX столетии» (1907). По его книге «Чарльз Дарвин и его учение», как заметил академик В. Л. Комаров, дарвинизму училось несколько поколений отечественных биологов. Эволюционному учению Тимпрязев был верен на протяжении всей жизни

носледние строки: «Брось же, Миша, устрашенья, // У науки нрав не робкнй, // Пе заткнешь ее теченья // Ты своей дрянною нробкой!» [49, с. 292].

[25] Па даниое обстоятельство обращал внимание П. Я. Данилевскнй. Отвечая К. А. Тимирязеву, он нисал, что «учение Дарвина нолучило название дарвинизма не но нричине особениого качественного нревосходства и совершенства его, сравнительно с нрочими учениями в области ноложительного знания, а но общему характеру этого учения, совершенио независимо от его внутрениего достоинства, характеру, но которому оно как бы изъемлется из областн ноложительных наук, и относится к области философни» [7, с. 46].

и, разумеется, не мог не откликнуться на антидарвинистские выступления Данилевского и Страхова[26].

Полемике с ними Тимпрязев посвятил работы «Опровергнут ли дарвинизм?» (1887) и «Бессильная злоба антидарвиниста» (1889). Сам автор уделял большое значение этим статьям — неслучайно он поместил их в 3-е издание своей книги «Чарльз Дарвин и его учение» (1894), а также во все последующие ее переиздания. Эта традиция продолжилась и в советское время. Кроме того, в 1889 году в мартовском номере журнала «Вестник Европы» он опубликовал работу «Странный образчик научной критики (По поводу статьи Фаминцына "Опровергнут ли дарвинизм г. Данилевским")», в которой вступил в полемику со своим единомышленником по эволюционистскому лагерю, за недостаточно резкую отповедь оппонентам[27].

Через 20 лет после полемики, в предисловии к шестому изданию работы «Чарльз Дарвин и его учение», Тимпрязев писал: «В этой полемике отразилась целая полоса нашей недавней культурной истории, в ней чувствуется удушающая атмосфера восьмидесятых годов, когда торжествующая реакция считала возможным решительно порвать с преданиями ближайшего прошлого и объявить войну всей западной культуре во имя каких-то исконных, национально-византийских начал. Поход, предпринятый Данилевским против дарвинизма, был одним из характерных эпизодов этой борьбы по той дружиой поддержке, которую встретил во всех реакционных сферах. Министры, влиятельные петербургские круги, услужливый капитал (без которого увесистые тома Данилевского не увидели бы света), литература в лице такого выдающегося критика, каким считался

[26] Отношение К. А. Тимирязева к Дарвину и его теории носило, несомненно, квазирелигиозный характер. Достаточно прочитать его воспоминания о встрече с кумиром («У Дарвина в Дауне (по поводу столетней годовщины со дня его рождения 31 января 1809 г.)», 1909), чтобы обнаружить несомненное психологическое родство с настроениями религиозных паломников, посетивших Святую землю или Мекку [46, с. 104–119].

[27] А. С. Фаминцын считал, что работы антидарвинистов полезны для развития науки, ибо, указывая на слабые стороны теории эволюции, они помогают их исправить. Он писал: «Книгу Данилевского я считаю полезной для зоологов и ботаников; в ней собраны все сделанные Дарвину возражения и разбросаны местами интересные фактические данные, за которые наука останется благодарной Данилевскому» [53, с. 643]. Для Тимирязева любая критика в адрес эволюционной теории была святотатством, что лишний раз указывает на квазирелигиозный характер его восприятия дарвинизма.

Страхов, господствовавшие тогда органы ежедневной печати, философы, официальная наука (академия собиралась присудить Данилевскому высшую премию) — все было на стороне Данилевского, когда я выступил против него. Но, может быть, в своих товарищах по науке я нашел поддержку? Все молчали» [47, с. 36].

В первоначальном варианте «Опровергпут ли дарвинизм?» представлял собой лекцию, прочитанную Тимирязевым в Политехническом музее весной 1887 года. По горячим следам она была опубликована в журнале «Русская мысль» (№ 5, 6), а затем, как мы уже указали, вошла в знаменитую книгу «Чарльз Дарвин и его учение», по которой на протяжении нескольких десятилетнй русский читатель знакомился с эволюционной теорией. Первоначальный вариант этой кииги, «Краткий очерк теорни Дарвина», увидел свет еще в 1865 году, а многочисленные переиздания осуществлялись как при жизни автора, так и в советские годы. То, что Тимирязев включил полемику с русскими антидарвинистами в свой знаменитый труд — далеко неслучайно. Он считал необходимой защиту учение Дарвина от любых атак со стороны его оппонентов, а критика Данилевского и Страхова была, пожалуй, наиболее последовательной и интересной в той полемике, которую эволюционная теория вызвала на русской почве во второй половине XIX века.

Стремление защищать теорию, которую ты считаешь истинной, — достойно уважения, но только в том случае, если соблюдаются определенные правила полемики. Впрочем, Тимирязев не удержался на высоте теоретического спора и быстро перешел на личности. Достаточно сравнить тон, которым Данилевский ведет свою полемику с дарвинизмом, с тоном Тимирязева, разбиравшего его книгу. Как говорится, — две большие разницы. Страхов, внимательно прочитавший статью Тимирязева, в своем ответе («Всегдашияя ошибка дарвинистов», 1887) был вынужден констатпровать, что возражений по существу в ней мы не находим. Например, Тимирязев указывал, что Данилевский не является «добросовестным критиком». Видимо, под «добросовестным критиком» подразумевался автор, соглашавшийся с Дарвином на 99%, а в оставшемся же 1% требовавший лишь небольшого уточнения положений его теории. По-другому трудно упрекнуть в недобросовестности автора, написавшего фундаментальный труд, содержащий тысячи ссылок на критикуемые им произведения.

Кроме того, Данилевский, как был уверен его оппонент, оказался «не в силах освободиться от безграничного поклонения авторитетам

Кювье и Бэра, — авторитетам, естественно подчинившим себе человека, закончившего свое научное развитие в сороковых годах» [47, с. 295]. Свое безоглядное, причем на протяжении десятилетий, следование авторитету Дарвина, видимо, он оценивал по какой-то иной шкале. Ведь аргумент можно и повернуть — если Данилевский закончил свое научное развитие в 40-х годах, то сам Тимирязев — в 50-х, когда была сформулирована дарвиновская концепция.

На самом деле автор «Дарвинизма» после 1840-х годов перенес центр своих научных интересов в практическую сферу, что было характерно для большинства отечественных ученых, у которых теоретическая работа и полевые исследования были неразрывно связаны. Как пишет современный исследователь, «характерной особенностью российской биологии было то, что до середины XX века здесь не существовало деления на натуралистов и экспериментаторов. Подавляющее большинство российских ученых вели исследование не столько в музеях и ботанических садах, сколько в многолетних путешествиях» [101, с. 4].

К Данилевскому, кстати, данная характеристика относится в значительно большей степени, чем к Тимирязеву, которого трудно назвать полевым исследователем. Страхов, обозначая специфику позиции автора «Дарвинизма» в отношении науки об организмах, указывал: «Это не было ознакомление с ними по книгам, по гербариям и чучелам, приобретаемое в кабинете; это было изучение живой природы во всей полноте ее жизни, многолетнее близкое знакомство со всей игрой органических явлений; это было точное знание, соединенное с тем пониманием, которое дается лишь любовью и непосредственными впечатлениями. Множество мест настоящей книги отзываются особенным характером познаний ее автора. Он не может говорить сухо и равнодушно о произведениях природы, и часто рассказывает новые факты из своих долгих и обширных наблюдений» [45, с. 9].

Любопытный штрих к разбираемому нами спору. П. А. Кропоткин — политический оппонент Н. Я. Данилевского и в то же время своеобразный союзник в критике дарвинизма, указывал в книге «Хлеб и воля» (1892), что «все великие исследования, все перевернувшие науку открытия были сделаны помимо академий и университетов» [19, с. 121]. Он обращает внимание на то, что официальная наука отвергала многие открытия и изобретения, поскольку они не вписывались в устоявшиеся представления о мироустройстве. Кропоткин писал, что Французская Академия не признала Дарвина,

Петербургская Академия отвергла каидидатуру Меиделеева, а Лондонское Королевское общество отказалось напечатать работу Джоуля. Все самое важное в науке было сделано вне стен академий и университетов. Главное здесь — творческая устремленность личности, которой официозные структуры могут лишь помешать.

Главным из неприемлемых принципов дарвиновской теории для русских критиков была борьба за существование, особенно абсолютизация впутривидовой борьбы. Этот аспект последователи Дарвина считали определяющим фактором эволюции. Как мы помним, особое внимание обращал на него Данилевский. Возражая оппонентам, особенно автору «Дарвинизма», Тимирязев отмечал: «Борьба за существование слагается из прямой борьбы с врагами, из борьбы с условиями и из конкуренции, как результата несоответственности между безграничным размножением и ограниченностью земной поверхности» [47, с. 313][28].

Подобная установка встретила неприятие со стороны многих видных ученых, особенно в России (западный специалист по истории русской науки охарактеризовал подобпую установку, как «Дарвин без Мальтуса» [139]). Одним из критиков дарвиновской трактовки борьбы за существование стал известный зоолог К. Ф. Кесслер. На съезде русских естествоиспытателей, состоявшемся в январе 1880 года, он произнес речь «О законе взаимной помощи». Данный закон, который ученый проиллюстрировал на многочисленных примерах (высших животных, общественных птиц, даже жуков), способствует большему развитию животного мпра, чем дарвиновская борьба за существование. Такие антиподы, как Данилевский и Кропоткин, сходились в отрицании данного аспекта дарвиновской теории.

Еще одним пунктом расхождений было то, что Данилевский и Страхов считали дарвинизм учением, которое базпруется на принципе случайности. Защищая эволюционную теорию, Тимирязев указывал, что «освободив биологию от мрака конечных причин, Дарвин не обратился к слепому случаю и тем избег возражений Руссо и Галиани. Его естественный отбор — такой механизм,

[28] Необходимо, справедливости ради, повторить, что Тимирязев был противпиком нрименения данного нринципа дарвиновской концепции к истолкованию человеческого общества, то есть социал-дарвинизма. Его нозднейший альянс с большевиками был далеко неслучаен. Именио Тимирязев нослужил нрототипом нрофессора Полежаева — главного героя знаменитого фильма «Депутат Балтики».

благодаря которому при каждом сбрасывании костей выпадает все более и более очков» [47, с. 338]. Речь идет об известном фрагменте из 4-й книги «Эмиля», в которой Руссо приводит пример «Энеиды», складывающейся из типографских букв, раскинутых наудачу. С его точки зрения подобное невозможно, следовательно, случайность, которую некоторые теоретики кладут в объяснение мира, никуда не годится. Страхов целиком соглашается с автором «Эмиля» и считает, что дарвинизму не удалось преодолеть данную трудность.

Полемизпруя с Данилевским, Тимпрязев задаетея вопросом — «которое из двух мировоззрений более удовлетворяет философскую мысль, эстетическое чувство?» [47, с. 346]. Вспомним, что автор «Дарвинизма» рассматривал критикуемое им учение в качестве плохой философии. С эстетической же точки зрения мпр, сформировавшийся на принципах дарвиновской теории, был бы безобразен. Из всех мировоззрений, как мы помним, «Дарвинов взгляд на природу есть наименее эстетический» [7, с. 907]. Пытаясь перевернуть аргументы своего оппонента, Тимирязев приписывает учению своего кумпра всевозможиые достоинства, включая сюда и эстетическое совершенство.

Тимпрязев не мог не учитывать и социокультурных преломлений дарвиновской концепции. Речь идет о социал-дарвинизме, который встретил на русской почве дружное неприятие. Пытаясь опровергнуть идентичность установок этих доктрин, русский апологет Дарвина приводит пример Альфреда Уоллеса (1823–1913), «второго творца дарвинизма», который выступал в поддержку трудящихся. Его же антипод — герцог Аргайл, известный оппонент эволюционной теории, обвиияется в защите интересов леидлордов [47, с. 349]. В деле апологии учения Дарвина его русским последователем аргументы научные и политические неразрывно пересекаются.

Наконец, в ситуации исторически мыслящего XIX столетия Тимпрязев использовал еще один аргумент в пользу защищавшегося им учения. Он утверждал, что «с Дарвином естествознание стало — не на словах только, а на деле — **естественною историей**» [47, с. 344]. Действительно, исторический подход, завоевавший признание в XIX веке, требовал применения его в сфере естествознания. Вспомним, что еще во второй половине предыдущего столетия была выдвинута космологическая гипотеза Канта — Лапласа. В области геологии принцин развптия использовал Ч. Лайель. Наконец, дарвиновская теория перенесла его на сферу органической жизни.

По мнению Тимирязева, данная теория успешно завершила линию распространения принципа развития на окружающий мпр.

Теперь можно отметить социокультурные аспекты полемики. Следует сказать, что Тимпрязев — яркий пример своеобразного низкопоклонства перед Западом, характерного для значительной части отечественной интеллигенции. По крайней мере, в области науки. Отсюда — вместо возражения по существу дела, постоянные отсылки к европейским авторитетам — самому Дарвину, Гельмгольцу, Дюбуа — Реймопу, Спенсеру и другим. Данное обстоятельство весьма проницательно подметил Страхов в строках, которые мы использовали в качестве эпиграфа к данной главе. Розанов в свойственной ему манере обыграл его во втором коробе «Опавших листьев»:

«— Принесли и положили на стол диссертацию профессора: определить, из скольких немецких лоскутков она сшита?» [34, с. 259].

Обратимся к другим участникам полемики. Не мог не вставить своей реплики в споры вокруг «Дарвинизма» и В. С. Соловьев. Необходимо заметить, что в молодости он отдал дань нигилистическим и материалистическим установкам, в том числе и культу естествознания, царившему в среде «шестидесятников». Руководствуясь подобными установками, Соловьев поступил на физико-математический факультет Московского университета. Здесь он, по собственным словам «крошил бритвой» пиявок, но, в конце концов, разочаровался в этих заиятиях. Итогом стал переход на историко-филологический факультет. Тем не менее симпатии к естествознанию вообще и дарвиновской теории эволюции в частности у Соловьева сохранились надолго.

Для соловьевской концепции было характерно стремление примирить откровения религиозного характера с выводами современной ему философии и данными естествознания. Отсюда — указание на религиозные аспекты концепции И. Ньютона, а также отсылки к теории единства физических сил при объяснении механического движения, звука и химических процессов. В подобном ключе выдержана и попытка согласовать библейскую концепцию творения с дарвиновской теорией эволюции, которую Соловьев предпринимает в целом ряде работ. Его можио признать одним из первых религиозных мыслителей, которые не отвергли дарвиновскую концепцию с порога, но попытались сочетать ее с креационистскими установками. Весьма ярко подобная установка проявилась в работах «Красота в природе» (1889) и «Смысл любви» (1894).

В статье «Россия и Европа», отдав дежурную дань естественно-научным познаниям и талантам Данилевского, Соловьев замечает: «Бесспорные достоинства этой книги, в которую автор, по-видимому, вложил всю свою душу, поддерживали интерес до конца, но не могли помешать полному и горькому разочарованию. В “Дарвинизме” не оказалось именно того, чего я от него ожидал и имел основания ожидать: русской самостоятельной теории происхождения видов, взамен опровергаемой английской». И далее критик упрекает Данилевского, что «никакой даже попытки объяснить положительным образом происхождение растительных и животных видов он не сделал» [39, с. 387–388].

Показательно, что, подвергая критике Данилевского, Соловьев оказывается в весьма двусмысленном положении, хотя сам этого не замечает. Ведь самого себя он позиционпровал как христианина и не соглашался с установками автора «России и Европы», как противоречащими универсальности христианской религии. Между тем для христианина вопрос о происхождении жизни должен решаться на основе Священного Писания. Для Данилевского, в отличие от его критика, дело обстояло именно так. Ему было важно показать несостоятельность дарвиновской теории в объяснении закономерностей органического мпра, что он блестяще сделал. Позитивное решение проблем происхождения жизни и закономерностей органического мпра базпровалось у Данилевского на христианском учении.

К полемике присоединился и В. В. Розанов, выступивший на стороне Н. Я. Данилевского и Н. Н. Страхова. Кстати, его первой опубликованной статьей стала статья «Отречение дарвиниста», увидевшая свет в октябре 1889 года на страницах «Московских ведомостях». В ней начинающий публицист указал на то, что, стремясь защитить теорию эволюции от критики Данилевского, Тимирязев входит в противоречие с ее базовыми положениями. Особую пикантность ситуации, указывал Розанов, придает тот факт, что дарвиновский апологет этого просто-напросто не замечает. В ходе полемики стремление любой ценой ниспровергпуть оппонента у Тимпрязева доминпровало над логикой.

В рамках полемики вокруг книги Данилевского Розанов написал статьи «Вопрос о происхождении организмов» и «Органический процесс и механическая причинность». Обе они были онубликованы в 1889 году (первая в «Русском вестнике», вторая — в «Журнале Министерства народного просвещения»). Позднее автор объединил эти работы и переиздал их в сборнике «Прпрода и история» (1899).

В последующие годы Розанов будет постоянно возвращаться к критике дарвиновской теории — вплоть до знаменитой «трилогии» («Уединенное и два короба “Опавших листьев”), в которой он отдаст должное и Данилевскому.

Показательно, что Розанову удалось найти и свою оригинальную нишу в критике дарвинизма. Речь идет о его статье «Теория Чарльза Дарвина, объясияемая из личности ее автора», опубликованной в газете «Новое время». Розанов, в первую очередь, оппрался на автобиографию Дарвина, увидевшую свет на русском языке в 1896 году. Мы уже обращались к этому тексту, в котором создатель теории эволюции раскрывал интересные аспекты генезиса своего учения. Поэтому будет интересно взглянуть на него глазами младшего современника.

На основе изучения автобиографии великого ученого, русский критик сделал вывод, что весь дарвинизм, еще до своего появления на свет содержался в характере его создателя. В детстве Дарвин не любил поэзии, испытывал острую неприязнь к алгебре и анатомии, не мог усвоить историю, политику и нравственную философию. В английских классических школах ученики упражнялись в сочинении стихов. В автобиографии Дарвин признается, что к этому он был абсолютно неспособен — стихи он «склеивал» из строчек старинных поэтов. Напротив, его притягивало все наглядное — «Начала» Евклида, коллекции жуков и минералов, охота. Особенно привлекало будущего творца эволюционной теории наблюдение за внешней стороной явлений и собпрание фактов.

Дальнейшее образование Дарвин продолжил в Эдинбургском университете, где обучался на медицинском факультете. Следует заметить, что, обучаясь в университете, он не освоил практику анатомирования трупов, о чем позднее сожалел. Впрочем, медицина не очень вдохновила молодого Дарвина. Отец, обратив внимание на равнодушие сына к медицине, предложил ему сделаться священником. Для этого пришлось отправиться в Кембриджский университет, где обучение также не доставило будущему создателю эволюционной теории чувства удовлетворения. Розанов в этой связи отмечает главпую черту нравственного склада Дарвина — пассивность. Он готов стать кем угодно (врачом, священником), но бесстрастно, без горячности.

Все это, писал русский критик, сказалось в учении Дарвина, ибо мы не можем оторвать научпую концепцию от личности ее творца. Вот как звучит интересующее нас место в статье Розанова:

«Дарвинизм есть внешнее объяснение прпроды, есть взгляд, снаружи брошенный на живой мир и скользящий по его поверхности. Широкий, но не проницающий гений натуралиста в высшей степени сказался в нем. Все факторы, образующие формы этого мпра — найдены не скальпелем, усмотрены не под микроскопом, но найдены в лесу, в поле, подмечены в нравах животных и в обстоятельствах, если можно так выразиться, их быта: этот лес, эти деревья — дают окраску им; здесь ищут пищу и, не находя ее достаточно — борются за существование. Формы (органические) не рождаются изнутри, но делаются снаружи — почти так, как творец теории делал поэзию, склеивая разные стихи старых авторов» [33, с. 41–42].

Розанов, следуя в этом аспекте Данилевскому и Страхову, утверждает, что все серьезные оппоненты дарвиновской концепции подходили к биологическим объектам изнутри, стремились познать впутренние закономерности их развития. Среди наиболее значительных критиков дарвинизма он называет Л. Агассиса, К. фон Бэра, А. Келликера. Естественно, что объяснения Дарвина их удовлетворить не могли. Впрочем, и сам автор «Происхождения видов», занятый изучением влияния внешней среды на происхождение и развитие организмов, отмахивался от аргументов своих оппонентов, да и от всего глубинного, не лежащего на поверхности — констатпрует Розанов.

Полемика затронула и случайных, на первый взгляд, современников. Впрочем, случайными их можно назвать только на первый взгляд. Поскольку речь шла о мировоззреических аспектах, то необходимо помнить, что русское общество конца XIX века было крайне поляризовано и остро реагпровало на подобные споры. Любопытно в этой связи письмо В. Г. Короленко к жене, где он, явно с чьих-то слов, комментпрует интересующую нас полемику вокруг «Дарвинизма». Прославившись своей публицистической деятельностью в пользу инородцев и критикой порядков Российской империи, В. Г. Короленко был причислен к выдающимся русским писателям. Авансы надо было отрабатывать, что он и делал даже в частной переписке.

Позиция В. Г. Короленко по интересующему нас вопросу весьма показательна для леволиберальной интеллигенции конца XIX — начала XX столетия. Во-первых, любое несогласие с исповедуемой этой интеллигенцией идеологией — явный признак реакционной позиции оппонента. Поскольку речь идет об эпохе Алексаидра III, которого подобная публика ненавидела, то связь идейных и политических

аспектов совершенно очевидна. Во-вторых, Короленко демонстрирует не только полное незнание аргументов Данилевского, но толком не может разобраться даже с названием его труда. Он путает его с заголовком статьи Страхова — «Полное опровержение дарвинизма». Дальше, как говорится, — больше. Приписываемое книге Данилевского название сравнивается критиком с названиями популярных у обывателей изданий — «Полным сонником с открытием тайн белой и черной магии» и «Полным разъяснением адских тайн». Выдав все эти перлы, знаменитый писатель поет дифирамбы Тимирязеву, который не поддался на похвалы коварных антидарвинистов, не оставил камня на камне от их аргументов и т. д. [86].

Проблемы, поставленные автором «Дарвинизма», были далеко не исчерпаны в ходе рассмотренных нами споров. Если брать чисто научные аспекты проблемы, то у Данилевского оказался целый ряд выдающихся единомышленников в отечественной науке XX века. Конечно, далеко не все из них упоминали его имя, но, как нам представляется, сознание идейной близости принесло бы великому мыслителю большую радость. В числе этих единомышленников следует назвать двух выдающихся отечественных биологов XX века. Мы имеем в виду Льва Семеновича Берга (1876–1950) и Алексаидра Александровича Любищева (1890–1972).

Л. С. Берг был видным натуралистом и географом. Он развил и углубил идеи В. В. Докучаева о зонах прпроды, создал оригинальное учение о географических лаидшафтах («Ландшафтно-географические зоны СССР», Ч. 1, 1931; «Прпрода СССР», 1937). Из-под его пера вышли основательные работы по истории русской географической науки («Открытие Камчатки и камчатекие экспедиции Беринга», 1924; «Очерки по истории русских географических открытий», 1946; «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней», 1949). Показательно, что основной сферой интересов Л. С. Берга в области биологии была ихтиология (показательная перекличка с Н. Я. Данилевским), его считали крупнейшим ихтиологом Советского Союза. С 1940 года ученый возглавлял Всесоюзное географическое общество. В 1928 он был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1946 — академиком.

Свою биологическую теорию Л. С. Берг изложил в книге «Номогенез, или Эволюция на основе закономерностей», которая увидела свет в 1922 году. В ней выдающийся биолог и географ характеризовал учение Дарвина как концепцию тихогенеза, то есть развития на основе случайности (вспомним упреки эволюционной теории

со стороны Н. Я. Данилевского и Н. Н. Страхова). Собственное учение Л. С. Берг обозначил как концепцию номогенеза, то есть развития на основе закономерности. Интересно, что естественный отбор в концепции номогенеза не отбрасывается полностью, но играет второстепенпую роль. Подобно Данилевскому, автор «Номогенеза» указывал на догматический характер восприятия учения Дарвина его последователями. В этой связи он вспоминал А. Вейсмана, который назвал единственно возможиым объяснением эволюции принцип естественного отбора. Но ведь это, замечал Л. С. Берг, по сути дела догма, а не следование фактам, чем должиа руководствоваться наука.

В «Номогенезе» автор писал: «Труд Данилевского — результат обширной эрудиции автора, есть произведение, заслуживающее полного внимания. В ней заключена масса дельных соображений, к которым впоследствии пришли на Западе. Если бы книга Данилевского была своевременно переведена на какой-либо из иностранных языков, то она пользовалась бы заслуженной известностью. У нас же она находилась в полном небрежении. Я буду очень счастлив, если своей книгой смогу обратить внимание на незаслуженно забытое произведение русского автора» [1, с. 95]. Увы, последнее замечание Л. С. Берга оказалось неосуществленным, ибо и сама его книга оказалась в зоне умолчания. И научное сообщество, и новая власть, объявившая дарвинизм естественно-научным основанием собственной социально-политической теории, были не заинтересованы в любой критике этого учения.

Философские взгляды А. А. Любищева тяготели к платонизму и холизму. Свои воззрения он, в пику официальной философской системе, называл «диалектическим идеализмом». Вслед за Лениным, ученый выделял две основные линии развития философии, Демокрита и Платона, причем его собственные симпатии были целиком на стороне родоначальника идеализма. Холизм А. А. Любищева вступал в резкий конфликт с редукционизмом, пытавшимся полностью подчинить живые организмы закономерностям, которые открываются физико-химическому знанию. Данный путь заключается в расчленении целостного организма на составные элементы и последующем исследовании этих элементов. А. А. Любищев был убежден, что организация, составленная из частей, будет обладать другими качествами, чем целое. Живая клетка отличается от неживой тем, что она живая, а следовательно, обладает принципиально иными качествами.

А. А. Любищев, в письме к С. В. Мейепу от 17 августа 1970 года указывал, что, перечитав сочинения Дарвина и его критиков (а среди них и труд Данилевского) окоичательно пришел к выводу, что главный принцип теории эволюции имеет философское, а никак не научное основание. Причем перед нами философия дурного толка — ссылался на автора «Дарвинизма» А. А. Любищев. Его адресат, видный геолог и палеоботаник, в свою очередь, пришел к выводу, что биологические воззрения Данилевского удивительно современны и содержат фундаментальные возражения против дарвиновской теории. Он выражал изумление, что никто из отечественных теоретиков не удосужился ознакомиться с ними.

Можно сделать вывод, что критика дарвинизма, предпринятая Данилевским, нашла отклик в среде ученых, которые не отказались придерживаться базовых принципов науки. Речь идет об отказе от слепой веры в авторитеты и безоговорочном следовании за этими авторитетами в научном исследовании. К сожалению, большинству представителей ученого цеха было по разным причинам удобнее не замечать той фуидаментальной и основательной критики, которую предприиял автор «Дарвинизма». В том числе и по этой причине переиздание данного труда так затяпулось. Тем не менее следует заметить, что истипу нельзя скрывать вечно и, как нам представляетея, Данилевский-натуралист еще получит заслуженное признание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В историю русской и мировой мысли Н. Я. Данилевский в первую очередь вошел как создатель теории культурно-исторических типов. Как известно, эту теорию он изложил в книге «Россия и Европа». Характеризуя идейное наследие Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева, В. В. Розанов в статье «Поздние фазы славянофильства» (1899) указывал: «Мы без смущения назовем имена Маккиавели, Монтескье, Ж. Бодена, Эд. Борка, Прудона, между которыми должны быть поставлены имена этих писателей. Они зовут столь же новое; отрицают столь же обширное; и, в сущности, отрицают и зовут еще обширнейшее и более новое, чем те великие умы, и также опираясь на обширную философию» [30, с. 255–256].

В. В. Розанов оказался прав. Эвристический потенциал теории культурно-исторических типов неоднократно реализовывался в социально-философской мысли XIX–XX веков. О западных концепциях, развивавших принципы культурно-цивилизационной теории, мы уже неоднократно писали. Так же, как и о том, что они по сути дела игнорировали наследие первого теоретика данного направления. Или, точнее, делали вид, что его не было. В этом аспекте О. Шпенглер, А. Тойнби и С. Хантингтон демонстрировали удивительное единодушие. При этом важно отметить, что элементы релятивизма, неизбежные при любой форме историзма, в значительной мере уравновешиваются у Н. Я. Данилевского религиозной установкой, глубинной погруженностью в православную традицию. В этом принципиальное отличие его концепции от концепций западных сторонников культурно-цивилизационного подхода.

Если брать учения русских авторов, то по пути, который наметил Н. Я. Данилевский, пошли наиболее интересные отечественные мыслители. В данной связи необходимо назвать и социально-философские построения К. Н. Леонтьева, и учение евразийцев, и теорию этногенеза Л. Н. Гумилева, и концепцию русской истории В. В. Кожинова, и «глобальное политическое прогнозирование»

А. С. Панарина, и блестящий анализ отечественной истории последнего столетия в книге С. Г. Кара-Мурзы «Советская цивилизация». Как нам представляется, все эти концепции можно без особых натяжек интерпретировать как варианты культурно-цивилизационной теории, чей первый развернутый вариант был представлен «Россией и Европой».

В работе «О пользе и вреде истории для жизни» (1874) Ф. Ницше указывал на опасности историзма. Данный принцип, по его мнению, лишает нас перспектив творческого видения будущего [27, Т. 1, с. 199]. Конечно, в таком подходе можно увидеть некоторое преувеличение, но какие-то негативные аспекты доминирования данного принципа в сознании людей XIX столетия немецкий мыслитель все же уловил. Вспомним хотя бы гегелевскую философию, объявившую современные ей институты европейского общества и культуры пределами развития человечества. Историзм Н. Я. Данилевского носит принципиально иной характер. Он предлагает великую перспективу — создание нового культурно-исторического типа, принципиальной новой цивилизации. Наша задача — реализовать пророчество великого мыслителя.

Но, как нам представляется, только созданием первого развернутого варианта культурно-цивилизационной концепции заслуги Н. Я. Данилевского не ограничиваются. Его интересовали самые разные темы — от богословия до ихтиологии. И практически во всех областях, где он работал, великий человек оставил яркий след. Особенно это касается геополитической проблематики и биологии. В последней сфере наш соотечественник предпринял самую основательную в XIX столетии критику теории Дарвина. Преемственность от концепции автора «Дарвинизма» обнаруживается в теории номогенеза Л. С. Берга, в исследованиях А. А. Любищева и С. В. Мейена.

Многие из положений Н. Я. Данилевского были подтверждены ходом развития научного знания, хотя его имя при этом вспоминается не часто. Данное обстоятельство связано с теми манипуляциями и фальсификациями, которые неминуемо сопровождают развитие и распространение научных концепций. Показательно, что автор «России и Европы» и «Дарвинизма» был одним из первых, кто обратил внимание на подобные аспекты и проанализировал их в своих монументальных трудах. В современной российской философии науки мы сталкиваемся с преломлением идей интересующего нас мыслителя.

В последние десятилетия творческое наследие Н. Я. Данилевского неоднократно становилось объектом исследования. Правда, в большинстве случаев, исследователей привлекали идеи, содержавшиеся в «России и Европе». Действительно, эта работа является важнейшим памятником русской философской мысли. Неслучайно, что она все эти годы регулярно переиздается. Концепция, изложенная Н. Я. Данилевским в «Дарвинизме», становилась предметом изучения и интерпретации значительно реже. Что там говорить, если сам этот труд за 130 лет был переиздан лишь однажды. Еще реже интерпретаторы наследия Н. Я. Данилевского обращались к его публицистике. В представленной монографии мы попытались, насколько возможно в сравнительно небольшой работе, показать все богатство мыслей великого русского мыслителя и патриота. Выводы пусть сделают читатели.

ПЕРВОИСТОЧНИКИ

1. *Берг Л. С.* Труды по теории эволюции, 1922–1930. Л.: Наука, 1977.
2. *Бестужев-Рюмин К. Н.* Теория культурно-исторических типов // Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета; Изд-во «Глагол», 1995. С. 432–462.
3. *Вольтман Л.* Политическая антропология. М.: Белые альвы, 2000.
4. *Гобино Ж. А.* Опыт о неравенстве человеческих рас. М.: Одиссей; ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
5. *Григорьев А. А.* Эстетика и критика. М.: Искусство, 1980.
6. *Данилевский Н. Я.* Горе победителям. М.: Амир; ГУП «Облиздат», 1998.
7. *Данилевский Н. Я.* Дарвинизм. Критическое исследование. М.: Изд-во «ФИВ», 2015.
8. *Данилевский Н. Я.* Политическая философия. Дополнения к книге «Россия и Европа». М.: Изд-во «ФИВ», 2013.
9. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета; Изд-во «Глагол», 1995.
10. *Данилевский Н. Я.* Сборник политических и экономических статей. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1890.
11. *Данилевский Н. Я.* Учение Фурье // Петрашевцы. Сборник материалов / Под ред. П. Е. Щеголева. Т. 2. М.; Л.: Государственное изд-во, 1927. С. 118–149 // http://az.lib.ru/d/danilewskij_n_j/text_1848_uchenie_furie.shtml (дата обращения — 30.03.2019).
12. *Данилевский Н. Я.* Экономические статьи / Отв. ред. Н. Бойко. М.: Изд-во «Родная страна», 2018.
13. *Дарвин Ч.* Воспоминания о развитии моего ума и характера (Автобиография). М.: Изд-во АН СССР, 1957.
14. *Дарвин Ч.* Избранные письма. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950.
15. *Дарвин Ч.* Происхождение видов путем естественного отбора. Л.: Наука, 1991.
16. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 12. Л.: Наука, 1975.

17. *Кареев Н. И.* Теория культурно-исторических типов (Н. Я. Данилевский: «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому». 4-е изд. СПб., 1889) // Русская мысль. М., 1889. Год десятый, кн. IX. С. 1–32.
18. Консерватизм: pro et contra, антология / Сост., вступ. статья, коммент. А. Я. Кожурина; ред., предисл. А. А. Синицына. СПб.: РХГА, 2016.
19. *Кропоткин П. А.* Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Правда, 1990.
20. *Ламанский В. И.* Геополитика панславизма / Сост., пред., коммент. Ю. В. Климаков; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010.
21. *Ленин В. И.* Сочинения: в 10 т. М.: Политиздат, 1984–1987.
22. *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М.: Республика, 1996.
23. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: в 9 т. М.: Политиздат, 1984–1988.
24. *Мечников Л. И.* Цивилизация и великие исторические реки / Пред., коммент. В. И. Евдокимова. М.: Айрис-пресс, 2013.
25. *Михайловский Н. К.* Россия и Европа. Записки профана // Михайловский Н. К. Полное собрание сочинений. 4-е изд. Т. 3. СПб.: Изд-во редакции журнала «Русское богатство», 1909. Стб. 854–887.
26. *Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 3. Л.: Наука, 1982.
27. *Ницше Ф.* Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990.
28. *Одоевский В. Ф.* Русские ночи / Изд. подг. Б. Ф. Егоров, Е. А. Маймин, М. И. Медовой. Л.: Наука, 1975.
29. Письма Н. Н. Страхова к Н. Я. Данилевскому // Русский вестник. 1900. № 1–3.
30. *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Т. 7. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1996.
31. *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Т. 13. Литературные изгнанники: Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001.
32. *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Т. 24. В чаду войны. Статьи и очерки 1916–1918 гг. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008.
33. *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Т. 25. Прпрода и история. Статьи и очерки 1904–1905 гг. М.: Республика; СПб.: Росток, 2008.
34. *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Т. 30. Листва. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010.
35. *Семенов-Тян-Шанский Н. Н.* Детство и юность // Русские мемуары. Избранные страницы (1825–1856) / Сост., вступ. ст., биограф. очерки и примеч. И. И. Подольской. М.: Правда, 1990. С. 411–513.

36. *Семенов-Тян-Шанский Н. Н.* Мемуары // Первые русские социалисты: Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге / Сост. Б. Ф. Егоров. Л.: Лениздат, 1984. С. 77–96.
37. *Соловьев В. С.* «Неподвижно лишь солнце любви…»: Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М.: Московский рабочий, 1990.
38. *Соловьев В. С.* Россия и Вселенская Церковь. М.: ТПО «Фабула», 1991.
39. *Соловьев В. С.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989.
40. *Соловьев В. С.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990.
41. *Страхов Н. Н.* Борьба с Западом / Сост. и коммент. А. В. Белова; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010.
42. *Страхов Н. Н.* Всегдашняя ошибка дарвинистов (по поводу статьи проф. Тимирязева «Опровергнут ли дарвинизм?») // http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1887_oshibka. shtml (дата обращения — 19.09.2018).
43. *Страхов Н. Н.* Дарвин // http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1873_darvin. shtml (дата обращения — 12.09.2018).
44. *Страхов Н. Н.* Мир как целое. М.: Айрис-пресс; Айрис-Дидактика, 2007.
45. *Страхов Н. Н.* Предисловие к критическому исследованию Данилевского «Дарвинизм» // Данилевский Н. Я. Дарвинизм. Критическое исследование. М.: Изд-во «ФИВ», 2015. С. 8–42.
46. *Тимирязев К. А.* Наука и демократия: сборник статей 1904–1919 гг. М.: Соцэкгиз, 1963.
47. *Тимирязев К. А.* Чарльз Дарвин и его учение // Тимирязев К. А. Избранные сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Сельхозгиз, 1949.
48. *Тихомиров Л. А.* Россия и демократия. М.: Изд-во «ФондИВ», 2007.
49. *Толстой А. К.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М.: Правда, 1980.
50. *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений: в 22 т. М.: Художественная литература, 1978–1985.
51. *Тютчев Ф. И.* Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. Н. Я. Берковского; Сост., подгот. текста и примеч. А. А. Николаева. Л.: Советский писатель, 1987.
52. *Фадеев Р. А.* Кавказская война. М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2005.
53. *Фаминцын А. С.* Данилевский и дарвинизм. Опровергнут ли дарвинизм Данилевским? // Вестник Европы. 1889. Т. I, кн. 2. С. 616–643.
54. *Фет А. А.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост. и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л.: Советский писатель, 1986.
55. *Хайдеггер М.* Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993.
56. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: Изд-во АСТ, 2016.
57. *Хомяков А. С.* Стихотворения и драмы. Л.: Советский писатель, 1969.

58. *Чаадаев Н. Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М.: Наука, 1991.
59. Шестидесятники / Сост. и авт. вступ. ст. Ф. Ф. Кузнецова. М.: Советская Россия, 1984.
60. Шестидесятые годы / Вступ. статьи, коммент. и ред. В. Евгеньева-Максимова и Г. Ф. Тизенгаузена. М.; Л.: Academia, 1933.
61. *Шлегель Ф.* Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1983.
62. *Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: Наука, 2016.
63. *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 1. М.: Мысль, 1993.
64. *Эккерман И.-Н.* Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М.: Художественная литература, 1986.

ИССЛЕДОВАНИЯ

65. *Авдеев В., Иванов А., Ригер Ю.* Ганс Ф. К. Гюнтер — пророк нордической расы // Гюнтер Г. Ф. К. Избранные работы по расологии. М.: Белые альвы. 2002. С. 4–61.
66. *Арефьев М. А.* Философские основания культуры буддизма в России: монография. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2009.
67. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М.: Издательская группа «Прогресс»-«Политика», 1993.
68. *Асмус В. Ф.* Маркс и буржуазный историзм // Асмус В. Ф. Избранные философские труды. Т. II. М.: Изд-во Московского университета, 1971. С. 205–429.
69. *Асоян Ю., Малафеев А.* Открытие идеи культуры (Опыт русской культурологии середины XIX — начала XX веков). М.: ОГИ, 2000.
70. *Бажов С. И.* Философия истории Н. Я. Данилевского. М.: ИФ РАН, 1997.
71. *Балуев Б. Н.* Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». М.: УРСС, 1999.
72. *Богачев-Нрокофьев С. А., Кожурин А. Я.* Тело в политическом и эстетическом горизонтах (оформление телесности в тоталитарном государстве) // Философия образования и мпр детства: материалы XI международной конференции «Ребенок в современном мпре. Государство и дети». СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 715–728.
73. *Бороноев А. О., Смирнов Н. И.* Россия и русские. Характер народа и судьбы страны. СПб.: Лениздат, 1992.
74. *Воронцов Н. Н.* Развитие эволюционных идей в биологии. М.: КМК, 2004.

75. *Гайсинович А. Е.* Зарождение и развитие генетики. М.: Наука, 1988.
76. *Галактионов А. А.* Органическая теория как методология социологической концепции Н. Я. Данилевского // Российская социология: межвузовский сборник / Под ред. А. О. Бороноева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1993. С. 22–35.
77. *Галактионов А. А., Никандров Н. Ф.* Русская философия IX–XIX вв. 2-е изд. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989.
78. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеоиздат, 1990.
79. *Гюнтер Ганс Ф. К.* Избранные работы по расологии. М.: Белые альвы, 2002.
80. *Давыденкова А. Г., Кожурин А. Я., Козлова Т. И.* История и философия науки в европейской и отечественной культуре: монография. СПб.: Изд-во ИПП, 2014.
81. *Данильченко-Данилевская В. Я.* Семейная хроника рода Николая Яковлевича Данилевского // Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Сост. и коммент. Ю. А. Белова; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 715–727.
82. *Дверницкий Б. Г.* Н. Я. Данилевский — основоположник русской историософии // Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. Вып. 4. СПб.: Изд-во РХГА, 2019. С. 283–290.
83. *Дебец Г. Ф.* Расы // Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 36. М., 1955. С. 107–112.
84. *Евграфов В. Е.* Социально-полнтические и социальные взгляды петрашевцев // Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М.: Госполитиздат, 1953. С. 7–110.
85. *Емельянов-Лукьянчиков М. А.* Иерархия радуги: русская цивилизация в наследии К. Н. Леонтьева, Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби. М.: Русский Міръ, 2008.
86. *Ефремов А. В.* Дарвинизм: Климент Тимпрязев как критик Данилевского // /http:// danilevsky.ru/conf/21052015/doc-116.html (дата обращения — 13.09.2018).
87. *Ефремов А. В.* Концепция Н. Я. Данилевского в оценках современников: 1870-е — 1890-е годы: автореф. дис. … каид. ист. наук: 07.00.02 / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2006.
88. *Зеньковский В. В.* Русскне мыслители и Европа. М.: Республика, 2005.
89. *Зубов В. Н.* Из истории мпровой науки: Избранные труды 1921–1963. СПб.: Алетейя; Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006.
90. *Ильин Н. Н.* Трагедия русской философии. Ч. I. От лнчины к лицу. Введение в принципы историко-философского понимания: монография. СПб., 2003.
91. *Ирвин У.* Дарвин и Гексли. М.: Молодая гвардия, 1973.

92. История биологии с древнейших времен до начала XX века / Под ред. С. Р. Микулинского. М.: Наука, 1972.
93. *Канаев И. И.* Жорж Кювье. Л.: Наука, 1976.
94. *Кара-Мурза С. Г.* Идеология и мать ее наука. М.: Изд-во Эксмо, 2002.
95. *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация. Книга первая. От начала до Великой Победы. М.: Алгоритм, 2002.
96. *Кареев Н. И.* Основы русской социологии. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996.
97. *Карл Бэр*. Его жизнь и научная деятельность. Биографический очерк Н. А. Холодковского. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих, 1893.
98. *Кожинов В. В.* История России. Век XX. М.: Алгоритм, 2016.
99. *Кожурин А. Я.* Русская философия науки: XIX — первая половина XX века. [б. м.]: Издательские решения, 2017.
100. *Кожурин А. Я., Кучина Л. И.* Споры о границах и ценности науки в русской философии второй половины XIX — начала XX века // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2008. № 3 (55). С. 107–116.
101. *Колчинский Э. И., Сытин А. К., Смагина Г. И.* Естественная история в России (Очерки развития естествознания в России в XVIII веке). СПб.: Изд-во ИП РАН «Нестор-История», 2004.
102. *Кондратенко А. И.* У истоков русской национальной идеи: Ф. В. Ростопчин, Н. Я. Данилевский и их время (историко-политологический анализ). Орел: Издательство ОРАГС, 2002.
103. *Лебедев С. В.* Охранители истинно русских начал. Идеалы, идеи и политика русских консерваторов второй половины XIX века. СПб.: Нестор, 2004.
104. *Максимов А. А.* Очерки по истории борьбы за материализм в русском естествознании. М.: ОГИЗ, 1947.
105. *Маякунов А. Э.* Национально-государственные проблемы России в творчестве Н. Я. Данилевского: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.10/ СПбГУ. СПб., 1994.
106. *Минаев В. Н.* Тайное становится явным. М.: Воениздат, 1962.
107. *Михайлов А. В.* Обратный перевод. М.: Языки русской культуры, 2000.
108. *Мюссо-Гулар Р.* Карл Великий. М.: Издательство «Весь Мир», 2003.
109. *Назаров В. И.* Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели. М.: КомКнига, 2005.
110. *Налиевский Н. В.* Из выводов XX века. [СПб.]: Владимир Даль; Издательский Дом «Русский остров», 2004.
111. *Панарин А. С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Издательская корпорация «Логос», 1998.

112. *Нолатайко С. В.* Пространственно-временные основания теории культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.11/ РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 1998.
113. *Нолатайко С. В.* Образовательные идеалы социальной философии. СПб.: Наука, 2007.
114. *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974.
115. *Реале Д., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Том 4. От романтизма до наших дней. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997.
116. *Руденская М. Н., Руденская С. Д.* «Наставникам…за благо воздадим»: Очерки. Л.: Лениздат, 1986.
117. *Рудницкая Е.* Владимпр Соловьев против Николая Данилевского // Vittorio: международный научный сборник, посвященный 75-летию Витторио Страды. Сост.: С. Бочаров, А. Парник; пер. с итал.: И. Пильщиков, М. Визель, Н. Сосна. М.: Три квадрата, 2005. С. 93–113.
118. *Рыбас С. Ю.* Сталин. М.: Молодая гвардия, 2009.
119. *Семенков В. Е.* Психологическая антропология Н. Я. Данилевского // Философская антропология: Очерк истории / Под ред. Б. В. Маркова, А. Н. Исакова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2003. С. 157–163.
120. *Смолин М. Б.* Тайны русской империи. М.: Вече, 2014.
121. *Снетова И. В.* Учение Чарльза Дарвина в критической рефлексии Николая Данилевского и Николая Страхова (из истории дарвинизма в России) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 43–50.
122. *Сорокин П. А.* О русской общественной мысли. СПб.: Алетейя, 2000.
123. Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX — начала XX века / Под ред. Б. А. Чагина. Л.: Наука, 1978.
124. *Стрельченко В. И.* Основы истории и философии науки: научное пособие по истории и философии науки для асппрантов. СПб.: Астерион, 2018.
125. *Султанов К. В.* Наука как культурно-исторический феномен (концепция Н. Я. Данилевского) // Стратегии взаимодействия философии, культурологии и общественных коммуникаций. СПб.: Изд-во РХГИ, 2003. С. 265–272.
126. *Султанов К. В.* Социальная философия Н. Я. Данилевского: конфликт интерпретаций. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2001.
127. *Сэв Л.* Современная французская философия. М.: Прогресс, 1968.
128. *Трубецкой А.* Крымская война: Неизвестная мировая война. СПб.: ЗАО «Торгово-издательский “Амфора”», 2014.

129. *Тюрин А.* Оболганный император: Правда о Николае I. СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом "Амфора"», 2014.
130. *Фатеев В. А.* Беседа 6. Н. Н. Страхов и В. С. Соловьев: к истории полемики // Н. Н. Страхов в диалогах с современниками. Философия как культура понимания / С. М. Климова, Е. А. Антонов, Н. П. Ильин и др. СПб.: Алетейя, 2010. С. 153–173.
131. *Флоровский Г.* Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998.
132. *Хен Ю. В.* Евгенический проект: «pro» и «contra». М.: ИФ РАН, 2003.
133. *Цимбаев Н. И.* Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М.: Изд-во Московского университета, 1986.
134. *Шафаревич И. Р.* Есть ли у России будущее?: Публицистика. М.: Советский писатель, 1991.
135. *Шперк Ф.* Как печально, что во мне так много ненависти… Статьи, очерки, письма. СПб.: Алетейя, 2010.
136. *Юнкер Т., Хоссфельд У.* Открытие эволюции: Революционная теория и ее история. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007.
137. *Mac-Master R.* Danilevsky. A Russian totalitarian philosopher. Cambridge (Mass.): Mass. University Press, 1967.
138. *Mac-Master R. E.* The Question of Heinrich Ruckert's influence on Danilevsky // American Slavic and East European Review. 1955. № 2. P. 59–66.
139. *Todes D. P.* Darwin without Malthus the struggle for existence in Russian evolutionary thought. N-Y.: Oxford University Press, 1989.
140. *Vucinich A.* Social Thought in Tsarist Russia. The Quest for a General Science of Society. 1861–1917. Chicago-London: The University of Chicago Press, 1976.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авдеева Л. Р.* Проблема «Россия и Европа» в воззрениях Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1982. № 3. С. 74–86.
2. *Авдеева Л. Р.* Русские мыслители. А. А. Григорьев, Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов. Философская культурология второй половины XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1992. 195 с.
3. *Александрова Л. И.* Идейные споры вокруг культурологического наследия Н. Я. Данилевского в России и Европе: автореф. дис. … канд. культурологии: 24.00.02 / Нижневартовский гос. пед. ин-т. Нижневартовск, 1998. 25 с.

4. *Амелина Е. М.* Место Польши в русской историософской мысли второй половины XIX века (Вл. Соловьев, Н. Данилевский, М. Бакунин) // Соловьевские исследования. 2014. Вып. 4(44). С. 58–75.
5. *Аринин А. Н., Михеев В. М.* Самобытные идеи Н. Я. Данилевского. М.: Изд-во ТОО «ИнтелТех», 1996. 478 с.
6. *Асланов И. К.* Периодизация исторического процесса: По творчеству Н. Я. Данилевского: автореф. дис. … каид. филос. наук: 09.00.11 / Рос. гос. аграр. заоч. ун-т. М., 2002. 18 с.
7. *Бажов С. И.* И. В. Киреевский и Н. Я. Данилевский о самобытных началах русской культуры // Философия в России XIX — начала XX века: иреемственность идей и поиски самобытности. М.: ИФАН, 1991. С. 41–69.
8. *Бажов С. И.* Культура и цивилизация в философско-исторической концепции Н. Я. Данилевского (критический анализ): автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.03 / АН СССР. Ин-т философии. М., 1989. 22 с.
9. *Бажов С. И.* Философия истории Н. Я. Данилевского. М.: ИФРАН, 1997. 215 с.
10. *Балуев Б. Н.* Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». М.: УРСС, 1999. 280 с.
11. *Бахтин М. В.* Концептуальная преемственность и специфика теоретического моделнрования структурной организации исторического процесса в философии Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева и В. С. Соловьева // Мпр науки, культуры и образования. Горно-Алтайск, 2012. № 5. С. 211–213.
12. *Белов А. В.* Культура глазами философов-органицистов. Ростов-н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. 180 с.
13. *Белов А. В.* Органицистская концепция культуры в философии русского консерватизма: автореф. дис. … д-ра филос. наук: 24.00.01 / Рост. гос. ун-т. Ростов-н/Д, 2004. 46 с.
14. *Белов А. В.* Теория культурно-исторических типов: pro et contra. Ростов-н/Д: Изд-во Рост. пед. ун-та, 2002. 104 с.
15. *Белов А. В., Кохановский В. Н.* Органицизм основание теории культурно-исторических типов (на материале научного наследия Н. Я. Данилевского) // Научная мысль Кавказа. 2002. № 1. С. 24–35.
16. *Бестужев-Рюмин К. Н.* Теория культурно-исторических типов // Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политическне отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета; Изд-во «Глагол», 1995. С. 432–462.
17. *Бондаренко И. Ю.* Проблемы культурно-исторической типологии личности: Н. Я. Данилевский, В. С. Соловьев, А. Ф. Лосев: автореф. дис. … каид. филос. наук: 24.00.01 / Рост. гос. ун-т. Ростов-н/Д, 2006. 31 с.

18. *Буренков А. В.* Историософия Н. Я. Данилевского как альтернатива социальному универсализму: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.03 / Курск. гос. ун-т. Курск, 2017. 21 с.
19. *Вайгачев С. А.* Послесловие // Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. Взгляд на культурные и полнтические отношения славянского мпра к германо-романскому. М.: Книга, 1991. С. 556–567.
20. *Волошина А. С.* Теория культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского: история и современность: автореф. дис. … канд. филос. наук: 24.00.01 / Рост. гос. ун-т. Ростов-н/Д, 2004. 30 с.
21. *Воронцов А. В., Громов И. А.* История социологии. XIX — начало XX века: в 2 т. Ч. 2. Русская социология: учеб. пособие. М.: Гуманитар. издат. центр ВЛАДОС, 2005. С. 86–104.
22. *Воронцов Н. Н.* Развитие эволюционных идей в биологии. М.: КМК, 2004. С. 220–222.
23. *Галактионов А. А.* Органическая теория как методология социологической концепции Н. Я. Данилевского // Российская социология: межвузовский сборник / Под ред. А. О. Бороноева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1993. С. 22–35.
24. *Галактионов А. А., Никандров Н. Ф.* Русская философия IX–XIX вв. 2-е изд. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. С. 425–433.
25. *Галузина Е. В.* Ценностные основания национальной идентичности в трудах русских консерваторов XIX — начала XX века: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.03 / Тверской гос. ун-т. Тверь, 2011. 22 с.
26. *Голосенко И. А.* Социальная философия неославянофильства: Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев // Социологическая мысль в России / Под ред. Б. А. Чагина. Л.: Наука, 1978. С. 227–254.
27. *Голосенко И. А., Козловский В. В.* История русской социологии XIX–XX вв. М.: Онега, 1995. С. 11, 16, 40, 45, 52.
28. *Горелов А. А.* Концепция культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского и современная социально-политическая реальность // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 53–62.
29. *Грубин В. А.* Проблема общего и особенного в теории культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского // Вестник Ленинградского университета: Экономика. Философия. Право. 1973. № 11. С. 128–131.
30. *Гуторов В. А.* Наследие Н. Я. Данилевского в свете современных fascist studies // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. Вып. 4. СПб.: Изд-во РХГА, 2019. С. 307–312.
31. *Данильченко-Данилевская В. Я.* Семейная хроника рода Николая Яковлевича Данилевского // Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Сост. и коммент. Ю. А. Белова; отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 715–727.

32. *Дверницкий Б. Г.* Н. Я. Данилевский — основоположник русской историософии // Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. Вып. 4. СПб.: Изд-во РХГА, 2019. С. 283–290.
33. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 29. Кн. I. Л.: Наука, 1986.
34. *Дубина В. С.* Русский консерватизм и Н. Я. Данилевский: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Самарский гос. ун-т. Самара, 2000. 16 с.
35. *Дьяков В. А.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М.: Наука, 1993. 207 с.
36. *Емельянов-Лукьянчиков М. А.* Иерархия радуги: русская цивилизация в наследии К. Н. Леонтьева, Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби. М.: Русский Міръ, 2008. 704 с.
37. *Емельянов-Лукьянчиков М. А.* Концепция исторического развития в наследии русских и европейских основателей цивилизационного подхода: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / МГПУ. М., 2006. 21 с.
38. *Ермаков Д. С.* Судьба наследия Н. Я. Данилевского в XXI веке // Проблемы современной науки и образования. 2018. № 6(126). https://cyberleninka.ru/article/н/sudba-naslediya-n-ya-danilevskogo-v-xxi-veke/viewer (дата обращения — 10.03. 2020).
39. *Ефремов А. В.* Данилевский и Достоевский. Футурология панславизма и национальный мессианизм // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 61–82.
40. *Ефремов А. В.* Данилевский и Розанов // Энтелехия. Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Кострома. 2003. № 7. С. 65–68.
41. *Ефремов А. В.* Дарвинизм: Климент Тимирязев как критик Данилевского // /http:// danilevsky.ru/conf/21052015/doc-116.html (дата обращения — 13.09.2018).
42. *Ефремов А. В.* Концепция Н. Я. Данилевского в оценках современников: 1870–1890-е годы: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / МПГУ. М., 2006. 16 с.
43. *Ефремов А. В.* Стезя Николая Данилевского // Данилевский Н. Я. Горе победителям. Горе победителям. М.: Амир; ГУП «Облиздат», 1998. С. 5–17.
44. *Ефремов А. В., Черныш А. М.* Н. Я. Данилевский и русская историческая наука // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 4. С. 250–256.
45. *Захарова А. А.* Россия в философско-исторической концепции Н. Я. Данилевского. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1986. 220 с.
46. Идеи русского ученого энциклопедиста Н. Я. Данилевского и реалии современного мира: сб. ст.: (по материалам 1-й Междунар. науч.-практ. конф. «К 130-летию 1-го изд. книги “Россия и Европа”, 29 мая 2001 г.

МГПУ») / Моск. гор. пед. ун-т, Ин-т рос. истории РАН, Фонд развития экон. и гуманит. связей «Москва — Крым»; ред. кол.: Н. П. Пищулин [и др.]. М.: МГПУ, 2002. 232 с.

47. …Из русской думы / Сост., авт. портретов и текста «От сложителя» худож. Ю. Селиверстов; вступ. ст. В. Н. Ганичева и В. Г. Распутина. М.: Роман-газета, 1995. Т. I. С. 189–203.
48. *Исаченко В. И.* Образ Китая и китайцев в русской ментальности второй половины XIX — начала XX в.: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.13 / ФГБОУ ВПО «Амурский гос. ун-т». Благовещенск, 2005. 25 с.
49. История биологии с древнейших времен до начала XX века / Под ред. С. Р. Микулинского. М.: Наука, 1972. С. 503–504.
50. *Зеньковский В. В.* Русские мыслители и Европа. М.: Республика, 2005. С. 62–75.
51. *Золотарев Д. Н.* Позднее славянофильство и его роль в общественно-политической мысли России 60-х — 90-х гг. XIX века: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2004. 24 с.
52. *Камкин А. К.* Сравнительный анализ культурологических концепций Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера и их значение для современности: автореф. дис. … канд. филос. наук: 24.00.01 / Моск. гос. лингвист. ун-т. М., 2004. 26 с.
53. *Кареев Н. И.* Теория культурно-исторических типов (Н. Я. Данилевский: «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому». Издание четвертое. СПб., 1889) // Русская мысль. М., 1889. Год десятый, кн. IX. С. 1–32.
54. *Клементьев А. А.* «Россия и Европа» Н. Я. Данилевского в истории русской философской мысли: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.03 / Ин-т философии и права. Челябинск, 2006. 20 с.
55. *Ковалева О. С.* Трансформация «концепции культуры» неославянофилов в XIX–XX вв.: автореф. дис. … канд. историч. наук: 24.00.01 / Астрахан. гос. ун-т. Астрахань, 2012. 17 с.
56. *Кожурин А. Я.* Богословская проблематика в творчестве Н. Я. Данилевского // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21. Вып. 1. СПб.: Изд-во РХГА, 2020. С. 248–254.
57. *Кожурин А. Я.* Концепция науки Н. Я. Данилевского // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. Спецвыпуск к 111-летию. СПб., 2015. С. 14–18.
58. *Кожурин А. Я.* Критика идейных оснований русского либерализма и нигилизма в трудах Н. Я. Данилевского // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. Вып. 4. СПб.: Изд-во РХГА, 2019. С. 298–306.

59. *Кожурин А. Я.* Политическая антропология Н. Я. Данилевского // Гуманитарные ирактики в современном социуме: модернизация и глобализация. Сборник научных трудов. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2011. С. 336–352.
60. *Кожурин А. Я.* Русская философия науки: XIX — первая половина XX века. [б. м.]: Издательские решения, 2017. С. 179–199.
61. *Кожурин А. Я.* Ценностные аспекты научного знания в трудах поздних славянофилов (Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов, В. В. Розанов) // Философско-культурологические проблемы идентичности в контексте современности. Материалы международной конференции «Культурная идентификация молодежи в условиях глобализации». СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2010. С. 402–415.
62. *Кожурин А. Я., Давыденкова А. Г.* Культурно-цивилизационный подход к мпровой истории в свете труда Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2020. № 1. С. 42–54.
63. *Кольцов Б. А.* Идея органицизма в философско-исторических концепциях Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.03 / Сарат. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2003. 22 с.
64. *Кондратенко А. И.* У истоков русской национальной идеи: Ф. В. Ростоичин, Н. Я. Данилевский и их время (историко-политологический анализ). Орел: Издательство ОРАГС, 2002. 176 с.
65. *Крикунов А. Е.* В. В. Розанов и Н. Я. Данилевский: Онтология истории и рождение исторической памяти // Энтелехия. Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2010. Т. 16. С. 95–99.
66. *Криницкая Г. С.* Проблема русской дипломатии в теории истории Н. Я. Данилевского // Журналистский ежегодник. Томск. № 3. 2014. С. 42–48.
67. *Кузнецов А. В.* Идея всеславянского союза в творчестве Н. Я. Данилевского // Преподаватель XXI век. 2015. № 3. Т. 2. С. 382–388.
68. *Кузнецов Ю. В., Салмина И. Ю.* Философия истории Н. Я. Данилевского и западноевропейская мысль XIX–XX веков: особенности рецепции // Вестник МГТУ. Т. 14. № 2. 2011. С. 248–253.
69. *Левицкий С. А.* Очерки по истории русской философии. М.: Канон, 1996. С. 122–125.
70. *Леонтьев К. Н.* Владимир Соловьев против Данилевского // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и полнтическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М.: Республика, 1996. С. 466–511.
71. *Ли Хайянь.* Теория культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского в России и Китае: автореф. дис. … каид. филос. наук: 09.00.03 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филос. фак. М., 2010. 20 с.

72. *Лосский Н. О.* История русской философии. Пер. с англ. М.: Советский писатель, 1991. С. 79–81.
73. *Маякунов А. Э.* Национально-государственные ироблемы России в творчестве Н. Я. Данилевского: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.10 / СПбГУ. СПб., 1994. 22 с.
74. *Маякунов А. Э.* Национально-государственные ироблемы России в творчестве Н. Я. Данилевского. СПб.: Лань, 1994. (378 с.
75. *Михайловский Н. К.* Россия и Европа. Записки профана // Михайловский Н. К. Полное собрание сочинений. 4-е изд. Т. 3. СПб.: Изд-во редакции журнала «Русское богатство», 1909. Стб. 854–887.
76. *Михеев В. М.* Тоталитарный мыслитель: Аналнз теоретического наследия мыслителя XIX века Н. Я. Данилевского (1822–1885). Брест: Заря над Бугом, 1994. 96 с.
77. *Михеев В. М.* Философия истории Н. Я. Данилевского: автореф. дис. … каид. филос. наук: 09.00.03 / Рос. акад. управления. М., 1994. 24 с.
78. *Мичурина З. В.* Проблема духовной идентичности России в трудах П. Я. Чаадаева и Н. Я. Данилевского // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. https://cyberleninka.ru/article/n/problema-duhovnoy-identichnosti-rossii-v-trudah-p-ya-chaadaeva-i-n-ya-danilevskogo/viewer (дата обращения — 09.03. 2020).
79. *Мичурина З. В.* Проблема духовной самобытности России в русской философии XIX — первой половины XX века: основные концепции: автореф. дис. … каид. филос. наук: 09.00.03 / Юж. федер. ун-т. Ростов-н/Д, 2018. 31 с.
80. *Мордовской Н. В.* К критике «философии истории» Н. Я. Данилевского // Философские проблемы общественного развития. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 261–299.
81. *Нугманова Н. Х.* Н. Я. Данилевский: традиции цивилизационного подхода в отечественной историографии: автореф. дис. … каид. ист. наук: 07.00.09 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Истор. ф-т. М., 1996. 24 с.
82. *Навленко А. Н.* Прошлое и настоящее теории Данилевского // Россия и Европа. Опыт соборного аналнза. М.: Собор, 1990. С. 153–176.
83. *Павленко А. Н.* «Темпоральная монадология» и времявосприятие Н. Я. Данилевского // Философия и культура в России: методологические проблемы. М.: ИФРАН, 1992. С. 64–76.
84. *Нарилов О. В.* Консервативная форма русского национального самосознания: становление и основные этапы развития: автореф. дис. … д-ра филос. наук: 09.00.13 / Нижегородский гос. пед. ун-т. Н. Новгород, 2006. 34 с.
85. *Неунова М. Н.* Неославянофильство // История философии в СССР: в 5 т. Т. 3. М.: Наука, 1968. С. 323–341.

86. *Нивоваров Ю. С.* Николай Данилевский в русской культуре и в мировой науке // Мир России. 1991. № 1. С. 163–216.
87. *Пивоваров Ю. С.* Споры о Данилевском // Рубежи. 1996. № 5. С. 34–59; № 6. С. 61–82; № 7. С. 52–77.
88. *Ничугин В. И.* В. В. Розанов: «Около Данилевского» // Вестник Московского ун-та. Серия. История. 2000. № 2. С. 72–86.
89. *Нолатайко С. В.* Образовательные идеалы социальной философии. СПб.: Наука, 2007. 192 с.
90. *Полатайко С. В.* Образовательный смысл органической теории общества // Антропологический синтез: религия, философия, образование / Сост., предисл. А. А. Королькова. СПб.: РХГИ, 2001. С. 53–64.
91. *Нолатайко С. В.* Органическая теория Н. Я. Данилевского // Введение в философию. Ч. I: учебное пособие / Под ред. проф. В. И. Стрельченко и проф. К. В. Султанова. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2003. С. 291–293.
92. *Нолатайко С.* В. Пространственно-временные основания теории культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.11 / РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 1998. 18 с.
93. *Ноломошнов А. Ф.* Культурная идентичность России: Н. Данилевский против В. Соловьева: автореф. дис. … д-ра филос. наук: 24.00.01 / Юж. федер. ун-т. Ростов-н/Д, 2007. 45 с.
94. *Ноломошнов А. Ф.* Историософская парадигма Н. Я. Данилевского // Научная мысль Кавказа. Приложение. 2006. № 8. С. 15–27.
95. *Ноломошнов А. Ф.* Культурно-исторические различия России и Европы: взгляд Н. Я. Данилевского // Голос разума. 2006. № 1. С. 20–46.
96. *Поломошнов А. Ф.* Россия в культурно-историческом пространстве. Н. Данилевский и В. Соловьев. Ростов-н/Д: Изд-во ЮФУ, 2007. 288 с.
97. *Ноломошнов А. Ф.* Тема культуры в историософии Н. Я. Данилевского // Известия Высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион (общественные науки). Приложение. 2006. № 9. С. 3–13.
98. *Нолякова Н. В.* К вопросу о «Макиавеллизме» в политической этике Н. Я. Данилевского // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. Т. 10. Вып. 2. С. 123–129.
99. *Нрокудин Б. А.* Идея славянского единства в политической мысли России XIX века: генезис, основные направления и этапы развития: автореф. дис. … канд. политич. наук: 23.00.01 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филос. фак. М., 2007. 30 с.
100. *Нрорешная О. В.* Встреча двух онтологий культур: Н. Я. Данилевский и О. Шпенглер // Вопросы культурологи. 2009. № 1. С. 14–17.

101. *Нсеуш А. А.* Проблема «Россия и Европа» в историософии Н. Я. Данилевского: автореф. дис. … каид. филос. наук: 09.00.03 / МГУ. М., 1994. 24 с.
102. *Нтицын А. Н.* Концепция «славянской цивилизации» Н. Я. Данилевского: автореф. дис. … каид. ист. наук: 07.00.02 / Ставропол. гос. ун-т. Ставрополь, 1999. 22 с.
103. *Нтицын А. Н.* Концепция «Славянской цивилизации» Н. Я. Данилевского. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2003. 164 с.
104. *Нустарнаков В. Ф.* Концепция «культурно-исторических типов» («локальных цивилизаций») Н. Я. Данилевского // Цивилизация и исторический процесс. Препр. докладов VI Всесоюзного сов. ФО СССР / Отв. ред. Л. И. Новикова. М.: ИФАН, 1983. С. 124–127.
105. *Нушкин С. Н.* Н. Данилевский и К. Леонтьев как философы культуры // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 7. 2006. Вып. 2. СПб.: Изд-во РХГА, 2006. С. 171–178.
106. *Рахманина Н. В.* Социально-философский анализ концепции «Россия и Европа»: Н. Я. Данилевский: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.11 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филос. фак. М., 1995. 18 с.
107. *Репников А. В.* Консервативные представления о переустройстве России. М.: Academia, 2007. 520 с.
108. *Розанов В. В.* Вопрос о происхождении организмов // Розанов В. В. Собрание сочинений. Т. 25. Природа и история (Статьи и очеркн 1904–1905 гг.). М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. С. 12–33.
109. *Розанов В. В.* Поздние фазы славянофильства // Розанов В. В. Собрание сочинений. Т. 7. Легеида о Велнком инквизиторе Ф. М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях. М.: Республнка, 1996. С. 246–261.
110. *Рудницкая Е.* Владимир Соловьев против Николая Данилевского // Vittorio: международный научный сборник, посвященный 75-летию Витторио Страды, 2005. С. 93–113.
111. *Саввин А. В.* Патриотический контекст в отечественных гуманитарных исследованиях на примере «России и Европы» (к 190-летию Н. Я. Данилевского) // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. 2012. Вып. 2(40). С. 73–79.
112. *Сахно А. А.* Культурная самобытность и проблема межкультурных коммуникаций в работе Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» // Сервис в России и за рубежом. 2008. № 4. https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-samobytnost-i-problema-mezhkulturnyh-kommunikatsiy-v-rabote-n-ya danilevskogo-rossiya-i-evropa/viewer (дата обращения — 09.00.2020).
113. *Семенков В. Е.* Психологическая антропология Н. Я. Данилевского // Философская антропология: Очерк истории / Под ред. Б. В. Маркова, А. Н. Исакова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. С. 157–163.

114. *Сербенко Н. И., Соколов А. Э.* Кризис культуры как исторический феномен (в концепциях Н. Данилевского, О. Шпенглера, П. Сорокина) // Философские науки. 1990. № 7. С. 37–47.
115. *Сербиненко В. В.* Русская философия: курс лекций. 2-е изд., стер. М.: Омега-Л, 2006. С. 114–119.
116. *Скоробогатько А. В.* Проблема общественного идеала в русской социальной философии: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.11 / РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 2004. 38 с.
117. *Смолин М. Б.* Тайны русской империи. М.: Вече, 2014. С. 73–80.
118. *Снетова И. В.* Учение Чарльза Дарвина в критической рефлексии Николая Данилевского и Николая Страхова (из истории дарвинизма в России) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 43–50.
119. *Соколов Э. В.* Проблема взаимодействия культур в теории культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского // Взаимовлияние форм культуры в духовной жизни общества. ЛГИК им. Н. К. Крупской. Т. 103. Л., 1986. С. 8–22.
120. *Соколова С. Н.* Философский анализ концепции культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.11 / Акад. повыш. квал. и переподг. работ. образ. РФ. М., 1999. 22 с.
121. *Соловьев В. С.* Данилевский // Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 406–414.
122. *Соловьев В. С.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 333–396, 513–591.
123. *Сорокин Н. А.* Макросоциологическая теория цивилизации Н. Я. Данилевского // Сорокин П. А. О русской общественной мыслн. СПб.: Алетейя, 2000. С. 128–137.
124. *Сороковых В. В.* Педагогический потенциал наследия Н. Я. Данилевского в контексте российского философско-образовательного поиска: автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина. Елец, 2005. 24 с.
125. *Степанов А. Д.* Актуальна ли теория культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского? // Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. Вып. 4. СПб.: Изд-во РХГА, 2019. С. 291–297.
126. *Степанян А. О.* Социокультурные особенности российской геополитики: Социально-философский аспект: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.11 /. Балт. гос. техн. ун-т (ВОЕНМЕХ) им. Ф. Д. Устинова. СПб., 2004. 17 с.
127. *Страхов Н. Н.* Борьба с Западом / Сост. и коммент. А. В. Белова; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 363–512.
128. *Страхов Н. Н.* Всегдашняя ошибка дарвинистов (по поводу статьи проф. Тимирязева «Опровергиут ли дарвинизм?») //http://

az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1887_oshibka.shtml (дата обращения — 19.09.2018).

129. *Страхов Н. Н.* Предисловие к критическому исследованию Данилевского «Дарвинизм» // Данилевский Н. Я. Дарвинизм. Критическое исследование. М.: Изд-во «ФИВ», 2015. С. 8–42.
130. *Султанов К. В.* Концепция культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского и современная западная философия истории // Философские и социологическне исследования: Ученые записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда. Л., 1972. С. 182–193.
131. *Султанов К. В.* Наука как культурно-исторический феномен (концепция Н. Я. Данилевского) // Стратегии взаимодействия философии, культурологии и общественных коммуникаций. СПб.: Изд-во РХГИ, 2003. С. 265–272.
132. *Султанов К. В.* Социальная философия Н. Я. Данилевского и проблема «культурно-исторических типов» в современной общественной мысли: автореф. дис. … д-ра филос. наук: 09.00.11; 09.00.03 / РГПУ им. А. И. Герцена. СПб., 1995. 29 с.
133. *Султанов К. В.* Социальная философия Н. Я. Данилевского: конфликт интерпретаций. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2001. 247 с.
134. *Султанов К. В.* Философско-социологическая система Н. Я. Данилевского и ее толкование в современной буржуазной философии: автореф. дис. … к-та филос. наук: 09.00.03 / ЛГУ им. А. А. Жданова. Л., 1975. 15 с.
135. *Тимирязев К. А.* Опровергпут ли дарвинизм? // Тимпрязев К. А. Избранные сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Сельхозгиз, 1949. С. 287–354.
136. *Тимофеев М. С.* Н. Я. Данилевский и цивилизационные основы сильного Российского государства // Вестник Российского университета кооперации. 2015. № 3(21). С. 125–129.
137. *Фаминцын А. С.* Данилевский и дарвинизм. Опровергпут ли дарвинизм Данилевским? // Вестник Европы. 1889. Т. I. Кн. 2. С. 616–643.
138. *Фатеев В. А.* Беседа 6. Н. Н. Страхов и В. С. Соловьев: к истории полемики // Н. Н. Страхов в диалогах с современниками. Философия как культура понимания / С. М. Климова, Е. А. Антонов, Н. П. Ильин и др. СПб.: Алетейя, 2010. С. 153–173.
139. *Филатов А. Н.* К критике методологии исторического исследования Н. Я. Данилевского // Ученые записки Казанского гос. пед. ин-та. Казань, 1977. Вып. 178. С. 105–121.
140. *Филатов А. Н.* Методологические аспекты концепции «культурно-исторических типов» Н. Я. Данилевского: автореф. дис. … каид. ист. наук: 07.00.09 / Казань, 1979. 20 с.
141. *Флоровский Г.* Вечное и преходящее в учении русских славянофилов / Публ. С. С. Хоружего // Начала. № 3. М., 1991. С. 30–50.

142. *Хачатурян В. М.* Н. Я. Данилевский: европейская цивилизация и Россия // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М.: Наука, 1992. С. 36–53.
143. *Хорошева А. В.* Позитивизм как составная часть теории Н. Я. Данилевского // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2005. № 2. С. 70–96.
144. *Хорошева А. В.* Проблема прогресса в историософии Н. Я. Данилевского // Материалы межвузовской научной конференции аспирантов и студентов. Истоки. Вып. III. Липецк, 2004. С. 11–15.
145. *Хорошева А. В.* Творчество Н. Я. Данилевского в общественной мысли пореформенной России: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Историч. фак. М., 2007. 22 с.
146. *Хорошева А. В.* «Удел России — удел счастливый…»: историософия Н. Я. Данилевского. М.: Изд-во Московского университета, 2015. 298 с.
147. *Чернышева Л. И.* Проблемы России и Европы в творчестве Н. Я. Данилевского и реалии современного мира // Гуманитарные наукн. Вестник Финансового университета. 2016. № 2(22). С. 68–75.
148. *Чесноков Г. Д.* Теория культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского // Чесноков Г. Д. Современная буржуазная философия истории. Горький: Волго-Вятское ки. изд-во, 1972. С. 16–37.
149. *Шапаренко В. В.* Цивилизационная теория Н. Я. Данилевского как историко-методологическая парадигма: автореф. дис. … каид. филос. наук: 09.00.01 / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2003. 27 с.
150. *Шевляков А. И.* Книга Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» в полемике 80-х годов XIX века // Социологические исследования. 1998. № 12. С. 126–129.
151. *Шевляков А. И.* Концепция российской государственности Н. Я. Данилевского: автореф. дис. … канд. полит. наук: 23.00.03 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Филос. ф-т. 1999. М., 1999. 21 с.
152. *Шиманская О. К.* Принципы философии кризиса в творчестве Н. Я. Данилевского // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2006. № 1. С. 626–633.
153. *Шишкин Д. Н.* Критический аналнз концепции «культурно-исторических типов»: автореф. дис. … каид. филос. наук: 09.00.03 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1985. 18 с.
154. *Яковенко Б. В.* История русской философии. Пер. с чеш. / Общ. ред. и послесл. Ю. Н. Солодухина. М.: Республика, 2003. С. 305–307.
155. *Fander F.* Seventy Years of Pan-Slavism in Russia: Karamzin to Danilevsky, 1800–1870. Washington, D. C., Georgetown University Press, 1962. 429 p.
156. *Kohn H.* Dostoevsky and Danilevsky. Nationalist Messianism // Simmons E. (ed.). Continuity and Change in in Russian and Soviet Thought.

Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press, 1955. P. 500–515.

157. *Mac-Master R.* Danilevsky and Spengler: A new interpretation // Journal Modern History. 1954. Vol. XXVI. № 2. P. 156–159.
158. *Mac-Master R.* Danilevsky. A Russian totalitarian philosopher. Cambridge (Mass.): Mass. University Press, 1967. 368 p.
159. *Mac-Master R. E.* The Question of Heinrich Ruckert's influence on Danilevsky // American Slavic and East European Review. 1955. № 2. P. 59–66.
160. *Petrovich M. B.* The emergence of Russian Panslavism, 1856–1870. N. Y.: Columbia University Press, 1956. XIV. 312 p.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 7

Часть I. Жизненный путь Н. Я. Данилевского 15

Часть II. «Россия и Европа» 33

Глава 1. Культурно-цивилизационный и формационный подходы к мировой истории 35

Глава 2. Теория культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского 50

Глава 3. Споры вокруг «России и Европы» 70

Глава 4. Публицистика Н. Я. Данилевского 90

Часть III. «Дарвинизм» 113

Глава 1. Концепция Н. Я. Данилевского в контексте русской традиции философии науки 115

Глава 2. Дарвиновская теория эволюции и ее социально-антропологические преломления 127

Глава 3. Данилевский contra Дарвин (Интерпретация теории эволюции в трудах русского мыслителя) 146

Глава 4. Полемика вокруг «Дарвинизма» 165

Заключение 180

Первоисточники 183

Исследования 186

Избранная библиография 190

Научное издание

Кожурин Антон Яковлевич

Н. Я. ДАНИЛЕВСКИЙ:
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Корректура *И. Л. Климович*
Технический редактор *Е. М. Денисова*

Подписано в печать 09.11.2020. Формат $60 \times 90\ ^1/_{16}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,75. Тираж 300 экз. Заказ № 255к

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена.
191186, С.-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Типография РГПУ им. А. И. Герцена.
191186, С.-Петербург, наб. р. Мойки, 48